

ДЕМИС

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH

ISSN print: 2782-2303

ISSN online: 2782-229X

2021.TOM 1. № 4

ДЕМИС. Демографические исследования.

2021. Том 1. № 4

DEMIS. Demographic research.

2021. Vol. 1. No 4

Научный рецензируемый журнал
Издается с 2021 г.
Периодичность: 4 раза в год
Журнал открытого доступа
DOI: 10.19181/demis.2021.1.4

Peer-reviewed scientific journal
Founded in 2021
Publication frequency: quarterly
Open access
DOI: 10.19181/demis.2021.1.4

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС 77-78699 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 30 июля 2020 г.

Media registration certificate PI No. FS 77-78699 issued on July 30, 2020, by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный
Плата за публикацию с авторов не взимается

Free access
Authors are not charged for publication

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>

ISSN печатной версии: 2782-2303
ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

- Рязанцев Сергей Васильевич**, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Безвербный Вадим Александрович**, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, заместитель директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Вирккунен Йони**, доктор наук, профессор, Университет Восточной Финляндии, Куопио, Финляндия
- Воробьева Ольга Дмитриевна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Гаврилова Наталья Сергеевна**, кандидат биологических наук, научный сотрудник Центра по проблемам старения, Университет Чикаго, Чикаго, США
- Гейгер Мартин**, доктор наук, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада
- Аббаси-Шавази Джалал Мохаммад**, доктор наук, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран
- До Кармо Роберто Луиз**, доктор наук, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия
- Жуков Василий Иванович**, академик РАН, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Институт государства и права РАН, Москва, Россия
- Иванова Алла Ефимовна**, доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Инглис Кристине Бренда**, доктор наук, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия
- Карачай Айсем Бириз**, доктор наук, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция
- Ким Сейонджин**, доктор наук, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея
- Леденева Виктория Юрьевна**, доктор социологических наук, руководитель отдела, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Мартин Филип**, доктор наук, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США
- Марушиакова-Попова Елена Андреевна**, доктор наук, доцент, Институт этнологии и фольклора Болгарской академии наук, София, Болгария
- Молодикова Ирина Николаевна**, кандидат географических наук, руководитель проекта по миграции и безопасности на постсоветском пространстве, Центрально-Европейский университет, Будапешт, Венгрия
- Пизарро Синтия Александра**, доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина
- Ростовская Тамара Керимовна**, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Рыбаковский Леонид Леонидович**, доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Хорие Норие**, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония
- Шенк Каресс**, доктор наук, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Vadim A. Bezverbny**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Joni Virkkunen**, PhD, Professor, University of Eastern Finland, Kuopio, Finland
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Analyst, Academic Research Centers, Centre on Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasily I. Zhukov**, Member of the RAS, Chief Researcher of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economics, Professor, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociology, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Project Lead on Migration and Security in the Post-Soviet Space, Environmental science and policy department, Central European University, Budapest, Hungary
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Leonid L. Rybakovsky**, Doctor of Economics, Professor, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Norio Horie**, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

<i>Рязанцев С. В., Мирязов Т. Р.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И МЕТОДИКА ОЦЕНКИ	5
<i>Соколова А. А., Калачикова О. Н.</i> МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ	20

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

<i>Пискунов С. А.</i> СОВЕТСКАЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х – 1980-Х ГГ.: ОПЫТ РСФСР	33
<i>Ниорадзе Г. В.</i> МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ: ОБЩЕМИРОВЫЕ И РОССИЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ	43

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

<i>Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А.</i> ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ ГЛАЗАМИ РОССИЯН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	59
<i>Смирнов А. В., Храмова М. Н.</i> ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЯНОК	72
<i>Жампеисов Даурен А., Жампеисов Думан А.</i> ПРЕСТУПНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ	82

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

<i>Чэньцай Фэн, Рязанцев С. В., Моисеева Е. М.</i> МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ МОЛОДЫХ МИГРАНТОВ В ГОРОДАХ КИТАЯ	96
<i>Агарвал Шраддха.</i> ВОЗВРАТНАЯ МИГРАЦИЯ В ИНДИИ КАК НОВЫЙ ВЫЗОВ ПАНДЕМИИ COVID-19	115
<i>Кузнецов Н. Г.</i> ПОЛИТИКА СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРИБСКОГО БАССЕЙНА В ОБЛАСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ.....	129
<i>Сюнякова Д. А.</i> ИНФЕКЦИОННЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ СРЕДИ МИГРАНТОВ В СТРАНАХ СУБРЕГИОНА БОЛЬШОГО МЕКОНГА ДО ПАНДЕМИИ COVID-19	140

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Лукьянец А. С.</i> ЭКСПЕДИЦИИ СОТРУДНИКОВ ИДИ ФНИСЦ РАН В РАЙОНЫ КРАЙНЕГО СЕВЕРА	152
<i>Рубан Л. С., Ван Цзи.</i> XVIII РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ЭКСПЕРТНЫЙ ФОРУМ «РЕСУРСНАЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ»	159

CONTENT

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION THEORY

<i>Sergey V. Ryazantsev, Timur R. Miryazov.</i> DEMOGRAPHIC WELL-BEING: THEORETICAL APPROACHES TO DEFINITION AND ASSESSMENT METHOD	5
<i>Anastasia A. Sokolova, Olga N. Kalachikova.</i> MIGRATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF BEHAVIORAL ECONOMICS THEORIES	20

ECONOMIC DEMOGRAPHICS

<i>Sergey A. Piskunov.</i> SOVIET RESETTLEMENT POLICY IN THE SECOND HALF OF THE 1940S – 1980S: THE EXPERIENCE OF THE RSFSR	33
<i>Georgy V. Nioradze.</i> INTERNATIONAL MIGRATION OF THE OLDER GENERATION: GLOBAL AND RUSSIAN TRENDS	43

SOCIAL DEMOGRAPHICS

<i>Tamara K. Rostovskaya, Oksana V. Kuchmaeva, Olga A. Zolotareva.</i> THE VALUE OF THE FAMILY IN THE EYES OF RUSSIANS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS	59
<i>Alexey V. Smirnov, Marina N. Khramova.</i> THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE REPRODUCTIVE ATTITUDES OF RUSSIAN WOMEN	72
<i>Dauren A. Zhampeissov, Duman A. Zhampeissov.</i> CRIME IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: SOCIO-ECONOMIC, SOCIOCULTURAL AND MIGRATION FACTORS	82

DEMOGRAPHIC REGIONAL STUDIES

<i>Feng Chengcai, Sergey V. Ryazantsev, Evgeniya M. Moiseeva.</i> CHINESE MOBILE YOUTH'S INTENTIONS TO STAY IN THE CITY	96
<i>Shraddha Agarwal.</i> RETURN MIGRATION: THE SECOND MAJOR OUTBREAK DUE TO COVID-19 IN INDIA	115
<i>Nikita G. Kuznetsov.</i> POLICIES IN REGULATING EDUCATIONAL MIGRATION IN LATIN AMERICA AND THE CARIBBEAN COUNTRIES	129
<i>Dilyara A. Syunyakova.</i> INFECTIOUS DISEASES AMONG MIGRANTS IN COUNTRIES OF THE GREATER MEKONG SUBREGION BEFORE THE COVID-19 PANDEMIC	140

SCIENTIFIC LIFE

<i>Artem S. Lukyanets.</i> EXPEDITIONS OF RESEARCHERS FROM THE IDR FCTAS RAS TO THE RUSSIAN FAR NORTH	152
<i>Larisa S. Ruban, Qi Wang.</i> XVIII RUSSIAN-CHINESE EXPERT FORUM “RESOURCE AND TECHNOLOGICAL BASIS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT”	159

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И МЕТОДИКА ОЦЕНКИ

Рязанцев С. В.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: riazan@mail.ru*

Мирязов Т. Р.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: miryazov_timur@mail.ru*

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>

Для цитирования: Рязанцев С. В., Мирязов Т. Р. Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>.

Аннотация. В статье вводится понятие «демографическое благополучие». На микроуровне под демографическим благополучием следует понимать возможность реализации matrimониальных, репродуктивных, миграционных установок, которые приводят к удовлетворенности жизнью и достижению желаемого физического, психического, социально-экономического состояния личности и семьи. Демографическое благополучие на уровне страны или территории (региона, области), т. е. на макроуровне, можно трактовать как сбалансированное соотношение количественных и качественных показателей демографического развития страны (региона) на протяжении минимум пяти лет. Также в статье рассматриваются особенности демографического развития Российской Федерации во время второй волны депопуляции. Предлагается методика оценки демографического благополучия на основе нескольких критериев. Во-первых, демографическое благополучие должна характеризовать положительная (восходящая) демографическая динамика, имеющая устойчивый (многолетний) характер. Во-вторых, демографически благополучными могут считаться регионы, в которых отмечается положительный общий прирост населения за счет двух компонент – естественного и миграционного прироста населения. Регионы, в которых отмечается миграционная или естественная убыль населения, но имеет место общий прирост, не могут считаться демографически благополучными. В-третьих, важным моментом можно считать соотношение показателей и динамику показателей рождаемости и смертности населения. Прежде всего, это их прямое соотношение, в котором рождаемость должна превышать смертность. В то же время уровень рождаемости должен быть близким к простому воспроизводству населения, а структура смертности не должна иметь экстремальных «выбросов» в виде сверхсмертности в трудоспособных и младших возрастах. В-четвертых, важным моментом являются качественные показатели демографического благополучия, в том числе сбалансированная половозрастная структура населения, оптимальная доля молодежи и пенсионеров, наличие трудовых ресурсов необходимых для социально-экономического развития. Приводится типология регионов Российской Федерации по показателям демографического благополучия. Также предлагаются меры демографической политики по достижению демографического благополучия в Российской Федерации, включая федеральные и региональные меры.

Ключевые слова: демографическое благополучие, демографическая безопасность, демографические процессы, воспроизводство населения, демографические показатели, рождаемость, смертность, миграция.

Введение

Исторически понятие «благополучие» происходит из психологии. В западной психологии понятие «благополучие» («well-being») определяется в самом широком смысле как многофакторный конструкт, представляющий сложную взаимосвязь культурных, социальных, психологических, физических, экономических и духовных факторов. Затем понятие «благополучие» вошло в социологию, получив социальное наполнение. Социальное благополучие в зарубежных исследованиях оценивается успешностью физического, психического, социального и экономического функционирования в социуме [1].

Демографическая наука пока не использует понятие «благополучие», хотя определенные признаки его имплементации из психологии и социологии отмечаются. Например, достаточно близок к демографии подход Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). В используемой ВОЗ дефиниции здоровья – «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» – понятие «благополучие» включает элементы, которые обеспечивают индивиду способность жить полноценной для него жизнью. В состоянии социального благополучия включаются несколько составляющих, в том числе субъективная оценка физического, психического, духовного, социального благополучия. Восприятие личностью своего положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых она живет, а также в соответствии со своими целями, ожиданиями, стандартами и заботами ВОЗ характеризует как качество ее жизни [2].

Эволюция теоретических подходов: от демографического роста к демографической устойчивости

В демографической науке и практике реализации демографической политики за последние 50–70 лет отмечается эволюция теоретико-методологических подходов к определению векторов и результативности демографического развития государств.

С конца 1940-х гг. вплоть до настоящего времени в демографии доминирует теория демографического перехода, которая увязывает результативность демографических процессов с социально-экономическими трансформациями в обществе, определяя параметры демографического роста и демографического развития обществ и государств, находящихся на разных этапах социально-экономической и демографической трансформации. Появляется понятие «демографического роста», также вводится термин «замещающая миграция», считалось, что иммиграция, приток иммигрантов, прежде всего трудоспособного возраста, могут заместить демографические потери стран с депопуляцией. Термин «замещающая миграция» впоследствии вызвал критику со стороны некоторых демографов, когда стало очевидно, что большое количество иммигрантов не может быстро быть интегрировано и ассимилировано в принимающих странах с депопуляцией. В результате значительная популяция иммигрантов в буквальном смысле замещала местное население и формировала новое социокультурное пространство в некоторых городах и регионах Европы, вызывая недовольство и конфликты.

С 1990-х гг. становится актуальной концепция демографической безопасности (Concept of the Demographic Security), что отражается на секьютеризации демографической и миграционной политики. Все чаще на государственном уровне демографические процессы рассматриваются как составляющая национальной безопасности. В частности, Н. М. Римашевская вводит в научный оборот термин «русский

крест», описывая им ситуацию превышения числа умерших над числом родившихся в России в 1990-е гг. [3] По мнению В. Б. Жиромской, депопуляция – это вымирание населения вследствие его суженного воспроизводства [4, с. 8]. В. А. Ионцев настаивает на термине «демографический кризис», полагая что демографическая ситуация в России характеризуется крайне негативными тенденциями, требующими реакции со стороны государства [5]. Л. Л. Рыбаковский оперирует терминами «демографическая безопасность», описывает депопуляцию, используя применительно к России такие словосочетания как «обезлюживание территорий» (в контексте потерь населения на Дальнем Востоке), «режим воспроизводства населения, характеризующийся африканской смертностью и европейской рождаемостью» [6]. С. В. Соболева под демографической безопасностью понимает состояние защищенности жизни, непрерывного естественного воспроизводства населения и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической) от демографических угроз, поддерживаемое с помощью институциональной среды. По ее мнению, демографические угрозы – это явления, тенденции и действия, которые отрицательно влияют на функционирование демографической сферы и противоречат национальным и (или) региональным целям демографического развития, нарушают целостность, независимость и суверенитет государства [7].

Подчеркнем, что все перечисленные выше работы фактически лежат в русле подхода «демографической безопасности», подчеркивая негативный характер демографических процессов в России. С данным направлением полемизирует А. Г. Вишневецкий в монографии «Русский или прусский?», считая, что негативные демографические процессы, происходящие в России в 1990–2000-е гг. (т. е. ситуация «демографического креста»), являются следствием объективной демографической трансформации, характерной для всех экономически развитых стран мира [8]. В русле данного направления высказывается С. В. Захаров относительно трансформации рождаемости, подчеркивая, что ее снижение является объективным процессом, характерным для большинства экономически развитых стран мира [9]. По сути, авторы данных работ считают, что вложения в демографическую политику не имеют особого смысла, поскольку не могут кардинально изменить объективный характер демографических процессов.

В 2020-е гг. ООН вводится новое понятие «демографическая устойчивость» (Demographic Resilience). Фонд ООН по народонаселению объявил десятилетием демографической устойчивости 2022–2032 гг. В рамках данной инициативы выделены ключевые направления, актуальные на среднесрочную перспективу:

- демографическое старение населения;
- оживление сельских районов;
- поддержка рождаемости;
- достижение гендерного равенства и проведение семейной политики;
- поддержка устремлений молодых людей;
- финансирование социальной политики.

В контексте идеи демографической устойчивости было реализовано несколько крупных проектов, в том числе в регионе Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии. В частности, 1–2 декабря 2021 г. крупная международная конференция министров по демографическому развитию “Shaping Europe’s Demographic Future: Pathways for Societies to Thrive in a World of Rapid Demographic Change” в Софии (Болгария). Обозначенные социально-демографические проблемы имеют особую ак-

туальность во многих странах Центральной и Восточной Европы (в Беларуси, Болгарии, Венгрии, Молдове, России, Сербии, Украине), которые в последние десятилетия столкнулись с проблемой депопуляции и миграционного оттока населения. Сокращение численности и миграционные потери населения лишают государства региона демографической устойчивости и становятся тормозом социально-экономического развития. В данном контексте становятся актуальными нейтрализация рисков демографической устойчивости и обеспечение условий для перехода к концепции демографического благополучия в странах региона Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии.

Методы и источники информации

В настоящем исследовании не только предложено понятие «демографическое благополучие», но и предпринята попытка разработать методику оценки демографического благополучия на примере регионов (субъектов) Российской Федерации. В качестве источников статистической информации были использованы данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстата), представленные на ее официальном сайте в разделе «Демография», а также в сборниках «Демографический ежегодник России» и «Численность и миграция населения Российской Федерации». На основе данных официальной демографической статистики построена серия картографических материалов, отражающих региональную дифференциацию демографических показателей, включенных в методику оценки демографического благополучия субъектов Российской Федерации. Картографические материалы составлены с использованием ГИС-технологий, что позволило использовать обширную базу геоданных с возможностью хранения, обновления и редактирования. С помощью ГИС удалось визуализировать данные и определить особенности в географическом распределении регионов с разным уровнем демографического благополучия.

Методика оценки демографического благополучия

Демографическое благополучие следует рассматривать как минимум с двух точек зрения. Во-первых, с позиции человека и семьи (микроуровень), когда под демографическим благополучием следует понимать возможность реализации матримонимальных, репродуктивных, миграционных установок, которые приводят к удовлетворенности жизнью и достижению желаемого физического, психического, социально-экономического состояния личности и семьи. Во-вторых, демографическое благополучие на уровне страны или территории (региона, области), т. е. на макроуровне. В этом случае демографическое благополучие можно трактовать как сбалансированное соотношение количественных и качественных показателей демографического развития страны (региона) на протяжении минимум пяти лет.

В связи с формулировкой понятия «демографическое благополучие» встает вопрос о критериях его оценки. Предлагается следующий перечень критериев оценки демографического благополучия.

Во-первых, демографическое благополучие должна характеризовать положительная (восходящая) демографическая динамика, которая носит устойчивый характер в течение, как минимум, пяти лет.

Во-вторых, демографически благополучными могут считаться регионы, в которых отмечается положительный общий прирост населения за счет двух компонент:

естественного и миграционного прироста населения. Регионы, в которых отмечается миграционная или естественная убыль населения, но при этом имеет место общий прирост, не могут считаться демографическим благополучными.

В-третьих, важным аспектом является соотношение и динамика показателей рождаемости и смертности населения. Прежде всего, их прямое соотношение, в котором рождаемость должна превышать смертность. Также важно, чтобы уровень рождаемости (суммарный коэффициент) был близок к простому воспроизводству населения (2,14–2,15 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста). Кроме того, структура смертности не должна иметь экстремальных «выбросов» в виде сверхсмертности в трудоспособных и младших возрастах.

В-четвертых, важным моментом являются качественные показатели демографического благополучия, в том числе сбалансированная половозрастная структура населения, характеризующаяся оптимальными долями молодежи и пенсионеров, наличием трудовых ресурсов необходимых для социально-экономического развития.

Результаты исследования

Российская Федерация на протяжении длительного периода своей новейшей истории живет в режиме депопуляции. За тридцать лет естественная убыль населения составила 14,4 млн человек, однако миграция компенсировала примерно 2/3 естественной убыли. В результате население страны сократилось лишь на 4,8 млн человек. Присоединение Крыма в 2014 г. уменьшило эту величину до 2,5 млн человек. Худшим периодом в демографическом развитии России были 1996–2005 гг. До середины 2000-х гг. вследствие роста смертности, начавшегося после дефолта 1998 г., естественная убыль населения держалась на отметке 840–850 тыс. человек в год. Это было самое трудное время депопуляции. Затем последовало десятилетие преодоления депопуляции и «оздоровления» демографической ситуации в стране. Но улучшение длилось недолго. За ним вновь наступила вторая волна депопуляции. Принципиальным отличием этого этапа демографического развития страны является то, что величина естественной убыли определяется исключительно сокращением числа родившихся, а смертность продолжает снижаться (см. табл. 1) [10]. Пандемия COVID-19 увеличила смертность населения в стране. По итогам 2020 г. число умерших возросло до 2124,5 тыс. человек, то есть на 18% выше, чем в 2019 г. Общее число зарегистрированных умерших с COVID-19, для которых коронавирус стал либо основной,

Таблица 1.

Показатели демографического развития России в 2016–2020 годы, тыс. человек

Table 1.

Indicators of the demographic development of Russia in 2016–2020, thousand people

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Число родившихся	1 888,7	1 690,3	1 604,3	1 481,1	1 435,7
Число умерших	1 891,0	1 826,1	1 828,9	1 798,3	2 124,5
Естественная убыль	-2,3	-135,8	-224,6	-317,2	-688,7
Миграционный прирост	261,9	211,8	124,8	285,1	106,4
Общий прирост населения	259,6	76,0	-99,7	-32,1	-582,3
Численность населения на начало года.	146 545	146 804	146 880	146 794	146 745

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики

либо косвенной причиной смерти, за апрель-декабрь 2020 г. достигло 162,3 тыс. человек, следует из данных Росстата, собирающего медицинские свидетельства о смерти из Единого госреестра ЗАГС¹.

В условиях негативных демографических тенденций давать оценку категории «демографическое благополучие» применительно к субъектам Российской Федерации достаточно сложно, однако возможно на основе анализа данных демографической статистики по обозначенным выше параметрам.

По первому критерию – положительная (восходящая) и устойчивая демографическая динамика – к демографически благополучным регионам в 2019–2020 гг. можно отнести только девятнадцать субъектов Российской Федерации, или 22% от общего числа регионов страны (см. рис. 1). Наиболее благополучными в демографическом отношении можно считать город Севастополь (рост населения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. составил 14,3%), Республику Ингушетию (1,8%), Чеченскую Республику (1,5%), Республику Саха (Якутия) (1,3%), Республику Тыва (0,9%), Ханты-Мансийский автономный округ (0,8%), Республику Дагестан, Калининградскую область и Ненецкий автономный округ (по 0,7%), Ямало-Ненецкий автономный округ (0,5%). В остальных 66 субъектах Российской Федерации отмечалось сокращение населения, т. е. регионы были демографически неблагоприятными.

Рис. 1. Динамика численности населения России в 2019–2020 гг., в %

Fig. 1. Dynamics of the population of Russia in 2019–2020, %

¹ Росстат назвал число умерших россиян с COVID-19 в 2020 году // РБК. Газета [сайт]. 08.02.2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/02/2021/602132e19a7947073f7ddeb5> (дата обращения: 05.09.2021).

По второму критерию – положительный общий прирост населения за счет естественного и миграционного прироста – демографически благополучными в 2020 г. могли считаться только шесть регионов страны (или 7% от их общего количества) (см. рис. 2). К их числу относились Республика Саха (Якутия) (+12,7 тыс. человек), Тюменская область (+5,1 тыс. человек), Ханты-Мансийский автономный округ (+13,7 тыс. человек), Ненецкий автономный округ (+293 человека), Республика Ингушетия (+8,9 тыс. человек), Республика Алтай (+869 человек).

Демографически неблагополучными в 2020 г. по второму критерию были 79 субъектов Российской Федерации (93% от их общего количества). Наиболее проблемными оказались Чукотский автономный округ (-988 человек), Смоленская область (-13,27 тыс. человек), Республика Мордовия (-10,64 тыс. человек), Тамбовская область (-10,99 тыс. человек), Владимирская область (-15,22 тыс. человек). Все эти регионы потеряли в 2020 г. более 1% населения при отрицательных значениях естественного и миграционного приростов.

Рис. 2. Регионы России с положительным естественным и миграционным приростом, 2020

Fig. 2. Regions of Russia with positive natural and migration growth, 2020

Следует отметить, что в естественном движении населения позитивная динамика отмечалась только в 13 регионах (см. рис. 3). К их числу относятся Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Тыва, Дагестан, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Ненецкий автономный округ, Кабардино-Балкария, Республика Алтай, Бурятия, Чукотский автономный округ, Карачаево-Черкессия и Тюменская область. Максимальные значения коэффициента естественного прироста на 1000 жителей наблюдались

в Чечне (13,7), Ингушетии (12,5) и Тыве (более 10,8). Положительные значения естественного прироста в большинстве случаев связаны с высоким уровнем рождаемости, сохраняющимся в национальных республиках Российской Федерации.

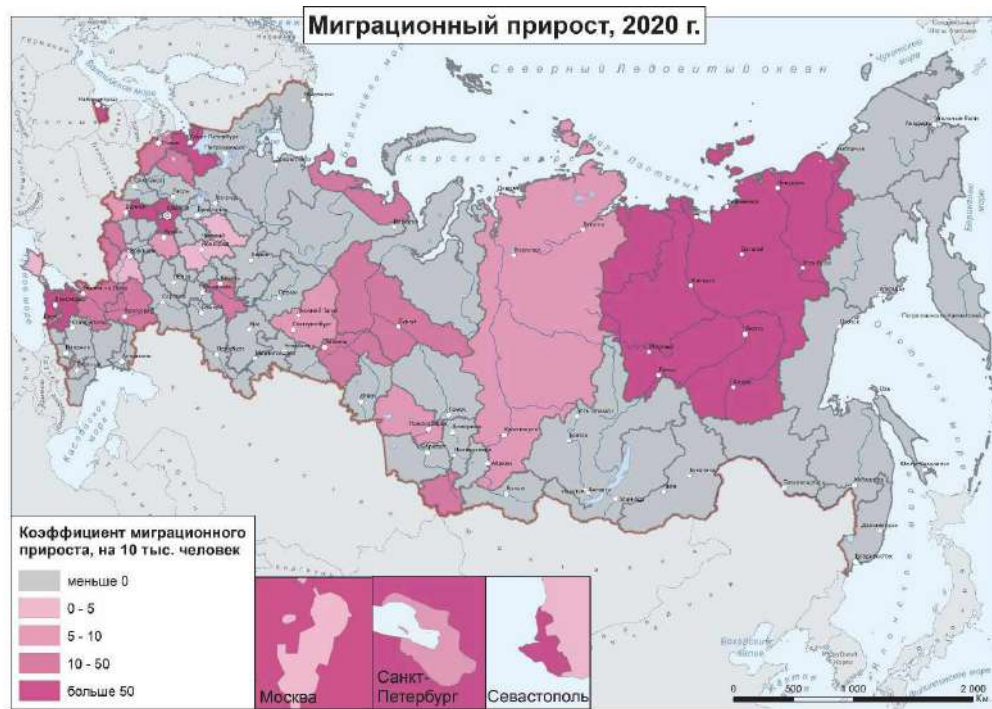

Рис. 3. Регионы России с положительным естественным приростом, 2020
Fig. 3. Regions of Russia with positive natural growth, 2020

Миграционный приток в 2020 г. отмечался в 31 субъекте Российской Федерации (36% регионов) (см. рис. 4). Наиболее привлекательными в миграционном отношении были субъекты с развитой экономикой, высоким уровнем заработной платы и емким рынком труда, которые стягивали на себя население из прочих регионов России и стран СНГ – Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край и другие. Регионы Южного федерального округа привлекают население мягким климатом в сочетании с возможностью ведения бизнеса и трудоустройства. Особенно популярным для мигрантов в 2019–2020 гг. стали агломерации Краснодара и Сочи. Максимальные значения миграционного прироста на 10 тыс. жителей отмечались в Севастополе (1313), Ленинградской области (168), Калининградской области (101), Калужской области (67), Московской области (65,7), Якутии (61) и Краснодарском крае (55).

По третьему критерию – суммарному коэффициенту рождаемости близкому к простому воспроизводству населения (2,14–2,15 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста) – к демографически благополучным в 2020 г. можно было отнести только Республику Тыва (2,97), Чеченскую Республику (2,57) и Ненецкий автономный округ (2,25) (см. рис. 5). Самый низкий уровень суммарного коэффициента рождаемости характерен для регионов европейской России с преобладанием русского населения и высокой долей численности городского населения. К их числу отно-

сятся Орловская область (1,27), Пензенская область (1,23), Саратовская область (1,23), Смоленская область (1,15), Тамбовская область (1,28), Тульская область (1,25).

Рис. 4. Регионы России с положительным миграционным приростом, 2020
Fig. 4. Regions of Russia with positive migration growth, 2020

Исследования группы демографов под руководством А. Е. Ивановой показывают, что важным элементом демографического благополучия является структура смертности населения. В частности, экстремальные «выбросы» в виде сверхсмертности в трудоспособных и младших возрастах свидетельствуют о нарушении «стандартной» структуры смертности населения, влияя негативно на демографический потенциал регионов [11; 12].

Среднее значение показателя смертности в трудоспособном возрасте по России составляет 497 смертей на 100 тыс. человек в 2020 г. Ниже всего уровень смертности среди трудоспособного населения отмечался в республиках Северного Кавказа: Ингушетия (200,1), Дагестан (222,7), Карачаево-Черкесия (326,8), Республика Кабардино-Балкария (336,1), а также в г. Москве (331,8). Высокая смертность в трудоспособном возрасте в 2020 г. отмечалась в Чукотском автономном округе (780,1), Амурской области (736,4), Республике Тыва (730,5), Иркутской области (685,8) и Еврейской автономной области (680,3).

Уровень младенческой смертности на 100 тыс. новорожденных в Республике Чувашия (209,71), Республике Коми (232,9), Калмыкии (287,62), Мордовии (296,54) и Адыгее (301,86) в 2020 г. был самым низким в стране (в среднем по России 444,41 младенческая смерть на 100 тыс.). Вместе с тем экстремальные значения по данному показателю наблюдались в Чукотском автономном округе (1435,64 смертей на 100 тыс.

новорожденных). Высокий уровень младенческой смертности фиксировался также в Костромской области (752,08), Республике Алтай (745,97), Дагестане (682,53) и Ненецком автономном округе (674,91).

Рис. 5. Суммарный коэффициент рождаемости в России, 2020
Fig. 5. Total fertility rate in Russia, 2020

По четвертому критерию – сбалансированной половозрастной структуре населения, характеризующейся оптимальными долями молодежи и пенсионеров, наличием трудовых ресурсов, необходимых для социально-экономического развития – наиболее благополучная ситуация в 2020 г. наблюдалась в четырех субъектах Российской Федерации, в том числе Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия), Республика Алтай, Республика Ингушетия.

В сравнении со средними значениями по России в данных регионах наблюдается высокая доля населения младше трудоспособного возраста (см. табл. 2). В перспективе это позволит рассчитывать на меньшие потери в численности трудоспособного населения. Вместе с тем доля старшей возрастной группы значительно ниже среднего значения по стране.

Общая картина половозрастной структуры представленных выше территорий схожа (см. рис. 6). Данные регионы характеризуются высокой долей сельского населения вместе с выраженной национальной спецификой. Рождаемость в таких субъектах продолжает оставаться на высоком уровне.

Наименьшая доля населения младше трудоспособного возраста наблюдается в регионах европейской части России. К ним относятся Тульская область (15%), Тамбовская область (15,1%), Республика Мордовия (15,1%), г. Москва (15,5%), Смоленская (15,6%), Ленинградская (15,6) и Воронежская (15,9) области.

Таблица 2.

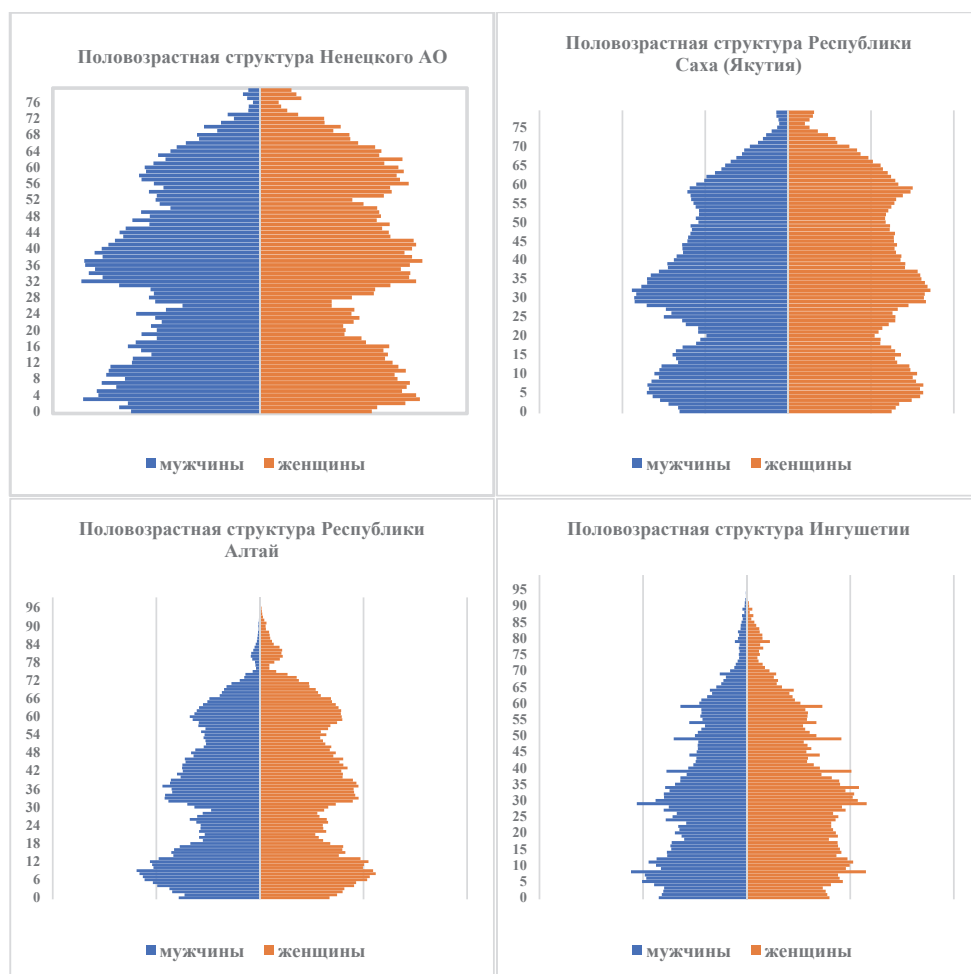
Возрастная структура населения, %

Table 2.

Age structure of the population, %

Возрастная группа	Ингушетия	Республика Алтай	Республика Саха (Якутия)	Ненецкий АО	Российская Федерация
моложе трудоспособного	28,01	27,83	24,52	24,47	18,70
трудоспособного	59,02	53,99	58,59	57,01	56,34
старше трудоспособного	12,96	18,17	16,88	18,52	24,96

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики

Рис. 6. Половозрастная структура Ненецкого автономного округа, Республики Саха (Якутия), Республики Алтай и Республики Ингушетия, 2020

Fig. 6. Gender and age structure of the Nenets Autonomous Okrug, the Republic of Sakha (Yakutia), the Republic of Altai and the Republic of Ingushetia, 2020

Наибольшая доля старшей возрастной группы также наблюдается в субъектах центральной России. Это Тамбовская (30,3%), Тульская (29,9%), Рязанская (30,3%), Пензенская (29,4%), Псковская (29,2%) и Новгородская области (29,1%).

Выводы и рекомендации

Таким образом, в контексте демографической ситуации в Российской Федерации, которая характеризуется сокращением численности населения в условиях второй волны депопуляции, важно задать позитивные векторы и целевые установки демографической политике. Полагаем, что в этой связи целесообразно шире вводить в обиход и активно использовать понятие «демографическое благополучие» при мониторинге и анализе демографической ситуации, а также с целью придания позитивной направленности и социального оптимизма процессам управления демографическими процессами.

С целью решения проблем депопуляции в Российской Федерации стране требуется министерство демографического развития. Также необходима мощная национальная программа демографического развития на среднесрочную перспективу, которая будет включать, как минимум четыре направления мер демографической и миграционной политики. Во-первых, планомерную поддержку и повышение доходов семей с детьми. Во-вторых, стимулирование самосохранительного поведения и повышение доступности здравоохранения в контексте сокращения бедности и повышения доходов населения в стране с целью сокращения смертности, прежде всего, в трудоспособных возрастах, а также увеличения продолжительности жизни населения страны. В-третьих, использование миграционных ресурсов, в том числе за счет привлечения образовательных мигрантов, соотечественников, части трудовых мигрантов. В-четвертых, создание условий для самореализации населения внутри страны, ориентированного на эмиграцию из России, что также обеспечит миграционный прирост населения [13].

Содержание термина «демографическое благополучие» следует рассматривать, как минимум, на двух уровнях: макроуровне (страны, региона) и микроуровне (семьи, домохозяйства, человека). В каждом из подходов имеется собственная специфика, что накладывает отпечаток на подходы к методике и оценке показателя демографического благополучия. В рамках Российской Федерации на демографические процессы значительное влияние оказывают социокультурные, региональные, этнорелигиозные особенности населения. Данные аспекты требуют учета в методике оценки демографического благополучия регионов страны. Требуется дальнейшего развития методика оценки демографического благополучия для территорий в части развития показателей и статистических демографических данных, используемых для их характеристики.

Список литературы

1. Immigration, Public Policy, and Health: Newcomer Experiences in Developed Nations. D. Raphael (ed.) Canadian Scholars Press, 2016. 392 p. ISBN: 9781551309279.
2. Клиническая психология. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Твороговой Н. Д. 2-е изд. – М.: Практическая медицина, 2016. – 608 с. ISBN: 978-5-98811-356-0.
3. Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. – 320 с. ISBN: 978-5-9950-0294-9.
4. Римаевская Н. М. «Русский крест» // Природа. 1999. № 6. С. 3–10.
5. Ионцев В. А., Магомедова А. Г. Демографические аспекты развития человеческого

капитала в России и ее регионах // Экономика региона. 2015. № 3 (43). С. 89–102. DOI: <https://doi.org/10.17059/2015-3-8>.

6. Рыбаковский Л. Л. Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты // Рос. акад. наук. Ин-т соц.-полит. исслед. – М.: Экон-Информ, 2003. – 55 с. ISBN: 5-9506-0047-9.

7. Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В. Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов // Мир новой экономики. 2016. № 4. С. 142–153.

8. Вишневский А. Г. Русский или прусский? Размышления переходного периода. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – 384 с. ISBN: 5-7598-0305-0.

9. Захаров С. В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). С. 124–140.

10. Рязанцев С. В., Рыбаковский Л. Л. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 9. С. 810–819. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587321090085>.

11. Иванова А. Е. Старт национальных проектов в сфере демографии и здравоохранения: региональные особенности // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. Т. 66. № 5. С. 4. DOI: <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-5-4>.

12. Иванова А. Е. Михайлов А. Ю. Оценка демографической политики по снижению смертности на региональном уровне в России // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 5 (57). С. 1.

13. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020 / С. В. Рязанцев, В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева [и др.]; Отв. ред. С. В. Рязанцев. – М.: ООО «Объединенная редакция», 2020. – 156 с. DOI: <https://doi.org/10.25629/НС.2020.13.01>. ISBN: 978-5-93856-292-9.

Сведения об авторах:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; PИНЦ Author ID: 77673; Scopus Author ID: 22136228700; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014.

Мирязов Тимур Робертович, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9143-1740; PИНЦ Author ID: 1025136; Scopus.Author ID: 57209221088; Web of Science Researcher ID: AAY-1530-2021.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07352.

Статья поступила в редакцию 30.08.2021; принята в печать 27.10.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC WELL-BEING: THEORETICAL APPROACHES TO DEFINITION AND ASSESSMENT METHODOLOGY

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Timur R. Miryazov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: miryazov_timur@mail.ru

For citation: Sergey V. Ryazantsev, Timur R. Miryazov. Demographic Well-Being: Theoretical Approaches to Definition and Assessment Methodology. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No 4. P. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>.

Abstract. The article introduces the concept of “demographic well-being”. At the micro level, demographic well-being should be understood as the possibility of realizing matrimonial, reproductive, migration attitudes, which leads to life satisfaction and the achievement of the desired physical, mental, socio-economic state of the individual and the family. Demographic well-being at the level of a country or its region, at the macro level, can be interpreted as a balanced ratio of quantitative and qualitative indicators of the demographic development of a country (region) for at least five years. The article also examines the features of the demographic development of the Russian Federation during the second wave of depopulation. A methodology for assessing demographic well-being based on several criteria is proposed. First, demographic well-being should be characterized by positive (upward) demographic dynamics that have a stable (long-term) character. Secondly, regions in which there is a population growth due to two components – natural and migratory population growth – can be considered demographically prosperous. Regions in which there is a migration or natural decline in population, but there is a general increase, cannot be considered demographically prosperous. Thirdly, the ratio of indicators and the dynamics of fertility and mortality rates can be considered an important point. First of all, this is their direct ratio, where the birth rate should exceed the death rate. At the same time, the birth rate should be close to the population replacement level, and the structure of mortality should have no extreme “surges” in the form of excess mortality in the working age and younger age groups. Fourth, an important point is the qualitative indicators of demographic well-being, including a balanced sex and age structure of the population, the optimal proportion of young people and pensioners, and the availability of labor resources necessary for socio-economic development. The typology of the regions of the Russian Federation according to the indicators of demographic well-being is presented. The authors also propose measures of demographic policy to achieve demographic well-being in the Russian Federation, including federal and regional measures.

Keywords: demographic well-being, demographic security, demographic processes, population reproduction, demographic indicators, fertility, mortality, migration.

References

1. *Immigration, Public Policy, and Health: Newcomer Experiences in Developed Nations*. D. Raphael (ed.) Canadian Scholars Press, 2016. 392 p. ISBN: 9781551309279.
2. *Klinicheskaya psikhologiya* [Clinical psychology]. Encyclopedic Dictionary / N. D. Tvorogova (ed.) 2nd ed. Moscow: Prakticheskaya meditsina Publishing House, 2016. 608 p. ISBN: 978-5-98811-356-0. (In Russ.)
3. Rimashevskaya N. M. “*Russkiy krest*” [“Russian cross”]. *Priroda* [Nature]. 1999. No. 6. P. 3–10. (In Russ.)
4. Zhiromskaya V. B. *Osnovnyye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [Main trends in the demographic development of Russia in the 20th century]. Moscow: Kuchkovo Pole Publishing House, 2012. 320 p. ISBN: 978-5-9950-0294-9. (In Russ.)
5. Iontsev V. A., Magomedova A. G. Demographic Aspects of Human Capital Development in Russia and Its Regions. *Economy of Region*. 2015. No. 3 (43). Pp. 89–102. DOI: <https://doi.org/10.17059/2015-3-8>. (In Russ.)
6. Rybakovsky L. L. *Demograficheskaya bezopasnost': populyatsionnyye i geopoliticheskiye aspekty* [Demographic security: population and geopolitical aspects]. Russian Academy of Sciences. Institute of Socio-Political Research. Moscow: Econ-Inform Publishing House, 2003. 55 p. ISBN: 5-9506-0047-9. (In Russ.)
7. Soboleva S. V., Smirnova N. E., Chudaeva O. V. Demographic Security of Russia: Regional Measures, Results Estimation. *The World of New Economy*. 2016. No. 4. Pp. 142–153. (In Russ.)
8. Vishnevsky A. G. *Russkiy ili prusskiy? Razmyshleniya perekhodnogo perioda* [Russian or Prussian? Reflections of the transition period]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2005. 384 p. ISBN: 5-7598-0305-0. (In Russ.)
9. Zakharov S. V. Perspektivy rozhdayemosti v Rossii: vtoroy demograficheskiy perekhod [Prospects for fertility in Russia: the second demographic transition]. *Otechestvennyye zapiski*. 2005. No. 3 (24). Pp. 124–140. (In Russ.)
10. Ryazantsev S. V., Rybakovsky L. L. Demograficheskoye razvitiye Rossii v XX–XXI vekakh: istoricheskoye i geopoliticheskoye izmereniya [Demographic development of Russia in the XX – XXI centuries: historical and geopolitical dimensions]. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2021. Vol. 91. No. 9. Pp. 810–819. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587321090085>. (In Russ.)
11. Ivanova A. E. Launch of National Projects in Demography and Healthcare: Regional Features. *Social Aspects of Population Health*. 2020. Vol. 66. No. 5. Pp. 4. DOI: <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-5-4>. (In Russ.)
12. Ivanova A. E., Mikhaylov A. Y. Assessment of Population Policy Aimed at Reducing Mortality at the Regional Level in Russia. *Social Aspects of Population Health*. 2017. No. 5 (57). Pp. 1. (In Russ.)
13. *Demograficheskoye razvitiye Rossii: tendentsii, prognozy, mery. Natsional'nyy demografiches-*

kiy doklad 2020 [Demographic development of Russia: trends, forecasts, measures. National demographic report 2020]. / S. V. Ryazantsev, V. N. Arkhangelsky, O. D. Vorobyova [and ors.]; Resp. ed. S. V. Ryazantsev. Moscow: Ob'yedinennaya redaktsiya Publishing House, 2020. 156 p. DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2020.13.01>. ISBN: 978-5-93856-292-9. (In Russ.)

Bio note:

Sergey V. Ryazantsev, RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Professor, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; RSCI Author ID: 77673; Scopus Author ID: 22136228700; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014.

Timur R. Miryazov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9143-1740; RSCI Author ID: 1025136; Scopus Author ID: 57209221088; Web of Science Researcher ID: AAY-1530-2021.

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project No. 19-29-07352.

Received on 30.08.2021; accepted for publication on 27.10.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Соколова А. А.

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

E-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru

Калачикова О. Н.

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

E-mail: onk82@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.3>

Для цитирования: Соколова А. А., Калачикова О. Н. Миграционные процессы в контексте теорий поведенческой экономики // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.3>.

Аннотация. Поведенческая экономика относительно новое явление в науке и тот факт, что некоторые исследования в этой области заслужили Нобелевскую премию, делают ее вклад значимым в рассмотрении не только экономических, но и миграционных процессов. Анализ источников показывает, что в отечественной литературе практически не встречается упоминаний о том, что миграционное поведение может быть объяснено с позиции тезисов поведенческой экономики. В данной работе мы рассматриваем несколько ключевых идей этого направления: теорию подталкивания, теорию перспектив, эволюционную теорию игр, когнитивные искажения и гедонистическую адаптацию. В данной статье мы выдвигаем гипотезу о том, что миграционные процессы могут быть не только объяснены с позиции поведенческой экономики, но также могут регулироваться при помощи инструментов данного направления. Поведенческая экономика может стать ключом к раскрытию динамики и истинных движущих сил миграционных процессов. Как показывает анализ информации по данному направлению, человек принимает решения основываясь не на законах логики и рационализма. Такие парадоксы, как когнитивные искажения и т. д. снижают эффективность действий индивида и дают стимул для научного сообщества к расширению числа эмпирических исследований миграционных процессов в рамках теорий поведенческой экономики.

Ключевые слова: миграционные процессы, поведенческая экономика, миграционное поведение, теория подталкивания, мысленная бухгалтерия, эффект наделенности, теория перспектив, миграция, когнитивные искажения, мигрант, эволюционная теория игр, гедонистическая адаптация.

Введение

Вторая волна депопуляции, начавшаяся в России в 2016 г., усугубленная пандемией COVID-19, лишь подтвердила актуальность оценки миграции как ресурса народосбережения страны и ее регионов. За 2020 г., по предварительной оценке, которую дает Росстат, численность населения страны сократилась на 510 тыс. человек. Данное сокращение является самым значительным за последнее десятилетие. На начало 2021 г., по предварительной оценке Росстата, численность населения страны составила 146,2 млн человек [1].

Рассмотрим потенциал современных теорий поведенческой экономики для изучения миграционных процессов. Миграционное поведение понимается как один из видов социального и демографического поведения. В общем смысле это совокупность действий и поступков, вызванных и взаимосвязанных с миграцией населения. В рамках теории трехстадийности миграционного процесса Л. Л. Рыбаковского показана значимость миграционного поведения населения. На I стадии формируются миграционные установки, начиная с момента появления желания, мыслей о возможном переезде и смене места жительства. II стадия характеризуется осуществившимся актом перемещения, а на III происходит адаптация поведения мигрантов (поведе-

ние мигрантов, направленное на приспособление к климатическим, социально-экономическим, политическим и другим условиям принимающей страны, региона) и их дальнейшая инклюзия в местах пребывания [2]. Механизм принятия решения о миграции рассматривается в русле взаимодействия объективного и субъективного, т. е. выносится на поведенческий уровень [3]. Решения о миграции принимаются в контексте личных потребностей и желаний, при этом возникает неопределенность в отношении результатов альтернативных вариантов поведения. Информация о будущем и его возможностях является неполной, и то, окажется ли миграция личным успехом или неудачей, зависит главным образом от обстоятельств, которые заранее неизвестны и не полностью находятся под контролем лица, принимающего решение о миграции [4].

Миграционное поведение целесообразно рассмотреть в контексте теорий поведенческой экономики, изучающей влияние поведенческих факторов на экономическое поведение и принятие экономических решений индивидами и организациями и последствия такого выбора [5].

В парадигме экономических наук все переменные ведут себя рационально, за исключением человека. Теоретическое понятие «*homo economicus*» очень удобно, поскольку позволяет учитывать человека как рациональную и последовательную переменную в уравнениях экономики. Однако это не отражает истинную природу поведения человека, поскольку «операционная система» человека состоит из более чем квадриллиона соединений нейронов, что позволяет нам быть многовариативными, непоследовательными и сложнопредсказуемыми. Биологический статус человека, как единицы различного рода общественных интеракций в большей мере поддается определению «*homo confusus*», или человек сомневающийся¹.

Нерациональное поведение человека в экономике стремится объяснить поведенческая экономика. Актуальность изучения теорий поведенческой экономики, которую можно отнести к междисциплинарным областям исследования, иллюстрирует еще и тот факт, что Нобелевскую премию по экономике не раз присуждали ученым, изучающим психологические аспекты экономического поведения индивидов (Д. Канеман в 2002 г., Р. Талер в 2017 г.). Использование экономико-психологических моделей дает возможность объяснить различные феномены индивидуального принятия тех или иных экономических решений [6], а также обладает большим потенциалом понимания миграционных процессов, происходящих в обществе. Кроме этого, методы поведенческой экономики могут применяться для оптимизации миграционной политики.

Методология исследования

Теория подталкивания (*nudge theory*), или либертарианский патернализм, была изучена Р. Талером в качестве нового вида экономической политики и заключается в том, чтобы, не ограничивая выбор как таковой, с помощью мягких методов подталкивать индивида к принятию более «правильных» для него решений [7]. Убедительные исследования Р. Талера привели к распространению теории в другие сферы применения. Правительства все больше заинтересованы в использовании поведенческих идей в качестве дополнения или замены традиционных экономических рыча-

---

¹ Черниговская Т. В. Человек растерянный – *Homo Confusus* и новая цифровая реальность // Прямая речь. Лекторий [сайт]. URL: https://www.pryamaya.ru/tatyana_chernigovskaya_chelovek_rasteryannyy_omo_confusus_i_novaya_tsifrovaya_realnost (дата обращения: 04.09.2021).

гов для формирования поведения граждан и продвижения общественных приоритетов [8]. В ряде правительств по всему миру сформировались группы «подталкивания» (nudge units), представляющие собой группы экспертов по поведенческой экономике, разрабатывающие вмешательства, способные стимулировать желаемое поведение без ограничения выбора. Так, в 2010 г. в Великобритании было создано «подразделение по подталкиванию» (Behavioral Insights Team), аналогичные структуры были введены в Австралии, Германии, Голландии, США и других странах [9]. Согласно Р. Талеру и его коллегам, подталкивание не должно ограничивать свободу выбора индивида, а отказаться от предлагаемого выбора должно быть просто и не затратно [10].

Еще один нобелевский лауреат по экономике Д. Канеман вместе с А. Тверски разработали теорию перспектив. Это описательная теория выбора, которая стремится объяснить реальное поведение человека в ситуации риска и неопределенности. Считается, что именно данная теория легла в основу современной поведенческой экономики. Ключевой идеей теории перспектив является эффект контекста. Это означает, что люди измеряют полученную выгоду по сравнению с некоторой точкой отсчета и по-разному оценивают свои выигрыши и проигрыши. Д. Канеман и А. Тверски установили, что человек не способен оценить будущие доходы в абсолютном выражении; он оценивает их в сравнении с обычным уровнем доходов или с уровнем, который сложился. Более того, если человек последовательно принимает решения в условиях риска и неопределенности, то он оценивает выгоду и издержки от каждого шага, но ни разу не интегрирует их в единую выгоду или потерю и никогда не оценивает влияние всей последовательности решений на свое благосостояние.

Ученые пришли к выводу, что при одинаковом риске люди больше склонны к сохранению достигнутого финансового уровня, чем к его увеличению [11]. Этот феномен можно объяснить тем, что человеческая психика воспринимает не столько абсолютное значение накопленного богатства, сколько его изменение, причем радость от выигрыша меньше, чем горечь от поражения. Издержки всегда кажутся значительнее, чем эквивалентный доход. Основываясь на экспериментальных исследованиях, теория перспектив делает парадоксальный вывод: люди скорее готовы взять на себя больший риск, чтобы избежать издержек, чем получить дополнительную премию при большом риске [12]. Поэтому для людей первостепенно важно выбрать вариант с наибольшим уровнем психологической комфортности и только затем они учитывают выгодность [13].

Теория разделена на две стадии: редактирование (editing) и оценка (evaluation). На первой стадии различные выборы упорядочены вслед за некоторыми эвристическими наблюдениями, что делает оценочную фазу более простой. Оценки субъективной ценности потерь и выигрышей даются относительно некоторой точки отсчета. Функция субъективной ценности, которая проходит через эту точку, имеет S-образный вид. На данной функции на этапе редактирования расставляются альтернативы. В зоне убытков функция более круто уходит вниз. Эта асимметричность объясняется тем, что люди тяжелее воспринимают потери, чем радуются выигрышам (неприятие потери). Некоторые типы поведения, наблюдаемые в экономике, такие, как эффект расположения или обращение неприятие риска (стремление к риску) в случае выигрышей или потерь (называемое «эффектом отражения»), также могут быть объяснены на основе теории перспектив [11].

В результате своих экспериментальных исследований А. Тверски и Д. Канеман пришли к выводу о том, что нерациональное поведение, считающееся экономистами

девиантным и случайным, на самом деле намного более распространено, особенно когда речь заходит о принятии решений в условиях неопределенности. Более того, люди ошибаются неслучайным образом, нерациональное поведение может быть идентифицировано и предсказано с помощью психологических методов. Эксперименты доказали, что люди не могут рационально оценивать ни величины ожидаемых выгод или потерь, ни их вероятность. Знаменитая формула Д. Канемана, определяющая успешного бизнесмена, выглядит так: Успех в экономике = (Знания + Интуиция – Эмоции) [12].

Кроме того, на человека в процессе принятия экономических решений действует целый ряд когнитивных искажений. Мы предполагаем, что они имеют место и в процессе принятия решения о миграции. Так, американский психолог Э. Торндайк первым в истории описал эффект ореола или гало-эффект. При этом искажении человек судит о чем-либо, исходя из общего впечатления, а не из конкретных характеристик [14]. Гало-эффект действует и когда субъект принимает экономические решения.

Следующая группа когнитивных искажений затрагивает сферу рационального и нерационального принятия решений индивидом, и это рационализации после совершения покупки, принятие желаемого за действительное и эффект массового увлечения. Эти когнитивные искажения рассматривались в основном для объяснения поведения индивида на рынке, но мы можем предположить, что данные механизмы могут быть перенесены и на ситуации, связанные с миграционным поведением.

К примеру, рационализация после совершения покупки включает в себя такой поведенческий паттерн, когда индивид постфактум начинает убеждать себя с помощью рациональных аргументов в том, что совершенная им необдуманная покупка была выгодным приобретением. Многие решения о покупке принимаются эмоционально, поэтому очень часто покупатель стремится оправдать свой выбор. Тем самым рациональность, отсутствующая априори, заменяется на некую подмену выбора, его легитимизацию в глазах индивида, осуществившего выбор [15]. Эффект массового увлечения – это тенденция делать (полагать, думать, считать) так, потому что другие люди делают так же. Этот эффект находит свое отражение в сфере человеческих инстинктов и сходен по механизму возникновения с эффектом толпы, то есть он отражает наше желание присоединиться к значимому большинству. Ошибка, связанная с авторитетом, – это склонность принимать решения на основе мнения эксперта по теме. В связи с этим человек делает выбор, основываясь не на своих предпочтениях и возможностях, а на представлениях лиц, которых он считает авторитетными [16]. Информация от эксперта не подвергается хоть сколько-нибудь значимому критическому анализу.

Также поведение мигрантов интересно проследить с позиции эволюционной теории игр (ЭТИ). Теория игр широко используется для описания и анализа поведения экономических агентов в микроэкономике, экономике общественного сектора, политэкономии и других разделах экономической теории. В свою очередь, эволюционная теория игр дает обоснование соответствия реального поведения экономических агентов принципам равновесия Дж. Нэша и исключения доминируемых стратегий. Она предлагает новое решение проблемы определения функций полезности участников при исследовании их социально-экономического поведения. Модель ЭТИ описывает процесс эндогенного формирования функций полезности для самовоспроизводящихся популяций. К самовоспроизводящимся популяциям относятся и человеческие, и животные, и искусственные, например, популяции самовоспроизводящихся автоматов [17].

Результаты и обсуждение

Теория подталкивания Р. Талера позволяет найти решения некоторых проблем в сфере миграции, а именно:

1. С точки зрения теории подталкивания можно объяснить миграционную мобильность населения во время первой стадии миграционного процесса. Методы теории Р. Талера могут быть применены при анализе факторов, «подталкивающих» индивида к решению о переезде.

2. Инструменты теории подталкивания могут быть использованы для направления миграционного потока в те области, которые характеризуются сильным миграционным оттоком.

3. Во время второй стадии миграционного процесса, когда был совершен акт переселения, очень важен этап постановки мигранта на учет. На законодательном уровне каждый мигрант (независимо от того, была ли это внутренняя или внешняя миграция) должен пройти через процедуру регистрации. Но на практике это далеко не всегда так. Согласно философии теории подталкивания, людей, которые не регистрируются на новом месте жительства, не нужно заставлять и применять какую-либо систему ограничений и наказаний, а нужно подталкивать их самих к правомерному поведению, к тому, чтобы они сами встали на учет в органах миграции.

4. На третьей стадии миграционного процесса теория подталкивания может сыграть ключевую роль в обеспечении приживаемости. Этот вопрос касается не только усвоения мигрантами обычаев и традиций принимающего общества, но также и формирования законопослушного поведения. Теневой бизнес, неуплата налогов являются серьезными факторами обеднения регионов. На региональном уровне, используя инструменты теории подталкивания, возможно увеличить поступления налогов в региональный бюджет. Можно предположить, что механизмы теории подталкивания будут работать и в сфере мотивации мигрантов к получению разного уровня образования, официального трудоустройства, что увеличит долю высококвалифицированных специалистов на рынке труда.

Также Р. Талер в своей теории вводит понятие «Мысленной бухгалтерии» (mental accounting), которая могла бы быть применима к I стадии миграционного процесса. Согласно этой концепции, у человека, принимающего экономические решения, в сознании присутствует несколько «счетов», на которых учитываются аргументы «за» или «против» принятия того или иного решения [18]. «Мысленная бухгалтерия» есть в голове у каждого индивидуума, и она включается в работу при мыслях о переезде. Мыслительная деятельность задействует целый банк данных, который формирует миграционные устремления: человек собирает информацию о том, что такое «хорошая жизнь», о том месте, куда он собирается переехать, какие выгоды и какие издержки можно понести в случае перемены места жительства и т. д. В связи с вышесказанным можно выдвинуть гипотезу о том, что наполняемость информацией прямо связана с миграционными устремлениями индивида. То есть, чем доступней информация о процессе миграции и чем она позитивнее окрашена, тем выше наши миграционные стремления.

Оседлый образ жизни можно попробовать объяснить с позиции двух эффектов, рассмотренных Р. Талером в своей теории. Первый – это «эффект наделенности», раннюю версию которого Талер излагал в той же работе и который был вскоре подробно исследован экспериментально. Людям свойственно ценить вещи, которые у них уже есть, существенно выше точно таких же, но которыми они пока не обла-

дают [19]. В рамках данного понятия мы можем предположить, что именно этот эффект может объяснить такую линию поведения, как оседлость. Человек, проживающий на одной территории много лет, «наделен» не только материальными вещами, но и нематериальными ценностями, которые порой могут играть для человека более значительный вес. Субъективные ценности индивида являются для него значимыми, он ими «наделен». Ему сложно променять их на возможные неосязаемые «выигрыши» от перемены места жительства в перспективе. Предположительно, дополняет этот эффект в контексте оседлого образа жизни динамическая непоследовательность и предпочтение настоящего потребления будущему. Можно так же выстроить гипотезу о том, что индивид предпочтет остаться на прежнем месте жительства в стабильных условиях, чем переехать на новое место, пускай даже с перспективой на больший заработок или улучшение жилищных условий.

Интересно отметить, что СМИ во всех проявлениях могут выступать в качестве мощного рычага формирования миграционного поведения в рамках концепций теории подталкивания. СМИ в данном случае могут выступать инструментом для того, чтобы регулировать миграционные процессы и направлять миграционные потоки именно в те регионы, которые нуждаются в этом больше всего.

Делая небольшой исторический экскурс, мы можем вспомнить такое беспрецедентное событие в российской истории, как освоение целины, которое сильно повлияло на миграционную ситуацию в стране. В результате этого государственного курса в СССР началось масштабное перемещение масс населения в целинные районы Сибири и Казахстана. Большая часть переселенцев прибывала в северные области Казахстана, где механический прирост населения составил с 1939 по 1959 гг. 83%. Население Целиноградской области с 1953 по 1955 гг. увеличилось в 96 раз, Кустанайской области – в 26 раз [20]. Исходя из вышеизложенного, мы можем заключить, что проводимая со стороны государства комплексная пропаганда способствовала «подталкиванию» молодого трудоспособного населения к переезду в малообжитые регионы СССР в купе с экономическим стимулированием. Из чего мы можем сделать вывод о том, что инструменты теории подталкивания могут эффективно регулировать миграционные процессы.

Если мы будем рассматривать миграцию в контексте теории перспектив Д. Канемана и А. Тверски, то именно переселение является тем самым риском и источником неопределенности для индивида. В таком случае эффект контекста служит основанием для оседлого образа жизни, в том числе в отдаленных, полупустых селах, в городах с низким уровнем благосостояния и т. д. То есть, человек более толерантен к «плохой» политике местных властей, он терпит неудобства, но не уезжает, потому что в этом городе у него есть свои ценности: дом, работа, социальные связи. Они стабильны и приносят ему, говоря языком экономики, определенный «доход», имеют свою субъективную ценность для индивида. Именно поэтому данный индивид будет избегать риска, даже несмотря на то, что условия в другом городе могут быть намного лучше, чем там, где человек живет сейчас.

В связи с этим утверждением, мы можем выдвинуть гипотезу о том, что первоочередной движущей силой для принятия решения о миграции будет являться психологический комфорт, чувство защищенности и принятия (что не обладает признаками очевидного экономического «выигрыша»), а не высокий уровень оплаты труда и наличие вакансий на рынке труда. Безусловно, эти факторы тоже имеют значительный вес, но в данном утверждении важен именно момент ранжирования.

В условиях, когда существуют риски, находят свое отражение определенные когнитивные искажения, которые затрагивают сферу принятия решений: неприятие риска, предпочтение нулевого риска, эффект псевдоуверенности [21]. Предположительно, именно эти три когнитивных искажения могут объяснить некоторые особенности миграционного поведения в обществе, например, тенденцию к оседлому образу жизни. Можно предположить, что перемена места жительства может увеличить «выигрыш» индивида в экономическом контексте. Однако вышеперечисленные когнитивные искажения на этапе формирования намерения к переезду перечеркивают саму возможность миграции.

На III стадии миграционного процесса важно, как будут выстраиваться отношения между мигрантами и коренными жителями и будет ли успешной адаптация и их интеграция в обществе. Отношения между мигрантами и не мигрантами могут складываться под влиянием когнитивных искажений. Под когнитивными искажениями (biases) понимают систематические ошибки в мышлении, связанные с влиянием на суждения заранее сформировавшихся у субъекта установок. Их источник – эволюционно сложившееся ментальное поведение [13].

Гало-эффект, описанный Э. Торндайком, может оказывать отрицательное влияние на отношение коренных жителей к мигрантам. Коренные жители начинают перекладывать какие-то частные негативные характеристики, к примеру, одного мигранта на всех мигрантов в целом. Такое восприятие приводит к неприязненному отношению к приезжим в обществе, может быть следствием конфликтов и в целом снижает уровень интеграции мигрантов в обществе. Мигранты обособляются и создают свои диаспоры, что минимизирует их вовлеченность в жизнь коренных жителей, делает их культуру культурой аутсайдеров. Предположим, что для минимизации отрицательных последствий гало-эффекта, можно предложить использование этого же эффекта, но с целью создания образа «хорошего» мигранта. СМИ могут продемонстрировать образ мигранта, который образован, занимается высококвалифицированным трудом, является примерным семьянином и т. д. Так, частные демонстрации такого положительного образа мигранта в СМИ укоренятся в сознании людей и будут автоматически распространяться на всех мигрантов в целом. Успешная интеграция мигрантов в общественную жизнь создает не только благоприятный климат в обществе, уменьшает количество различного рода конфликтов, но также улучшает экономические показатели региона и страны в целом.

Образ мышления, схожий с рационализацией после совершения покупки, может проявлять мигрант, который, переехав на новое место жительства, не смог получить того, к чему стремился. Он начинает рационализировать свой выбор и искать плюсы от своего поступка. Именно это когнитивное искажение, предположительно, может быть причиной безвозвратной миграции. Индивид старается рационализировать свое миграционное решение, которое привело не к «выигрышу», а к издержкам и не переезжает обратно. Если в данной ситуации присоединится еще одно когнитивное искажение (например, связанное с рисками), то мы можем предположить, что индивид не решится возвратиться на старое место жительства, поскольку он будет стремиться минимизировать риски, даже несмотря на то, что он будет находиться в ситуации постоянных издержек.

Эффект массового увлечения может быть первопричиной перемещения жителей из сел в города, из маленьких провинциальных городов в областные центры и города-миллионники. Эта тенденция существует и так, но объясняется она толь-

ко с позиции того, что в крупных городах – выше зарплаты, больше рабочих мест и т. п. Пропуская данное когнитивное искажение через призму миграционного поведения, можно предположить, что первопричиной переезда (помимо заявленных выше) может быть простое объяснение: потому что все так делают, потому что так принято (например, принято за «хорошей жизнью» ехать в большие города, принято после школы уезжать в ВУЗы, которые котируются выше).

Ошибка, связанная с авторитетом, может объяснять частные случаи миграции определенных возрастных групп у мигрантов. Например, когда индивид переезжает в другой город, основываясь на истории «авторитета» (т. е. значимой для данного лица фигуры), который смог устроить «лучшую» жизнь в другом городе. Именно эта когнитивная ошибка может играть значительную роль в формировании мыслей о миграции у подростков и молодых людей, так как у них еще формируется личная идентичность, у них есть желание ориентироваться на некий обобщенный эталон взрослости, что в свою очередь связано с копированием, подражанием поведению взрослых. Именно утечка будущих молодых специалистов является очень актуальной проблемой для экономики регионов.

Теория игр вводит понятие эволюционно устойчивой стратегии. Применительно к миграционному поведению можно рассмотреть механизм этого явления на некоем абстрактном примере. Популяция мигрантов внедряется в популяцию коренного населения. Популяция коренного населения находится в некотором равновесном состоянии, в которую внедряется часть «чужаков» (на взгляд коренного населения) с распределением по определенным стратегиям поведения. Тогда, если распределение эволюционно устойчиво, то внедрявшаяся группа не сможет закрепиться в популяции, так как ее средняя приспособленность ниже приспособленности исходной стратегии, которая реализует определенную стратегию поведения. Мы можем предположить, что стратегия в данной модели – это определенное поведение мигрантов, которое может быть направлено, к примеру, на ассимиляцию или на диссимиляцию в обществе коренных жителей. Выигрыш от выбора определенной стратегии мигрантом будет зависеть от выигрышей на стадии игры, а также и от состояния популяции коренного населения, то есть пропорции людей, принимающих n возможных вариантов поведения. Стратегии поведения мигрантов, ведущие к выигрышам, превышающим средний выигрыш собственного населения, со временем увеличивают их долю принятия среди индивидов собственного населения. Стратегии, которые работают хуже среднего, со временем вымирают. Следовательно, в данной ситуации мы имеем дело с ролью отбора по аналогии с естественным отбором. Успешное поведение имеет тенденцию со временем распространяться среди населения, в то время как неудачное поведение исчезает [22].

Для построения модели игры нам для начала нужно определить, что же является в данном случае выигрышем, то есть той конечной целью, к которой стремится индивидум. Некоторые авторы предполагают, что конечной целью может быть интеграция в обществе коренных жителей, экономическое благополучие, свобода, лучшее образование и медицинское обслуживание [23]. Проблема состоит в том, что выигрыш – понятие субъективное и персонифицированное. Стремления индивида затрагивают фундаментальные ценностные конструкты, которые формируются под воздействием социальных, культурных и психологических факторов. Назревает явная необходимость в структурировании и визуализации движущей силы мигрантов – возможно, представить эти данные в виде пирамиды миграционных устремлений

или же в виде некоторого ценностного среза. Даже если такую пирамиду получится построить, нужно учитывать тот факт, что она будет динамична, то есть устремления мигрантов будут меняться после миграции, и пирамида, скорее всего, будет иметь видоизмененный характер.

Но мигрантов может настигнуть еще одно явление, которое заставляет испытывать их состояние депривации в новом обществе. Гедонистическая адаптация или гедонистическая беговая дорожка (hedonic treadmill) – процесс, который изучался М. Чайкой и М. Воткнехтом в контексте миграционного поведения. Суть этого явления заключается в том, что у мигрантов на моменте планирования переезда есть определенные стремления и желания, которые они хотят реализовать на новом месте жительства. У каждого человека в сознании существует определенная «точка счастья», достигнув которой он адаптируется к такому состоянию, этого ему становится мало, и он начинает хотеть большего. Он ставит себе новые и новые координаты «точки счастья», тем самым превращая свою жизнь в бесконечную беговую дорожку. Человек все время мчится за «мнимым счастьем» и не чувствует себя счастливым по-настоящему. Именно из-за этого эффекта мигранты в новом обществе чувствуют себя не счастливыми и не удовлетворенными даже при условии, что они достигли тех намеченных результатов, которые планировали до переезда [24].

Заключение

В итоге мы можем систематизировать полученные выводы, опираясь на трехступенчатую теорию миграционного процесса:

1. На первом этапе миграционного процесса для нас будет актуально исследование эволюционной теории игр, которая позволит построить модель миграционного поведения с целью объяснения алгоритма принятия решений и в качестве прогноза динамики миграционных потоков и возможности их контроля.

Применительно к этому же этапу мы можем, используя теорию подталкивания Р. Талера, разработать ряд инструментальных процедур для мониторинга миграционных установок. В рамках данной теории было бы интересно отследить механизм работы «мысленной бухгалтерии» мигранта на стадии планирования перемены места жительства.

2. На второй стадии миграционного процесса, когда мигрант уже совершил непосредственный акт переезда, необходим качественный миграционный учет. Возможна разработка и реализация (при содействии Главного управления по вопросам миграции МВД России) опросника, который будет выдаваться мигрантам при регистрации их на новом месте пребывания с целью изучения их мотивационно-ценностной сферы. Эта процедура будет эффективной с точки зрения оценки перспектив интеграции мигрантов в общество принимающей стороны. Успешно интегрированный мигрант «полезнее» для экономики места пребывания, поскольку он имеет возможность работать эффективнее, он не нарушает общественный порядок и т. д. Было бы интересно сделать некий мотивационно-ценностный срез мигранта и оценить распределение мотивов и ценностей у разных групп мигрантов (внутренних и внешних). Необходимо дать определение понятиям «выигрыш» и «проигрыш» в контексте вопроса миграции. Выигрыш – не всегда улучшение материального положения мигранта, как показывают теории поведенческой экономики. В качестве положительного результата миграционной деятельности могут выступать сугубо субъективные вещи.

3. На третьей стадии миграционного процесса имеет смысл рассмотреть когнитивные искажения в процессе адаптации. Когнитивные искажения, которые часто используются для объяснения, к примеру, покупательной деятельности индивида, требуют апробации на популяции мигрантов с целью выявления их влияния на миграционные процессы. Также мы предполагаем, что возможно использовать эффект от когнитивных искажений для формирования положительного образа мигранта, для дальнейшей интеграции мигрантов в обществе. На этой же стадии вновь можно использовать эволюционную теорию игр для того, чтобы проанализировать стратегии поведения мигрантов, которые они используют при адаптации в новом месте жительства.

Через все стадии миграционного процесса проходит явление гедонистической адаптации, что наводит на размышления о поиске «точки счастья» и у мигрантов в целом, побуждает изучить вопрос уровня счастья мигранта, в особенности проследить его в динамике: от процесса принятия решения о миграции до процесса вовлечения его в общество принимающей стороны.

Тезисы теории подталкивания дают широкое поле для разработки ряда эффективных процедур, которые способствовали бы более эффективной адаптации мигрантов. В связи с этим, мы видим огромный потенциал в разработке комплекса мероприятий по успешной адаптации и интеграции мигрантов и стимуляции к правомерному поведению.

Список литературы

1. Рязанцев С. В., Иванова А. Е., Архангельский В. Н. Усиление депопуляции в России в контексте пандемии COVID-19: Региональные особенности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2. С. 7–20. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-7-20>.
2. Сарылар С. А., Максимова Г. М. Миграционное поведение: стратегии и практики социальной интеграции, специфика адаптивного поведения мигрантов в Азиатском приграничье России // Society and Security Insights. 2020. Т. 3. № 1. С. 37–48. DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)1-02](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)1-02).
3. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: учебное пособие для вузов. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 480 с. ISBN: 978-5-534-11727-1.
4. Carling J., Czaika M., Bivand Erdal M. Translating Migration Theory into Empirical Propositions. QuantMig Project Deliverable, 1. Southampton: University of Southampton, 2020. 28 p.
5. Захарова Ю. В. Поведенческие аспекты принятия решений в эпоху цифровизации // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2018. С. 181–183.
6. Маркелов А. Ю. Влияние склонности к риску на результаты экономической активности в условиях совершенной экономики: результаты экспериментального исследования // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Материалы VIII всероссийской научно-практической конференции. Под ред. Ю. П. Поваренкова. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2018. С. 244–247.
7. Паниди К. А. Нобелевская премия по экономике – 2017: вклад Ричарда Талера // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21. № 4. С. 702–720.
8. Benartzi S., Beshears J., Milkman K. L., Sunstein C. R., Thaler R. H., Shankar M., Tucker-Ray W., Congdon W. J., Galing S. Should Governments Invest More in Nudging? Psychological Science. 2017. Vol. 28. No. 8. Pp. 1041–1055. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797617702501>.
9. Afif Z., Islan W. W., Calvo-Gonzalez O., Dalton A. G. Behavioral Science Around the World: Profiles of 10 Countries. Washington D.C.: World Bank Group, 2019. 161 p.
10. Kallbekken S., Sælen H. ‘Nudging’ hotel guests to reduce food waste as a win-win environmental measure. Economics Letters. 2013. Vol. 119. No. 3. Pp. 325–327. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econ>

let.2013.03.019.

11. *Kahneman D., Tversky A.* Prospect Theory: An Analysis of Decision Making under Risk. *Econometrica*. 1979. Vol. 47. No. 2. Pp. 263–292. DOI: <https://doi.org/10.2307/1914185>.

12. Поведенческая экономика: современная парадигма экономического развития: монография / под ред. Г. П. Журавлевой, Н. В. Манохиной, В. В. Смагиной; ТРО ВЭО России, ФГБОУ ВО «Рос. экон. ун-т им. Г.В. Плеханова», Научная школа «Экономическая теория» в РЭУ им. Г. В. Плеханова. – М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. – 340 с. ISBN: 978-5-00078-086-2.

13. *Дружинин В. Н.* Экспериментальная психология: учебник. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 320 с. ISBN: 978-5-8046-0176-9.

14. *Хаджиев И. В., Ананченко И. В.* Влияние когнитивных искажений на разработку пользовательских интерфейсов // Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2016. С. 47–49.

15. *Cohen J. B., Goldberg M. E.* The Dissonance Model in Post-Decision Product Evaluation. *Journal of Marketing Research*. 1970. Vol. 7. No. 3. Pp. 315–321. DOI: <https://doi.org/10.1177/002224377000700305>.

16. *Sanna L. J., Schwarz N.* Integrating Temporal Biases: The Interplay of Focal Thoughts and Accessibility Experiences. *Psychological Science*. 2004. Vol. 15. No. 7. Pp. 474–481. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0956-7976.2004.00704.x>.

17. *Васин А. А.* Эволюционная теория игр и экономика. Часть I. Принципы оптимальности и модели динамики поведения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2009. № 3–4. С. 10–27.

18. *Белянин А. В.* Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 5–25. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-5-25>.

19. *Thaler R. H., Shefrin H. M.* An Economic Theory of Self-Control. *Journal of Political Economy*. 1981. Vol. 89. No. 2. Pp. 392–406. DOI: <https://doi.org/10.1086/260971>.

20. *Буктугутова Р. С., Жанаева Г. К.* Демографические последствия освоения целинных и залежных земель в Казахстане (некоторые аспекты) // Наука и реальность. 2021. № 2(6). С. 154–157.

21. *Каишова Э. Р., Рыжкова М. В.* Когнитивные искажения и их влияние на поведение индивида // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 2(30). С. 15–26. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988648/30/2>.

22. *Tuyts K., Nowe A., Lenaerts T., Manderick B.* An Evolutionary Game Theoretic Perspective on Learning in Multi-Agent Systems. *Synthese*. 2004. Vol. 139. No. 2. Pp. 297–330. DOI: <https://doi.org/10.1023/b:synt.0000024908.89191.fl>.

23. *De Haas H.* International Migration, Remittances and Development: Myths and Facts. *Third World Quarterly*. 2005. Vol. 26. No. 8. Pp. 1269–1284. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436590500336757>.

24. *Czaika M., Vothknecht M.* Migration and Aspirations – Are Migrants Trapped on a Hedonic Treadmill? *IZA Journal of Migration*. 2014. Vol. 3. No. 1. DOI: <https://doi.org/10.1186/2193-9039-3-1>.

Сведения об авторах:

Соколова Анастасия Алексеевна, аспирант, младший научный сотрудник ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-5434-8094; РИНЦ Author ID: 1128805.

Калачикова Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий Отделом исследования уровня и образа жизни населения, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: onk82@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-4681-4344; РИНЦ Author ID: 613291; Scopus Author ID: 55735257000; Web of Science Researcher ID: I-9562-2016.

Статья поступила в редакцию 02.08.2021; принята в печать 04.10.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

MIGRATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF BEHAVIORAL ECONOMICS THEORIES

Anastasia A. Sokolova

Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia

E-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru

Olga N. Kalachikova

Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia

E-mail: onk82@yandex.ru

For citation: Anastasia A. Sokolova, Olga N. Kalachikova. Migration Processes in the Context of Behavioral Economics Theories. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No 4. P. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.3>.

Abstract. The aim of this article is to investigate the connection between behavioral economy and migration processes. Behavioral economics is a relatively new phenomenon in science and the fact that some research in this area has earned the Nobel Prize makes its contribution significant in the consideration of economic processes. The analysis of sources shows that in the field of Russian studies there is practically no mention of the fact that migration behavior can be explained by the behavioral economics theses. In this article, we explore several key ideas in this area: nudge theory, prospect theory, evolutionary game theory, cognitive distortion, and hedonistic adaptation. In this article, we put forward a hypothesis that migration processes can not only be explained from the standpoint of behavioral economics but can also be regulated using the tools of this direction. Behavioral economics can be the key for discovering the dynamics and true motives of migration. The analysis of information in this area shows, that a person makes decisions mainly based not on the laws of logic and rationalism. Paradoxes such as cognitive biases, etc. reduce the effectiveness of an individual's actions and provide an incentive for the scientific community to expand the number of empirical studies of migration processes within the framework of behavioral economics theories.

Keywords: migration processes, behavioral economics, migration behavior, nudge theory, mental accounting, endowment effect, perspective theory, migration, cognitive distortions, migrant, evolutionary game theory, hedonic treadmill.

References

1. Ryazantsev S. V., Ivanova A. E., Arkhangelsky V. N. Increasing Depopulation in Russia in the Context of the COVID-19 Pandemic: Regional Features. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI)*. Series: Socio-Economic Sciences. 2021. Vol. 14. No. 2. Pp. 7–20. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-7-20>. (In Russ.)
2. Saryglar S. A., Maximova S. G. Migration Behavior: Strategies and Practices of Social Integration, Specifics of Adaptive Behavior of Migrants in the Asian Borderlands of Russia. *Society and Security Insights*. 2020. Vol. 3. No. 1. Pp. 37–48. DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)1-02](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)1-02). (In Russ.)
3. Rybakovsky L. L. *Migratsiya naseleniya* [Population migration]: textbook for universities. Moscow: Urait Publishing House, 2020. 480 p. ISBN: 978-5-534-11727-1. (In Russ.)
4. Carling J., Czaika M., Bivand Erdal M. *Translating Migration Theory into Empirical Propositions*. QuantMig Project Deliverable, 1. Southampton: University of Southampton, 2020. 28 p.
5. Zakharova Yu. V. Behavioral Aspects of Decision Making in the Digitalization Era. *Tsifrovoy region: opyt, kompetentsii, proyekty* [Digital region: experience, competencies, projects]. International Scientific and Practical Conference Proceedings. Bryansk: Bryansk State Engineering and Technological University, 2018. Pp. 181–183. (In Russ.)
6. Markelov A. Yu. Vliyaniye sklonnosti k risku na rezul'taty ekonomicheskoy aktivnosti v usloviyakh sovershennoy ekonomiki: rezul'taty eksperimental'nogo issledovaniya [Influence of the inclination to risk on the results of economic activity in a perfect economy: the results of experimental research]. *Sistemogenez uchebnoy i professional'noy deyatel'nosti* [Systemogenesis of educational and professional activity]. Materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference / Yu. P. Povarenkova (Ed.) Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University, 2018. Pp. 244–247. (In Russ.)
7. Panidi K. A. Nobel Prize in Economics – 2017: Richard Thaler's Contribution. *The HSE Economic Journal*. 2017. Vol. 21. No. 4. Pp. 702–720. (In Russ.)
8. Benartzi S., Beshears J., Milkman K. L., Sunstein C. R., Thaler R. H., Shankar M., Tucker-Ray W.,

Congdon W. J., Galing S. Should Governments Invest More in Nudging? *Psychological Science*. 2017. Vol. 28. No. 8. Pp. 1041–1055. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797617702501>.

9. Afif Z., Islan W. W., Calvo-Gonzalez O., Dalton A. G. *Behavioral Science Around the World: Profiles of 10 Countries*. Washington D.C.: World Bank Group, 2019. 161 p.

10. Kallbekken S., Sælen H. ‘Nudging’ Hotel Guests to Reduce Food Waste as a Win–Win Environmental Measure. *Economics Letters*. 2013. Vol. 119. No. 3. Pp. 325–327. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2013.03.019>.

11. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision Making under Risk. *Econometrica*. 1979. Vol. 47. No. 2. Pp. 263–292. DOI: <https://doi.org/10.2307/1914185>.

12. *Behavioural economics: modern paradigm of economic development*: monograph / ed. by G. P. Zhuravleva, N. V. Manokhina, V. V. Smagina; TPO VEO Russia, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Plekhanov State University of Economics», Scientific school «Economic theory» in Plekhanov State University of Economics. Moscow; Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin, 2016. 340 p. ISBN: 978-5-00078-086-2. (In Russ.)

13. Druzhinin V. N. *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental psychology]: textbook. St. Petersburg: Piter Publishing House, 2008. 320 p. ISBN: 978-5-8046-0176-9. (In Russ.)

14. Khadzhiiev I. V., Anantchenko I. V. Influence of Cognitive Biases at User Interface Development. *Nauchnaya diskussiya sovremennoy molodozhi: aktual'nyye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Scientific discussion of modern youth: topical issues, achievements, and innovations]. International Scientific and Practical Conference Proceedings. Penza: Science and Education Publishing House, 2016. Pp. 47–49. (In Russ.)

15. Cohen J. B., Goldberg M. E. The Dissonance Model in Post-Decision Product Evaluation. *Journal of Marketing Research*. 1970. Vol. 7. No. 3. Pp. 315–321. DOI: <https://doi.org/10.1177/002224377000700305>.

16. Sanna L. J., Schwarz N. Integrating Temporal Biases: The Interplay of Focal Thoughts and Accessibility Experiences. *Psychological Science*. 2004. Vol. 15. No. 7. Pp. 474–481. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0956-7976.2004.00704.x>.

17. Vasin A. A. Evolutionary Game Theory and Economics. Part One. Optimality Principles and Models of Behavior Dynamics. *Journal of the New Economic Association*. 2009. No. 3–4. Pp. 10–27. (In Russ.)

18. Belyanin A. V. Richard Thaler and Behavioral Economics: From the Lab Experiments to the Practice of Nudging (Nobel Memorial Prize in Economic Sciences 2017). *Voprosy Ekonomiki*. 2018. No. 1. Pp. 5–25. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-5-25>. (In Russ.)

19. Thaler R. H., Shefrin H. M. An Economic Theory of Self-Control. *Journal of Political Economy*. 1981. Vol. 89. No. 2. Pp. 392–406. DOI: <https://doi.org/10.1086/260971>.

20. Buktugutova R. S., Zhanaeva G. K. Demographic Consequences of the Development of Integrated and Residual Lands in Kazakhstan (Some Aspects). *Science & Reality*. 2021. No. 2(6). Pp. 154–157. (In Russ.)

21. Kashapova E. R., Ryzhkova M. V. Cognitive Biases and Their Impact on the Behavior of an Individual. *Tomsk State University Journal of Economics*. 2015. No. 2(30). Pp. 15–26. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988648/30/2>. (In Russ.)

22. Tuyls K., Nowe A., Lenaerts T., Manderick B. An Evolutionary Game Theoretic Perspective on Learning in Multi-Agent Systems. *Synthese*. 2004. Vol. 139. No. 2. Pp. 297–330. DOI: <https://doi.org/10.1023/b:synt.0000024908.89191.fl>.

23. De Haas H. International Migration, Remittances and Development: Myths and Facts. *Third World Quarterly*. 2005. Vol. 26. No. 8. Pp. 1269–1284. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436590500336757>.

24. Czaika M., Vothknecht M. Migration and Aspirations – Are Migrants Trapped on a Hedonic Treadmill? *IZA Journal of Migration*. 2014. Vol. 3. No. 1. DOI: <https://doi.org/10.1186/2193-9039-3-1>.

Bio note:

Anastasia A. Sokolova, Graduate Student, Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-5434-8094. RSCI Author ID: 1128805.

Olga N. Kalachikova, Candidate of Economic Sciences, Deputy Director for Research, Head Department for Research on the Living Standards and Lifestyle of the Population, Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: onk82@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-4681-4344; RSCI Author ID: 613291; Scopus Author ID: 55732527000; Web of Science Researcher ID: I-9562-2016.

Received on 02.08.2021; accepted for publication on 04.10.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

СОВЕТСКАЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х – 1980-Х ГГ.: ОПЫТ РСФСР

Пискунов С. А.

Благовещенский государственный педагогический университет,

Благовещенск, Россия

E-mail: grew5@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.2>

Для цитирования: Пискунов С. А. Советская переселенческая политика второй половины 1940-х – 1980-х гг.: опыт РСФСР // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 33–42. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.2>.

Аннотация. В статье исследуется проблема реализации советской переселенческой политики в условиях сокращения сельского населения регионов-доноров во второй половине 40-х – 80-е гг. XX столетия на примере РСФСР. Для достижения поставленной цели был проанализирован и обобщен широкий круг исторических документов, содержащихся преимущественно в центральных архивах Российской Федерации. Такого рода изменения были обусловлены, с одной стороны, снижением естественного прироста в субъектах, традиционно являвшихся местами выхода новоселов, с другой – изменением поселенческой структуры. Несмотря на негативные для реализации политики переселения демографические процессы, руководство страны не отказалось от такого способа перераспределения жителей одних районов государства в пользу других. Отмечено, что, сохраняя плановое сельскохозяйственное переселение как инструмент наращивания демографического потенциала в отдельных регионах и смягчения недостатка рабочей силы в предприятиях аграрного сектора, Центр неизбежно столкнулся с проблемой поиска источников формирования переселенческих потоков. Решение такой задачи в СССР обеспечивалось за счет: во-первых, распространения практики внутриобластного переселения; во-вторых, включения в число плановых переселенцев жителей городов, а не только селян, как это было ранее; в-третьих, вовлечения в организованную миграцию жителей Средней Азии и Закавказья с начала 1980-х гг. Важно отметить, что в работе приведены сведения о географии мест выхода переселенцев за вторую половину 1940-х – 1980-е гг. с указанием наиболее значимых (по числу отправленных человек). Отражение статистических данных, имеющих широкий временной и географический охват, позволяет проследить изменения, с одной стороны, интенсивности миграционных связей между регионами-донорами и регионами-реципиентами, с другой – государственной политики переселения. Статья адресована представителям научного сообщества (историкам и демографам) и государственных институтов, ответственных за разработку современной миграционной политики.

Ключевые слова: внутриобластное переселение, государственная политика, Закавказье, межобластное переселение, регионы-доноры, регионы-реципиенты, РСФСР, Средняя Азия.

Введение

Проблема заселения отдельных регионов России является актуальной как в практическом, так и научном отношении. На современном этапе, несмотря на принимаемые меры по увеличению населения ряда субъектов Российской Федерации за счет миграции, продолжается поиск адекватных методов решения такой задачи. В связи с этим важно учитывать исторический опыт реализации переселенческой политики. Тем более, что опыт второй половины 40-х – 80-х гг. XX столетия, предшествовавший современному комплексу мероприятий, существенно отличался от имперской и советской довоенной практик стимулирования движения жителей страны в необходимом для власти направлении. Отличия эти связаны прежде всего с кардинальным

изменением демографической ситуации: людские потери в Великой Отечественной войне, сокращение естественного прироста в сельской местности старообжитых районов и урбанизация существенно сузили возможности выполнения государственных планов переселения. Более того, со временем сельскохозяйственные предприятия регионов-доноров также стали испытывать нехватку рабочих рук. Такое положение вынуждало специализированные государственные органы вносить коррективы в организацию и осуществление планового переселения. Тем самым, целью статьи является исследование политики сельскохозяйственного переселения в заявленных хронологических рамках на примере РСФСР.

Учитывая практическую и теоретическую значимость миграционной тематики, объясним повышенный к ней интерес со стороны историков и демографов [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Эти исследования, имеющие научную значимость по истории региональной переселенческой политики или носящие обобщающий характер, в силу целеполагания не содержат детального анализа и обобщения по проблеме географии выхода и вселения плановых сельскохозяйственных переселенцев, подчеркивая, тем самым, значимость предлагаемой читателю статьи.

Источники и методы исследования

Ценность работы определяется широкой источниковой базой, представленной, с одной стороны, документами центральных хранилищ – Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива экономики, а также региональных – государственных архивов Амурской области и Хабаровского края. С другой стороны, опубликованными сборниками постановлений советского правительства. Основным содержанием массива архивных документов – отчеты специализированных органов, реализующих миграционную политику, являются сведения о географии мест выхода и приема плановых переселенцев. Именно поэтому в работе были широко использованы количественные (математические) методы. Для определения специфики государственного опыта аграрного переселения второй половины 40-х – 80-х гг. XX столетия (в сопоставлении с предшествовавшими этапами) применялся сравнительно-исторический метод. Проблемно-хронологический метод позволил проследить вариации географии мест выхода новоселов в исследуемое время.

В качестве важнейших выступили принципы историзма и объективности. Руководство первым позволило представить плановое аграрное переселение в исторической обусловленности, развитии и взаимосвязи. Второй принцип ориентировал на определение источниковой базы, установление достоверности источников и применение методов критики источников, основываясь на той точке зрения, что документ является отражением изучаемой эпохи.

Сочетание принципов и методов при характеристике источников позволило реализовать поставленную цель, не искажая и не подгоняя факты под заранее созданные схемы.

Результаты

Отметим, что по окончании I мировой и Гражданской войн возврат к мирной жизни предполагал и возрождение (с поправкой на новую политическую реальность) инициатив власти в миграционной сфере. Учитывая земельный голод в старообжитых районах Советского государства, была возобновлена практика привлечения жителей сельской местности таких субъектов в малонаселенные. На деле это означало,

что в СССР плановое сельскохозяйственное переселение по-прежнему являлось одним из инструментов перераспределения населения одних регионов в пользу других с усилением, в сравнении с дореволюционным опытом, государственной роли в этом процессе. Однако уже к концу 1930-х гг. на правительственном уровне была озвучена идея необходимости проработки практики *внутриобластного переселения*, связанного со строительством и переселением жителей деревни в рамках одной административно-территориальной единицы¹.

Осложнилась ситуация по окончании Великой Отечественной войны, демографические потери в которой, по некоторым оценкам, составили 27 млн человек. Наряду с этим сокращение селян было связано с форсированной индустриализацией, в ходе которой их массово привлекали для работы на промышленных предприятиях. Свою роль сыграл и тренд сокращения естественного прироста в СССР, особенно в районах компактного проживания славянского населения. Разумеется, что все эти обстоятельства в совокупности со временем остро обозначили проблему поиска людских ресурсов для вовлечения их в сельскохозяйственное переселение. Правда, осознание этой проблемы пришло не сразу.

Анализ и обобщение источниковой базы позволили определить и обосновать три этапа реализации политики сельскохозяйственного переселения во второй половине 1940-х – 1980-е гг. Так, на первом из них (1946–1953 гг.), по сути, возрождался опыт предвоенного переселения, предполагавший проведение вербовки преимущественно колхозников старообжитых районов. Однако, как следует из неединичных документальных свидетельств, уже в эти годы возникли сложности с привлечением данной категории граждан СССР. Поэтому изменение подхода к формированию переселенческих потоков с учетом произошедших изменений в сфере народонаселения являлось вопросом ближайшего времени.

Начало второго этапа (1954–1966 гг.) следует связать с инициативой партийного лидера Н. С. Хрущева, заявившего о необходимости освоения целинных и залежных земель. Амбиционные планы, наряду с техническим обеспечением, в условиях того времени были не мыслимы без активного участия в их реализации советских граждан. Поэтому именно при Н. С. Хрущеве была расширена социальная база планового аграрного переселения, а преодоление «монополии» крестьян-колхозников на участие в нем была закреплена в серии постановлений. 1954–1966 гг. стали своего рода переходом к третьему этапу.

Институциональным выражением начала третьего этапа (1967–1980-е гг.) явилось образование в 1967 г. Госкомитета Совета Министров РСФСР по использованию трудовых ресурсов. В реальности была создана принципиально новая система, проводившая, наряду с набором рабочих и переселением, трудоустройство безработных, переподготовку и другие мероприятия. Немаловажно, что реализация таких функций осуществлялась с привлечением специалистов в сфере демографии. Что же касается социальной основы переселенческих потоков, то на данном этапе включением в их состав городских жителей стало нормой.

Детальнее охарактеризуем деятельность специализированных органов по реализации государственной политики переселения на каждом из выделенных этапов.

---

¹ Об организационных вопросах Переселенческого Управления при СНК СССР: Постановление СНК СССР от 14 сентября 1939 г. (№ 1447) // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР за 1939 г. – М., 1945. – № 52. – ст. 444.

Систематизация архивных документов показывает, что в течение 1946–1953 гг. в хозяйства РСФСР было направлено 159,4 тыс. семей², из которых доля союзных республик составила 24,59% (39,2 тыс. семей), 93,5 тыс. или 58,66% (11,69 тыс. семей в среднем в год) – из субъектов РСФСР, прежде всего, из Центрального – 34,0 тыс. или 36,36%, Центрально-Черноземного – 23,2 тыс. семей или 24,81%, Поволжского – 15,0 тыс. семей или 16,04% и Волго-Вятского районов – 14,8 тыс. семей или 15,83%³. Отметим, что наибольшее число семей являлись выходцами из Воронежской (9,5 тыс. семей) и Курской (8,3 тыс. семей) областей⁴.

Основными местами вселения новоселов в 1946–1953 гг. были сельскохозяйственные предприятия Калининградской области, на долю которых пришлось 31,73 % от общего числа внешних потоков (42,1 тыс. семей) и Сахалинской области – 12,96% или 17,2 тыс. семей. Столь высокий процент указанных субъектов в общем объеме планового переселения объясняется включением новых территорий в состав РСФСР по итогам Второй мировой войны. Далее следовали Крымская – 7,76% или 10,3 тыс. семей, Амурская – 5,58% или 7,4 тыс. (с 1949 г.) области, Хабаровский (в течение 1947–1948 гг. сведения приведены с учетом Амурской области) – 7,7 тыс. семей и Приморский – 5,65% (или 7,5 тыс. семей) края и т. д.

С начала 50-х гг. XX в. возобладала тенденция роста обеспечения предприятий сельского хозяйства РСФСР рабочей силой за счет, главным образом, союзных республик, среди которых безоговорочное лидерство принадлежало Украинской ССР. Одновременно сокращался вклад старообжитых регионов России, что обуславливалось трудностями набора в сельской местности областей, относившихся в недавнем прошлом к трудоизбыточным.

Активная кампания по освоению целинных и залежных земель, начавшаяся в 1954 г., внесла, как отмечалось ранее, изменения в переселенческую политику. Именно в это время широкое распространение получило внутриобластное переселение, осуществление которого было регламентировано двумя постановлениями Совета Министров СССР.

Первое из них (№ 918), датированное 15 мая 1954 г., предусматривало направление на освоение целины и залежей жителей городской местности. Второе, (№ 1 894) от 8 сентября 1954 г., по существу, закрепило возможность привлечения горожан в де-

² Следует отметить, что важнейшая особенность переселенческой политики 1946–1957 гг. заключается в том, что специализированные органы осуществляли мероприятия по обеспечению постоянными кадрами предприятий не только аграрного сектора, а находившихся в сельской местности в целом, в том числе в лесную промышленность. Такое положение дел обуславливает известные трудности с подсчетом направленных и принятых семей в хозяйства мест вселения. Например, в 1947 г. в Белорусской ССР и Украинской ССР выехало 506 и 1248 семей. Однако по Украине отсутствуют точные сведения о численности направленных в колхозы Еврейской автономной области за 1947–1948 гг. семей, поскольку данные приведены в целом по автономии. Поэтому за указанные годы информация по Еврейской автономной области определена путем подсчета и представлена по принятым, а не по направленным семьям. Таким образом, в указанных цифрах может содержаться некоторая незначительная погрешность.

³ Оставшаяся часть – 26,7 тыс. семей или 16,75 % приходилось на упоминаемое внутриобластное переселение. Подсчитано на основе источников: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-327, оп. 1, д. 10. л. 6, 9; там же, д. 19, л. 151, 153, 155, 157, 159, 161–162; там же, л. 32, л. 97–103; там же, д. 46, л. 49–59; там же, д. 72, л. 49–57; там же, д. 88, л. 61–67; там же, д. 99. л. 66–70, 72–76; там же, оп. 2, д. 629, л. 16; 12, оп. 1, д. 674, л. 16–20. Сведения приведены за 1946–1953 гг. в связи отсутствием точных данных за 1944–1945 гг.

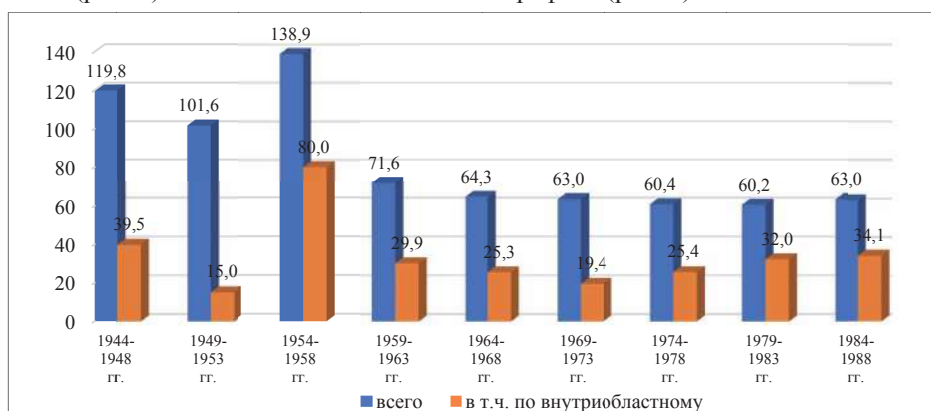
⁴ В границах соответствующего периода.

ревню многоземельных районов⁵. Тем самым, легитимировалась возможность переселения в сельскохозяйственные предприятия семей, у трудоспособных членов которых отсутствовал опыт работы на селе.

Активное внедрение (очевидно, что в некоторых случаях и насаждение) практики внутриобластного переселения в период «целинной эпопеи», изменило его роль в централизованном обеспечении хозяйств вселения трудовыми ресурсами. Так, его доля составляла в 1944–1948 гг. 39,97%, в 1949–1953 гг. 14,76%, тогда как в 1954–1958 гг. она существенно возросла – до 57,60%, оставаясь сравнительно высокой и в дальнейшем.

Более детально динамика соотношения между межобластным, включая межреспубликанское, и внутриобластным видами переселения наглядно отражена в диаграмме (рис. 1) и составленном на ее основе графике (рис. 2).

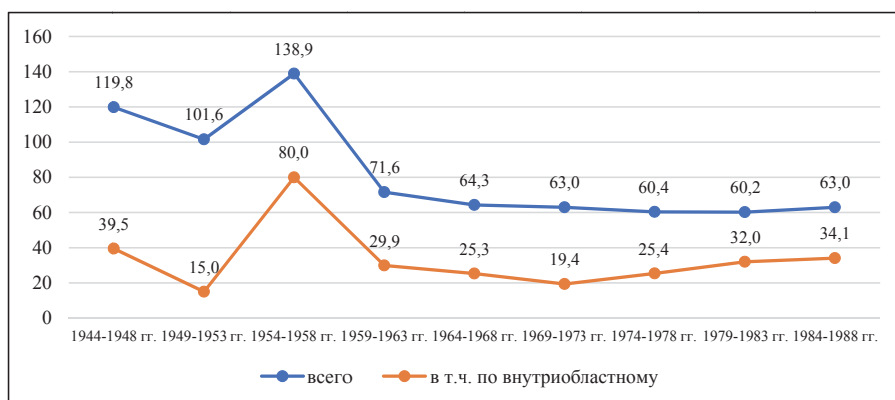
Рис. 1. Численность принятых семей в сельскохозяйственных предприятиях РСФСР за 1944–1988 гг., тыс.

Fig. 1. The number of migrant families in agricultural enterprises of the RSFSR for 1944-1988, thousands

Источник: составлено автором на основе источников⁶

⁵ ГА РФ, Ф. Р-5446. д. 622, л. 223–224; 12, д. 247, л. 6.

⁶ Государственный архив Амурской области (ГА АО), Ф. Р-22, оп. 3, д. 4, л. 15; ГА РФ. Ф. 10005, оп. 1, д. 22, л. 22, 37; там же, д. 82, л. 6, 41–42; там же, д. 118, л. 13, 17, 50; там же, д. 166, л. 8, 12, 39; там же, д. 218, л. 151, 156, 184; там же, д. 270, л. 146, 150, 180; там же, д. 325, л. 150, 154, 185; там же, д. 393, л. 143, 148, 176; там же, д. 454, л. 139, 157, 173; там же, д. 522, л. 144, 162, 179; там же, д. 581, л. 106, 125, 143; там же, д. 650, л. 115, 133, 135; там же, д. 719, л. 93, 109, 121; там же, д. 794, л. 96, 109, 121; там же, д. 908, л. 117, 123, 141; там же, д. 984, л. 124, 129, 147; там же, д. 1 050, л. 115, 121, 139; там же, д. 1 120, л. 106, 112, 130; там же, д. 1 183, л. 103, 109, 128; там же, д. 1 247, л. 94, 100, 120; там же, д. 1 310, л. 82, 86, 92; там же, д. 1363, л. 98, 117; там же, д. 1 425. Л. 7; ГА РФ. Ф. А-327, оп. 1, д. 10, л. 11, 35, 51; там же, д. 19, л. 8, 60–61, 144, 159; там же, д. 31, л. 4, 6; там же, д. 32. Л. 95, 97, 111; там же, д. 46, л. 7, 9–10; там же, д. 72, л. 5–6, 59–69; там же, д. 88, л. 7–8; там же, д. 90, л. 21; там же, д. 99, л. 76–79, 96–100, 102–103; там же, д. 165, л. 94, 127, 163, 203; там же, д. 166, л. 66, 78, 157; там же, д. 170, л. 18–19, 40; там же, оп. 2, д. 473, л. 53–55; там же, д. 599, л. 1; там же, д. 604, л. 122–123; там же, д. 605, л. 33, 53; там же, д. 629, л. 2, 13–14, 24–25; ГА РФ. Ф. А-518, оп. 1, д. 24, л. 41, 44, 47; там же, д. 65, л. 84, 86; там же, д. 100. Л. 113–114; там же, д. 133, л. 137–138; там же, д. 163, л. 163; там же, д. 195, л. 143–144; там же, д. 216, л. 124, 139; там же, д. 239, л. 120, 135; там же, д. 266, л. 109, 122; там же, д. 290, л. 93, 106; там же, д. 308, л. 141, 157; ГА РФ. Ф. Р-5446, оп. 106сч, д. 104, л. 287; Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. Р-553, оп. 1, д. 69, л. 13; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5675. оп. 1. д. 247. л. 6, оп. 1, д. 455, л. 42; там же, д. 457, л. 166–166 об; там же, д. 598, л. 28–29, 37, 56; там же, д. 674, л. 95–98; там же, д. 765, л. 42–46 об; там же, д. 833, л. 52, 83, 129.

Рис. 2. Соотношение межобластного⁷ и внутриобластного видов планового переселения семей в РСФСР за 1944–1988 гг.

Fig. 2. The ratio of interregional and intraregional planned relocations of families in the RSFSR for 1944–1988

Завершение в конце 1950-х гг. широкомасштабной кампании по освоению целинных и залежных земель сказалось и на значении централизованного перераспределения трудовых ресурсов в рамках административно-территориальной единицы в пользу сельского хозяйства. Так, в 1959–1963 гг. его доля по сравнению с 1954–1958 гг. резко сократилась до 41,76%, однако оставалась по-прежнему существенной, так как вплоть до 1966 г. плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР осуществлялось исключительно за счет внутренних резервов республики. Поэтому и в 1964–1968 гг. процент оформленных семей новоселов в областях-реципиентах в общем переселенческом потоке был велик – 39,35%.

Анализ и обобщение архивных материалов показывает, что 1954 г. фактически явился последним годом активного участия союзных республик в 1950-е гг., прежде всего Украинской ССР, в практике пополнения тружеников предприятий российского села. На основании произведенных подсчетов установлено, что в целом за 1954–1966 гг. в аграрный сектор РСФСР было направлено 247,9 тыс. семей, из них лишь 7,38% или 18,3 тыс. семей – из Азербайджанской ССР, Белорусской ССР, Литовской ССР и Украинской ССР. При этом следует иметь в виду, что в течение 1959–1966 гг. плановое переселение из-за пределов РСФСР не осуществлялось, поскольку ставка делалась на собственные ресурсы.

Следовательно, доля субъектов РСФСР (в тандеме с внутриобластным переселением) за 1954–1966 гг. превысила 92%, из них, собственно, по межобластному выехало 103,9 тыс. семей. Тем самым, если в 1946–1953 гг. относительные показатели считавшихся многоземельными (старообжитыми) районами в общем миграционном потоке превысили 58%, то в 1954–1966 гг. составили без малого 42%. Изменилось и соотношение по районам набора новоселов. Так, в 1954–1966 гг. в РСФСР большинство переселенцев являлись выходцами Центрально-Черноземного – 25,9 тыс. семей или 24,93%, Поволжского – 25,8 тыс. семей или 24,83% и Центрального – 21,7 тыс. семей или 20,89% – районов. Из Волго-Вятского района выехали 17,7 тыс. или 17,04%. В разрезе субъектов, как показывают подсчеты, наибольшее число – 9,7 тыс. семей – были

⁷ Включая межреспубликанское переселение.

жителями Чувашской АССР, 8,4 тыс. семей – Горьковской области и 7,5 тыс. семей – Татарской АССР⁸.

Таким образом, на втором этапе (1954–1966 гг.) определилась долгосрочная тенденция сокращения относительных и абсолютных показателей межобластного переселения в РСФСР, поскольку в условиях урбанизации и демографического перехода кадровый дефицит в аграрном секторе республики, в соответствии с принятой на тот момент методологией расчетов, стал характерен и для старообжитых районов России. Анализ диаграммы показывает, что за 5 лет – с 1954 по 1958 гг. – в хозяйства РСФСР прибыло больше семей, чем в среднем за последующие десятилетия. Более того, в этот временной отрезок был установлен и относительный «рекорд» в пропорции «внутриобластное переселение» – «принято всего семей». Его доля, как отмечалось ранее, в общем объеме составила 57,60 %.

Ощутимым было снижение доли внутриобластного переселения в 1969–1973 гг. по сравнению с прошлыми 5–10 годами как абсолютно (до 19,4 тыс. семей), так и относительно – 30,79%. Подобные изменения были вызваны наращиванием объемов межреспубликанского переселения. Однако, как следует из представленного графика, начиная с пятилетия 1974–1978 гг., значение внутриобластного переселения вновь возросло, составив в эти годы 25,4 тыс. семей (42,05%). Подобного рода изменения обусловлены принятием ЦК КПСС и Советом Министров СССР совместного постановления от 20 марта 1974 г. (№ 206) «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР»⁹. Аграрный сектор экономики Нечерноземья становился объектом повышенного внимания партии и правительства, что, применительно к проблеме исследования, выразилось в запрете вербовки новоселов в субъектах этого района и стимулировании переезда городских жителей на работу в сельском хозяйстве.

Поэтому неслучайно, что в конце 1970-х – 1980-е гг. доля внутриобластного переселения приблизилась к параметрам 1954–1959 гг., составив в 1979–1983 гг. 53,16% и в 1984–1988 гг. – 54,13%. Возросли и абсолютные цифры этого вида безвозвратной миграции. Повышение роли внутриобластного переселения было во многом обусловлено сокращением численности привлекаемых жителей бывших регионов-доноров, также начавших испытывать кадровый дефицит в аграрном секторе. Показательно, например, что с 1987 г. в хозяйства центрально-черноземных областей – Курской и Воронежской – стали централизованно привлекаться новоселы¹⁰.

В такой обстановке правительством были расширены субъекты-доноры: к Украинской ССР и Белорусской ССР с 1977 г. присоединилась Молдавская ССР, с 1981 г. – Киргизская ССР, с 1982 г. – Азербайджанская ССР, Туркменская ССР, Узбекская ССР, с 1983 г. – Армянская ССР и Таджикская ССР.

⁸ Подсчеты произведены на основе источников: ГА РФ. Ф. А-327, оп. 1, д. 164, л. 3–4, 14, 26, 31–32, 39, 49, 55, 68, 77, 87–88, 100, 109, 113, 128, 140, 162, 167, 170–171, 178–179, 188, 212; там же, д. 170, л. 18–20, 40, 45; там же, д. 171, л. 3, 32–50, 120; там же, д. 172, л. 55; там же, д. 173, л. 44, 53, 63, 145; там же, д. 174, л. 3, 30, 51, 60, 63, 75, 79, 125; там же, д. 175, л. 2, 25, 29, 53, 65, 80–82, 86, 102, 115–116, 124, 135, 139; там же, д. 176, л. 12, 28, 30, 47, 59, 73, 107–109, 113; ГА РФ. Ф. А-518, оп. 1, д. 24, л. 30–32; там же, д. 65, л. 56–58; там же, д. 100, л. 88–97; там же, д. 133, л. 118–126; там же, д. 163, л. 142–152; там же, д. 195, л. 122–129; там же, д. 216, л. 125–133; там же, д. 239, л. 121–128; там же, д. 266, л. 110–117; там же, д. 290, л. 94–101; там же, д. 308, л. 142–151.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-5446, оп. 1, д. 875, л. 1–47.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 10005, оп. 1, 1 310, л. 88.

Подсчеты показывают, что за 1967–1988 гг. в хозяйства РСФСР выехало 69,6 тыс. семей из союзных республик. Учитывая, что при посредничестве переселенческих органов в аграрные предприятия России за 1967–1988 гг. были привлечены 273,8 тыс. семей, доля межреспубликанского переселения составила в эти годы более 1/4 – 25,42%.

Детализация общего объема централизованного перераспределения людских ресурсов в пользу считавшихся малонаселенными субъектами РСФСР выявляет ведущую роль Украинской ССР. Из нее в течение 1967–1988 гг. выехало 48,8 тыс. семей или 17,82%, что в совокупности с еще одной союзной республикой – Белорусской ССР (9,1 тыс. семей) – превысило 1/5 (21,15% или 57,9 тыс. семей).

В структуре межреспубликанского переселения доля Украинской ССР была еще более значительной: на ее выходцев приходилось 70,11%. Существенную, но в несколько раз меньшую долю, занимала Белорусская ССР – 13,07%. Благодаря инициативам власти по привлечению жителей советской Средней Азии в предприятия аграрного сектора РСФСР, буквально за несколько лет возросла роль Узбекской ССР, из которой выехало 4,2 тыс. семей или 6,03%. От 1 до 3-х тыс. семей были жителями Молдавской ССР – 2,5 тыс. (3,59%), Туркменской ССР – 1,43 тыс. семей (2,05%), Киргизской ССР – 1,24 тыс. семей (1,78%), Таджикской ССР – 1,18 тыс. семей (1,69%), Азербайджанской ССР – 1,16 тыс. семей (1,67%). Очевидно, что со временем доля жителей среднеазиатских республик в переселенческих потоках продолжала бы возрастать, однако этому не суждено было случиться в связи с исчезновением СССР с политической карты мира.

Заключение

Таким образом, во второй половине 1940-х – 1980-е гг. советская переселенческая политика претерпела ряд изменений. Если изначально сохранялась, главным образом, законодательно позиция перераспределения жителей старообжитых районов в пользу так называемых субъектов миграционного притяжения, то, начиная с 1954 г., возросла роль внутриобластного переселения. Наряду с этим в переселенческий процесс стали включаться городские жители, в том числе не имевшие опыта работы на предприятиях аграрного сектора экономики.

Помимо этого, с начала 1980-х гг. к переселению стали привлекаться союзные республики Закавказья и Средней Азии, население которых ранее не вербовалось в качестве переселенцев для отдельных субъектов РСФСР.

Статистические данные ярко свидетельствуют о том, что предпочтение в вовлечении в переселенческий процесс отдавалось славянскому населению, способному, очевидно, более успешно адаптироваться в районах-реципиентах. Однако, судя по всему, именно за счет республик Закавказья и Средней Азии в будущем сохранялась бы возможность привлечения семей в трудодефицитные регионы России.

Расширение социальной и географической основ планового сельскохозяйственного переселения, согласно документам, являлось мерой во многом вынужденной, поскольку было обусловлено глубокими демографическими изменениями в традиционных местах выхода новоселов: сокращение рождаемости, урбанизация, «эхо» Великой Отечественной войны. И, что важно, в условиях советского времени, несмотря на действие негативных факторов, отказа от реализации плановой политики сельскохозяйственного переселения не последовало.

Список литературы

1. Баранова Е. В., Маслов В. Н. Миграция сельского населения из российских и белорусских регионов в Калининградскую область в 1946–1947 годах (из опыта разработки базы данных) // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии. – Витебск, 2019. – С. 41–43.
2. Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л. Миграционная политика России: история и современность. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. – 192 с. ISBN 978-5-9908695-1-6.
3. Горбачев О. В. Мигранты и Российское государство в XX веке: возможности и ограничения // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 1. С. 240–248.
4. Елизарова В. О. Аспекты государственной миграционной политики на Камчатке в конце 1920-х – 1930-е гг. в документах Государственного архива Камчатского края // Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук. Сборник научных статей ежегодной межрегиональной научно-практической конференции. – Петропавловск-Камчатский, 2016. – С. 94–96.
5. Чернышев К. А., Чернышева Н. В., Бровцин А. В. Переселение жителей Кировской области на Сахалин и Курильские острова в послевоенные годы // Региональные проблемы. 2019. Т. 22. № 3. С. 108–115. DOI: <https://doi.org/10.31433/2618-9593-2019-22-3-108-115>.
6. Чернышева Н. В. Переселенческая политика и ее реализация в Кировской области в 1945–1967 гг.: источниковедческий анализ // Историческая демография. 2017. № 1 (19). С. 83–86.

Информация об авторе:

Пискунов Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета, Благовещенск, Россия.

Контактная информация: e-mail: grew5@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-8544-0384; РИНЦ Author ID: 409118.

Статья поступила в редакцию 10.06.2021; принята в печать 13.08.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

SOVIET RESETTLEMENT POLICY IN THE SECOND HALF OF THE 1940S – 1980S: THE EXPERIENCE OF THE RSFSR

Sergey A. Piskunov

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia

E-mail: grew5@mail.ru

For citation: Sergey A. Piskunov. Soviet Resettlement Policy in the Second Half of the 1940s – 1980s: The Experience of the RSFSR. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No 4. Pp. 33–42. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.2>.

Abstract. The article examines the problem of the formation of the Soviet resettlement policy in the context of a decrease in the rural population of donor regions in the second half of the 40s – 80s. XX century on the example of the RSFSR. To achieve this goal, many historical documents were analyzed and summarized, which are contained mainly in the central archives of the Russian Federation. Such changes were caused, on the one hand, by a decrease in natural growth in the regions that were traditionally places of departure for new settlers, on the other hand, by a change in the settlement structure. Despite the demographic processes negative for the implementation of the resettlement policy, the country's leadership did not abandon this method of redistributing residents of some regions of the state in favor of others. It is noted that, while preserving the planned agricultural resettlement as a tool for increasing the demographic potential in certain regions and mitigating the shortage of labor in the enterprises of the agricultural sector, the Center inevitably faced the problem of finding sources for the formation of resettlement flows. From the beginning of the 1980s the solution to this problem in the USSR was ensured by several factors: firstly, the spread of the practice of intraregional resettlement; secondly, the inclusion of urban residents in the number of planned migrants, and not just villagers, as it was before; thirdly, the involvement of the inhabitants of Central Asia and the Transcaucasus in the organized migration. It is important to note that the article provides the information on the geography of the places of exodus for the second half of the 1940s – 1980s, indicating the most significant (by the number of people sent). Reflection of statistical data with a wide temporal and geographical coverage makes it possible to trace changes, on the one hand, in the intensity of migration ties between donor and recipient regions, and on the other, in the state policy of resettlement. The article is addressed to representatives of the scientific community (historians and demographers) and state institutions responsible for the development of modern migration policy.

Keywords: *intra-regional resettlement, state policy, Transcaucasia, inter-regional resettlement, donor regions, recipient regions, RSFSR, Central Asia.*

References

1. Baranova E. V., Maslov V. N. Migratsiya sel'skogo naseleniya iz rossiyskikh i belorusskikh regionov v Kaliningradskuyu oblast' v 1946–1947 godakh (iz opyta razrabotki bazy dannykh) [Migration of the rural population from the Russian and Belarusian regions to the Kaliningrad region in 1946–1947 (from the experience of developing a database)]. *Aktual'nyye problemy istochnikovedeniya* [Actual problems of source studies]. Materials of the V International Scientific and Practical Conference dedicated to the 110th anniversary of the Vitebsk Scientific Archive Commission. Vitebsk, 2019. Pp. 41–43. (In Russ.)
2. Vorobieva O. D., Rybakovsky L. L., Rybakovsky O. L. *Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'* [Migration policy of Russia: history and modernity]. Moscow: Econ-Inform Publishing House, 2016. 192 p. ISBN 978-5-9908695-1-6. (In Russ.)
3. Gorbachev O. V. Migrants and the Russian state in the 20th century: opportunities and limitations. *Quaestio Rossica*. 2018. Vol. 6. No. 1. Pp. 240–248. (In Russ.)
4. Elizarova V. O. Aspekty gosudarstvennoy migratsionnoy politiki na Kamchatke v kontse 1920-kh – 1930-ye gg. v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Kamchatskogo kraja [Aspects of state migration policy in Kamchatka in the late 1920s – 1930s. in the documents of the State Archives of the Kamchatka Territory]. *Teoriya i praktika sovremennykh gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [Theory and practice of modern humanities and natural sciences]. Collection of scientific articles of the annual inter-regional scientific-practical conference. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2016. Pp. 94–96. (In Russ.)
5. Chernyshev K. A., Chernysheva N. V., Brovtsyn A. V. Resettlement of the Kirov Region Residents to Sakhalin and the Kuril Islands in 1946–1950. *Regional Problems*. 2019. Vol. 22. No. 3. Pp. 108–115. DOI: <https://doi.org/10.31433/2618-9593-2019-22-3-108-115>. (In Russ.)
6. Chernysheva N. V. Resettlement Policy and Its Implementation on the Territory of the Kirov Region in 1945–1967: The Source Analysis. *Historical Demography*. 2017. No. 1 (19). Pp. 83–86. (In Russ.)

Bio note:

Sergey A. Pishunov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Special Historical Disciplines, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia.

Contact information: e-mail: grew5@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-8544-0384; RSCI Author ID: 409118.

Received on 10.06.2021; accepted for publication on 13.08.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ: ОБЩЕМИРОВЫЕ И РОССИЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Ниорадзе Г. В.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: nioradzeRSUH@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.4>

Для цитирования: Ниорадзе Г. В. Международная миграция старшего поколения: общемировые и российские тенденции // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 43–58. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.4>.

Аннотация. Предметом настоящего исследования является международная миграция пожилых людей, ее общемировые и российские тенденции. Данная тема приобретает особую актуальность ввиду того, что пожилые составляют около 17% от международных мигрантов (2019 г.). Кроме того, миграция пожилых людей находится на пересечении четырех демографических «мегатрендов»: старения населения, миграции, роста населения и урбанизации. При этом международная миграция пожилых россиян практически не исследуется в отечественной литературе. Гипотезой исследования является предположение о старении международных миграционных потоков в соответствии с тенденцией демографического старения. Метод исследования – вторичный анализ данных. Основной эмпирической базой выступают данные ООН, Росстата. Данные общемировой статистики показывают, что, хотя численность пожилых среди мигрантов возросла, пропорция пожилых людей в ней не изменилась. Таким образом, гипотеза не подтвердилась, что дает основания сделать следующий вывод: миграция отстает от старения. Это связано со слабым мобилизационным и адаптационным потенциалом старшего поколения. Российская статистика позволяет выделить 4 тыс. лиц в возрасте старше трудоспособного, переехавших за рубеж в 2019 г. (не включая страны СНГ). Наиболее популярные направления – Германия, Грузия. В заключение рассматриваются риски (негативное влияние на трудовой потенциал страны и пр.) и возможности (омоложение возрастной структуры, снижение возрастной дискриминации) для России в контексте эмиграции пожилого населения. Анализ существующих индексов активного долголетия показал отсутствие миграции в качестве индикатора активности, что значительно искажает данный индекс (в статье предлагается способ дополнить Индекс активного долголетия индикатором миграции). Направлением будущих исследований является изучение миграции российских пенсионеров в страны Юго-Восточной Азии и КНР.

Ключевые слова: миграция, международная миграция, эмиграция, старение населения, пенсионеры, старшее поколение, риски эмиграции, индекс активного долголетия.

Введение

Глобализация и улучшение транспортной доступности привели к интенсификации миграции. В 2020 г. доля мигрантов среди всего населения мира составила 3,6%. За 15 лет она увеличилась на 0,7%. По данным ООН, в 2020 г. насчитывалось 280,6 млн мигрантов, при этом из них 48,2 млн человек – старше 60 лет, среди которых в возрасте 60–64 года – 13,9 млн человек, 65–69 лет – 10,9 млн человек, 70–74 года – 8,4 млн чел, старше 75 лет – 15 млн человек. Кроме того, миграция пожилых имеет региональную специфику: в основном представители старшего возраста переезжают в Европу и Северную Америку, на которые пришлось 2/3 мигрантов старшего возраста в 2020 г. (32,4 млн человек)¹. Все это подчеркивает актуальность изучения такого крупного социально-демографического процесса как международная миграция в пожилом возрасте.

Из доклада ООН следует, что выделяются четыре демографических «мегатренда»: рост населения, старение населения, миграция и урбанизация [1]. В данной статье характеризуется международная миграция пожилых людей в контексте влияния демографических «мегатрендов», а также уделяется внимание особенностям между-

¹ International Migrant Stock // United Nations [site]. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (accessed on 22.04.2021).

народной эмиграции российских пенсионеров (за пределы стран СНГ). В заключение рассматриваются риски и возможности миграции в пожилом возрасте.

Обзор литературы

Основные направления исследований международной миграции пожилых в отечественной литературе

Международная миграция в пожилом возрасте – слабо изученный в России социально-демографический процесс. Ввиду недооценки роли международной миграции пенсионеров в формировании демографической структуры данный аспект практически не затрагивается в работах российских ученых. Вместе с тем некоторые работы посвящены внутренней миграции пенсионеров. Так, Л. Б. Карачурина и К. А. Иванова выделили дальневосточные и северные территории как регионы с наиболее интенсивной миграцией пожилых [2]. Г. Н. Гридасов, Н. О. Захарова и Е. С. Балужева проанализировали иммиграцию пожилых людей в Самарской области и пришли к выводу об ухудшении демографической ситуации в области из-за уменьшения миграционного прироста детей на фоне увеличивающегося притока пожилых мигрантов [3]. Кроме того, миграция пожилых косвенно затрагивается в рамках исследования возрастных дифференциаций миграции [4; 5].

Основные направления исследований международной миграции пожилых в западной литературе

В западных исследованиях миграцию пожилых людей исследуют долгое время: один из первых исследовательских шагов в этом направлении был сделан американской исследовательницей Д. Томас в 1938 г., заметившей зависимость миграции от возраста на основе изменения экономических ролей и возможностей в течение жизни [6, с. 5]. Развитие демографической науки и возраставший процесс старения усилили интерес исследователей к данной тематике, что привело к возникновению различных подходов в рамках рассмотрения жизненного цикла человека. В 1980-е гг. Е. Литвак и К. Лонгино выделили три типа миграции после выхода на пенсию: 1) немедленный переезд после выхода на пенсию, связанный с улучшением качества жизни; 2) переезд из-за частичной недееспособности к тем, кто может позаботиться; 3) окончательный переезд в специализированное учреждение [7, с. 270]. Позже У. Сероу сегментировал пожилых мигрантов, выделив две группы («молодые» пожилые и «старые» пожилые), где первые мигрируют по собственному желанию, а вторые – из-за необходимости [8, с. 20].

В настоящее время многие исследования миграции пожилых лежат в области качества старения и активного долголетия. Ученые говорят о феномене «трансграничной заботы» или «заботы на расстоянии» [9; 10], на появление которых повлияли три фактора: интенсификация и диверсификация мобильности, быстрые темпы демографического старения, развитие новых коммуникационных технологий. В этой связи выделяются работы австралийских ученых, изучающих источники и объем поддержки пожилых мигрантов от социальных сетей (контакты с родственниками, друзьями, общественными организациями) [11], а также изучающих новые коммуникационные технологии (интернет), способствующие сохранению социальных контактов на расстоянии [12].

Схожее направление исследований связано с изучением особенностей интеграции пожилых мигрантов, у которых зафиксированы следующие уязвимости: низкий социально-экономический статус, плохое здоровье, одиночество, дискриминация и сегрегация [13; 14]. Голландские исследователи изучают влияние устойчивости

на пожилых людей. Под «устойчивостью» понимаются различные ресурсы: образование, преодоление языковых барьеров, наличие нескольких источников дохода, наполненность жизни смыслом, прочные социальные связи, способность поддерживать транснациональный образ жизни [15].

Отдельную группу исследований образует медико-геронтологическая тематика. Так, американские ученые исследуют частоту когнитивных нарушений среди пожилых американцев мексиканского происхождения в зависимости от того, где они родились (Мексика или США) и в каком возрасте иммигрировали. Данные привели к неоднозначным результатам: у женщин, иммигрировавших в позднем возрасте, риск когнитивных нарушений на 46% выше, чем у американок мексиканского происхождения, родившихся в США, но в то же время мужчины-иммигранты среднего возраста имеют на 29% более низкий риск когнитивных нарушений по сравнению с американскими мексиканскими мужчинами, родившимися в США [16].

Основные причины международной миграции пожилых

Данные зарубежных исследований позволяют типологизировать миграцию пожилых на основе причин переезда.

Первый тип образуют мигранты, чей переезд связан с медицинскими причинами. К этому типу относятся как те, кто стремится повысить качество медицинского обслуживания, так и сократить его стоимость за счет более совершенных систем социального страхования в других странах [17]. Отдельную группу составляют пожилые мигранты, решившиеся на переезд из-за состояния здоровья (полной или частичной утраты дееспособности), вынужденно покидая страну пребывания, рассчитывая на помощь родственников или системы здравоохранения страны-реципиента [18]. Первый тип более характерен для «четвертого» возраста.

Второй тип мигрантов нацелен на поиск более доступной инфраструктуры, комфортной городской среды, адаптированных средств передвижения, а также на первый план выходят безопасность и низкий уровень преступности [18].

Третий тип мигрантов решается на переезд ввиду климатических условий, рекреаций, природных ресурсов (парки, леса, озера) [17]. Причем, данный тип имеет двойные установки: одни стремятся переехать в более комфортные климатические условия, а другие, напротив, переезжают на природу, в сельскую местность.

Четвертый тип миграции связан со значительным событием в жизни: прекращение трудовой деятельности, развод или безвременный уход супруга. Данные британской статистики показывают следующее: у тех, кто разводится или расстается, вероятность переезда почти в пять раз выше, а у тех, кто недавно овдовел, вероятность переезда почти в два раза выше, чем у овдовевших пять или более лет назад [19, с. 12]. Второй, третий и четвертый типы мигрантов составляют в основном «молодые» пожилые.

Данная классификация составлена на основе анализа тематической литературы, однако, на наш взгляд, не включает все имеющиеся типы пожилых мигрантов. Например, миграция пожилых может быть связана с профессиональной деятельностью: долгое время проработав в другой стране, пенсионер решает остаться в уже ставшей привычной обстановке, отказываясь от возвращения на Родину на постоянной основе. Кроме того, существование межнациональных, межконфессиональных конфликтов и гражданских войн стимулирует вынужденную миграцию, связанную с экстренным переездом в другой регион, где уровень насилия ниже. Таким образом,

данная классификация не является исчерпывающей, однако отражает основные причины переезда в старшем возрасте.

Основные причины отказа пожилых от международной миграции

Одной из наиболее частых причин является отказ от миграции в силу проблем со здоровьем и ограниченной мобильностью. Кроме того, отказ от миграции связан с привязанностью к месту проживания, а также владением недвижимостью в стране пребывания. Перспектива потери дома и хозяйства, ради которых приходилось трудиться целую жизнь, так же служит демотивирующим фактором к переезду. Помимо этого, выделяются страх начала жизни в новой стране, неготовность проживать в другом географическом регионе с иными климатическими условиями, наличие домашних животных и др. [20].

Данные и методы исследования

Исследование международной миграции старшего поколения производилось методом вторичного анализа данных. В качестве эмпирической базы выступали официальные данные Организации Объединенных Наций: численность населения, численность населения в возрасте старше 65 лет (в обоих случаях включая прогнозную численность за период 1950–2100 гг.²), возрастная структура международной миграции (1990–2020 гг.)³. При анализе международной миграции российских пенсионеров использовались данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата): распределение мигрантов по основным возрастным группам и зарубежным странам в 2019 г.⁴ Основной корпус источников был дополнен другими данными: аналитическими докладами ООН, Всемирного банка и пр., а также материалами других авторов.

Рис. 1. Численность населения в мире и численность населения старше 65 лет, млрд человек*

Fig. 1. World population and population over 65, billion people

Источник: данные ООН⁵

² * Начиная с 2021 г., средний вариант прогноза изменения численности населения ООН World Population Prospects 2019 // United Nations [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (accessed on 27.05.2021).

³ International Migrant Stock // United Nations [site]. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (accessed on 27.05.2021).

⁴ Распределение мигрантов по основным возрастным группам и зарубежным странам в 2019 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_107/IssWWW.exe/Stg/2-12.xlsx (дата обращения: 30.04.2021).

⁵ World Population Prospects 2019.

Результаты

Миграция пожилых и рост численности населения

Миграция является одной из центральных тем демографических исследований. Она подвергается влиянию ключевых демографических тенденций настоящего времени: замедлению роста популяции и увеличению скорости старения населения. За трехкратным увеличением популяции в период после завершения Второй мировой войны последовало сокращение роста населения (см. рис. 1). Численность населения в трудоспособном возрасте достигла максимума в 2012 г. и перешла к снижению, вследствие чего происходит увеличение доли иждивенцев, которая главным образом связана с увеличением именно доли пожилых людей в структуре населения [21].

Среди ключевых факторов, оказывающих влияние на рост численности населения, – рождаемость и смертность. Эти факторы обуславливают «демографический переход»⁶, который представляет собой смену типов воспроизводства населения – от экстенсивного или примитивного типа (высокие рождаемость и смертность) к интенсивному типу (низкие рождаемость и смертность) [22; 23]. Данные демографической статистики говорят о том, что большая часть государств завершила основные этапы демографического перехода, но вместе с тем сохраняются беднейшие страны мира, где при очень высокой рождаемости (к примеру, в среднем у каждой жительницы Нигера восемь детей), продолжительность жизни не увеличивается или снижается⁷.

Рост населения вследствие демографического перехода привел к увеличению миграции, поскольку обнажил недостаток ресурсов на территориях с высокой рождаемостью и низким уровнем ресурсов (социальных, медицинских, экономических, инфраструктурных и пр.), что в купе с ростом мобильности привело к возрастанию миграционных процессов. Важным фактором выступает то, что переехавшие лица в трудоспособном возрасте обеспечили возможность своему старшему поколению совершить миграцию. Так, данные показывают, что один из пиков миграции приходится на возраст 75+ (15 млн человек или около трети от пожилых международных мигрантов), когда пожилые родители переезжают под опеку своих детей⁸.

Миграция пожилых и старение населения

В узком смысле демографическое старение – это «увеличение доли пожилых и старых людей в общей численности населения; измеряется как доля населения в возрасте 60 лет и старше или 65 лет и старше»⁹. В широком смысле – история успеха человечества, повод для триумфа системы здравоохранения, медицинские достижения, экономическое и социальное развитие в отношении борьбы с болезнями, травмами и ранней смертностью, которые ограничивали продолжительность человеческой жизни [1, с. 3].

Рассматривая демографическое старение, к рождаемости и смертности добавляется еще один фактор – миграция. Она позволяет странам, совершившим демографический переход, смягчать стремительность увеличения доли пожилых. Причина состоит в том, что главным образом мигранты – люди в молодом (трудоспособном)

⁶ Демографический переход / Демографический понятийный словарь // Сайт Л. Л. Рыбаковского. URL: <http://rybakovsky.ru/uchebnik1a5.html> (дата обращения: 23.04.2021).

⁷ 7 graphics that explain: What is an 'ageing population'? // Aetna, health care company [site]. URL: <https://www.aetnainternational.com/en/about-us/explore/future-health/ageing-population-graphics.html> (accessed: 22.04.2021).

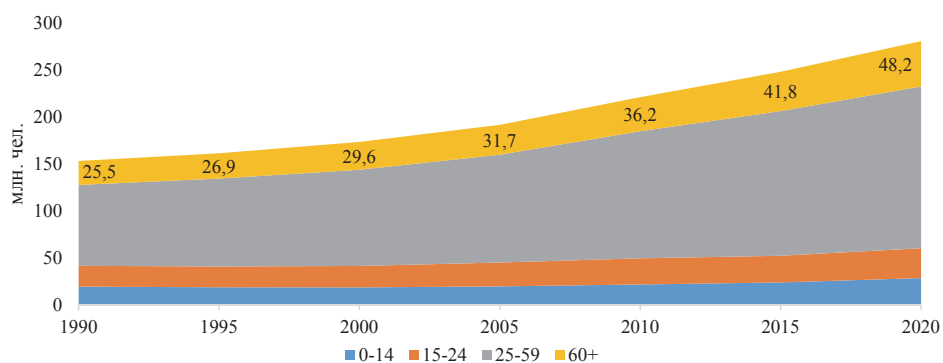
⁸ International Migrant Stock.

⁹ Возрастная структура населения / Демографический понятийный словарь // Сайт Л. Л. Рыбаковского. URL: <http://rybakovsky.ru/uchebnik1a3.html> (дата обращения 23.04.2021).

возрасте, что способствует омоложению возрастной структуры населения стран-реципиентов. Вместе с тем «макротренд» – старение населения – оказывает значительное влияние. Во-первых, численность пожилых мигрантов увеличивается. По данным ООН, за период 1990–2020 гг. в странах с высокими и средними доходами численность пожилых мигрантов возросла на 16 млн человек¹⁰. Во-вторых, если мигранты не возвращаются на родину, то, оставшись жить на постоянной основе в новой стране, постепенно стареют наравне с местным населением. В-третьих, исследователи отмечают наиболее активную группу пожилых мигрантов – после 75 лет наступает пик миграции в старшем возрасте, то есть среди пожилых мигрантов наиболее крупная возрастная группа мигрантов находится в «четвертом» возрасте [24], характеризующемся потерей дееспособности и во всяком случае экономической активности. Именно поэтому основной мотивацией миграции людей в этом возрасте становится «вынужденность», а не «собственное желание» (например, ввиду потери супруга [25; 26], из-за необходимости снижения расходов на жизнь [20, с. 28; 19, с. 13]).

Демографическое старение является объектом всестороннего изучения со стороны академического сообщества и международных организаций. Начиная с 1956 г., ООН анализирует изменения воспроизводства населения. В настоящее время соотношение лиц в возрасте старше трудоспособного к более молодым составляет 1 к 11, но разрыв имеет тенденцию к сокращению до пропорции 1 к 6 (см. рис. 1) [1, с. 5]. Это позволяет говорить о наступлении эпохи стареющего населения.

Демографическое старение имеет региональную специфику. В настоящее время страны Африки, Южной и Юго-Восточной Азии главным образом обеспечивают прирост населения, что делает менее характерной для них тенденцию увеличения численности пожилых в возрастной структуре населения. Однако в то же время, по оценкам ООН, старение населения идет наибольшими темпами в Восточной и Юго-Восточной Азии, Латинской Америке. В этих регионах и Северной Африке, Западной, Центральной и Восточной Азии ожидается удваивание численности пожилых людей к 2050 г. [1, с. 1].

Рис. 2. Динамика возрастной структуры миграционных потоков (млн человек)
Fig. 2. Dynamics of the age structure of migration flows (million people)

Источник: данные ООН¹¹

¹⁰ Older persons and migration // Migration Data Portal [site]. URL: <https://www.migrationdataportal.org/themes/older-persons-and-migration> (accessed on 22.04.2021).

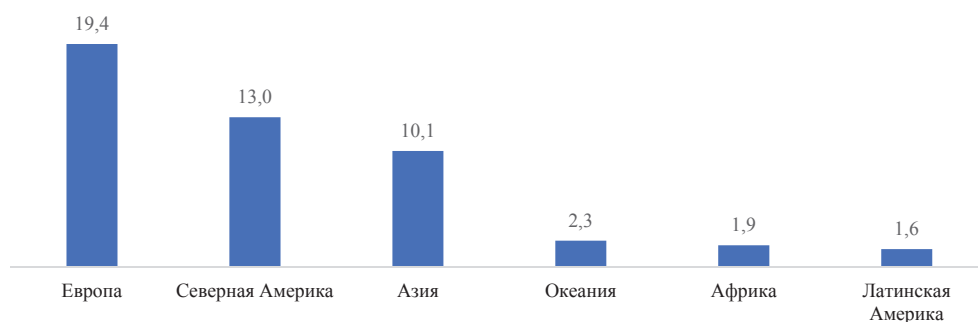
¹¹ International Migrant Stock.

По данным ООН, в 2020 г. насчитывалось 280,6 млн мигрантов (см. рис. 2). Из них 48,2 млн – старше 60 лет, среди которых в возрасте 60–64 года – 13,9 млн человек, 65–69 лет – 10,9 млн человек, 70–74 года – 8,4 млн человек, старше 75 лет – 15 млн человек. За последние 30 лет численность мигрантов старше 60 лет практически удвоилась (25,5 млн человек – в 1990 г., 48,2 млн человек – 2020 г.). Однако вместе с тем пропорция пожилых мигрантов в возрастной структуре миграции остается довольно стабильной: 16,6% – в 1990 г., 17,2% – в 2020 г.

Таким образом, миграция пожилых людей протекает в русле общей тенденции увеличения интенсивности, но пропорция пожилых среди мигрантов практически не увеличивается (см. рис. 2), что позволяет говорить об отставании миграции от старения.

Миграция пожилых и урбанизация

В контексте данной работы миграция и урбанизация связаны друг с другом в меньшей степени, чем другие демографические «мегатренды». Однако особенность миграционных потоков в пожилом возрасте состоит в том, что пенсионеры склонны выбирать в качестве нового места жительства густонаселенные районы, где условия жизни являются более благоприятными, а инфраструктура и медицинские услуги легче доступны [17]. Данные ООН свидетельствуют о том, что 73% пожилых мигрантов переезжают в развитые страны, 70% – в страны с высоким уровнем дохода¹². Наиболее популярными регионами для переезда пожилых (старше 60 лет) являются Европа и Северная Америка, представленные Германией (4,3 млн человек), Россией (2,9 млн человек), Францией (2,6 млн человек) и США (10,5 млн человек), Канадой (2,5 млн человек) соответственно (см. рис. 3).

Рис. 3. Распределение регионов по численности прибывших пожилых мигрантов (млн человек)

Fig. 3. Distribution of regions by the number of elderly immigrants (million people)

Источник: данные ООН¹³

У западных исследователей существует теория, согласно которой миграция пенсионеров основана на идее о профессиональном долгосрочном уходе. Гипотеза заключается в том, что пожилые люди, не получив возможности достойного ухода в стране постоянного пребывания, отправляются (самостоятельно или с родственниками) в другие регионы в поисках более высокого качества обслуживания [27; 17]. Кро-

¹² International Migrant Stock.

¹³ International Migrant Stock.

ме того, переезд может быть обусловлен необходимостью воссоединения с детьми, ранее мигрировавшими в страну-реципиент. Это также может быть связано с идеей о возможности долгосрочного ухода, но не в специализированных учреждениях медицинского профиля, а в домашних условиях.

Миграция российских пенсионеров в зеркале статистики

В 2019 г. число выбывших лиц в возрасте старше трудоспособного составило 488 тыс. человек. Однако миграционные потоки в основном не выходят за пределы страны – 444 тыс. человек. За рубеж выехали 43 тыс. пенсионеров, из которых 39 тыс. – в страны СНГ. Таким образом, численность объекта исследования – пожилых россиян-мигрантов, уехавших за рубеж, составила 4 тыс. чел в 2019 г.¹⁴

Возрастная специфика миграционных потоков проявляется в следующем: как показывает таблица 1, если трудоспособное население стремится переехать в некоторые восточные страны (Китай, Индия, Вьетнам), то пожилые и дети отправляются в наиболее социально благополучные страны – например, в Германию. Кроме того, данная статистика имеет искажение, поскольку не выделяет обратную миграцию. Вдобавок к этому, «понятия «прибывшие» и «выбывшие» характеризуют миграцию с некоторой условностью, так как одно и то же лицо может в течение года менять место постоянного жительства не один раз¹⁵.

Таблица 1.

Топ-10 наиболее популярных стран переезда за рубеж, кроме стран СНГ (по возрастным группам), человек

Table 1.

Top 10 popular countries for moving abroad, except for the CIS countries (by age group), people

№	Моложе трудоспособного	Человек	Трудоспособный	Человек	Старше трудоспособного	Человек
1	Германия	689	Прочие	11612	Германия	1049
2	Прочие	433	Китай	8250	Грузия	615
3	Вьетнам	226	Индия	5243	Прочие	314
4	США	224	Грузия	3323	Китай	262
5	Грузия	147	Вьетнам	3016	США	237
6	Финляндия	133	Германия	2570	Абхазия	222
7	Израиль	132	Корея	1874	Литва	202
8	Китай	115	Турция	1334	Латвия	196
9	Турция	90	Абхазия	983	Израиль	193
10	Латвия	80	США	953	Эстония	188
Всего		36069		336747		43315

Источник: данные Росстата¹⁶

Риски эмиграции пенсионеров для России как страны-донора

Один из главных рисков миграции для страны донора – удар по трудовому потенциалу страны. Несмотря на то, что данное обстоятельство затрагивает в большей степени людей в трудоспособном возрасте, трудовой потенциал пенсионеров являет-

¹⁴ Распределение мигрантов по основным возрастным группам и зарубежным странам в 2019 г.

¹⁵ Россия в цифрах. 2020: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 550 с. ISBN 978-5-89476-488-7.

¹⁶ Распределение мигрантов по основным возрастным группам и зарубежным странам в 2019 г.

ся важным резервом для поддержания занятости в условиях старения населения. Уже в настоящее время «замещение» рабочей силы в России происходит за счет мигрантов и пожилых [28], что катализируется двумя обстоятельствами. Во-первых, сложившаяся конъюнктура на рынке труда обусловлена волнами депопуляции населения. При этом характерная черта второй волны – сокращение показателей и рождаемости, и смертности [29]. Во-вторых, демографические тенденции отразились в общественном сознании, в результате чего пересматриваются возрастные границы понятия «молодежь» и понятия «пенсионер» (последнее во многом вызвано пенсионной реформой, официально отдалившей «старость» на 5 лет). Таким образом, последствия демографических изменений отразились и в бытовом¹⁷, и в научном контексте, а с 2021 г. и в правовом поле (Госдума приняла закон о молодежной политике, четко определив возраст молодежи – до 35 лет включительно¹⁸). В 2019 г. уровень занятости лиц старше трудоспособного возраста составил 21,3%, безработица среди пожилых – 2,4%, а среднее время поиска работы среди данной возрастной группы – 7,9 месяца¹⁹. По данным за 2016 г., средний трудовой стаж после назначения пенсии по возрасту составлял 4,9 года, в 2011 г. аналогичный показатель был равен 4,3 года²⁰, что свидетельствует об увеличении продолжительности трудовой жизни. Это находит отражение в изменениях структуры рабочей силы. Во-первых, за 10 лет средний возраст работника повысился с 39,6 лет (2009 г.) до 41,0 лет (2019 г.). Во-вторых, численность работающих пенсионеров увеличилась в 1,5 раза за тот же период (с 5,8 млн человек до почти 8,1 млн человек)²¹.

Потеря налогоплательщиков – еще один серьезный риск для страны-донора. Несмотря на сравнительно низкий (сравнивая с другими возрастными группами) уровень занятости пожилых, лица старшего возраста вносят вклад в экономику страны за счет использования своих средств внутри страны, уплачивая прямые и косвенные налоги, стимулируя торговлю и услуги. Так, к примеру, российские банки проявляют все больший интерес к пенсионерам ввиду их «дисциплинированности» и постоянному пенсионному доходу²². При переезде в другую страну и сохранении гражданства пенсионер будет получать свою пенсию за рубежом, в то время, как и тратить ее будет там же, тем самым экономика лишится необходимых налогов, а также спроса на товары и услуги.

¹⁷ «В СССР люди взрослели рано» Молодость в России хотят официально продлить до 35 лет. Зачем это нужно власти и людям? // Lenta.ru. Новостное интернет-издание. 28.07.2020. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/07/28/youth/> (дата обращения: 20.10.2020).

¹⁸ Плюс пять лет. Госдума повысила возраст молодежи до 35 лет // Российская газета. Газета. 23.12.2020. URL: <https://rg.ru/2020/12/23/vozrast-molodezhi-povysili-do-35-let-vkliuchitelno.html> (дата обращения: 10.02.2021).

¹⁹ Показатели, характеризующие занятость населения в возрасте старше трудоспособного, по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud4-0-2.xls> (дата обращения: 23.10.2020).

²⁰ Продолжительность трудового стажа после назначения пенсии по возрасту назначения и виду назначенной пенсии в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/tab-st-tr_st.htm (дата обращения: 20.02.2020).

²¹ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат.сб. / Росстат. – М., 2020. – С. 24.

²² На безбедную старость и помощь внукам: почему пенсионеры стали чаще брать кредиты // 360°. Телеканал. 04.12.2017. URL: <https://360tv.ru/news/tekst/na-bezbednuju-starost-i-pomosch-vnukam-pochemu-pensionery-stali-chasche-brat-kredity-v-bankah/> (дата обращения 28.05.2021).

Возможности для страны-донора в контексте миграции пенсионеров

Однако наряду с рисками существуют и возможности, связанные, во-первых, с омоложением возрастной структуры ввиду переезда пожилых за рубеж. Во-вторых, позитивным последствием является снижение возрастной дискриминации. В-третьих, если миграция происходит в более экономически благополучный регион, то это может положительно сказаться на продолжительности жизни, хотя возрастает риск сердечно-сосудистых заболеваний из-за эмоциональной нагрузки. В-четвертых, переезд в другую страну может позволить пенсионеру воссоединиться со своей семьей, что тем самым улучшит его качество жизни и повысит продолжительность жизни российских граждан. Наконец риски переезда российских пенсионеров смягчаются положительным миграционным сальдо в возрасте старше трудоспособного.

Обсуждение

В настоящее время существует значительное количество методологических подходов, определяющих качество старения, долголетия в различных регионах мира. Среди наиболее популярных выделяются Глобальный индекс наблюдения за старением (Global Age Watch Index)²³, Глобальный пенсионный индекс (Natixis Global Retirement Index)²⁴, Индекс благополучия пожилых (Wellbeing in Later Life Index, WILL)²⁵, Индекс благосостояния пожилых людей – Индекс SCL / PRB [30] и, наконец, Индекс активного долголетия (Active Ageing Index), используемый ООН для сравнительных исследований и адаптированный Росстатом для мониторинга качества проводимой политики активного долголетия [31]. Несмотря на различный набор индикаторов, они используют схожие повторяющиеся показатели: занятость, социальное участие, ожидаемая продолжительность жизни, уровень смертности и пр.

Однако все упомянутые индексы лишены индикатора, связанного с миграцией. Вместе с тем акт миграции является куда большим проявлением активности, чем все приведенные индикаторы. К примеру, переезд в иную страну не может сравниться с трудоустройством. В этой связи предлагается включить показатель миграции в индекс активного долголетия. В качестве аргумента о включении индикатора миграции выступает также статистика: в 2020 г. 17% (48 млн человек) от всех международных мигрантов составляли пожилые, что представляет собой многочисленную социально-демографическую группу. Кроме того, миграция внутри страны также предполагает активность, что значительно увеличивает долю лиц, которых охватит данный индикатор.

Конкретизируя предложение о включении показателя миграции в методики определения активного долголетия, наиболее актуальным представляется преобразование Индекса активного долголетия, поскольку он является международным и официально принятым Росстатом [31]. Индикаторы данного индекса сгруппированы в четырех доменах:

1) занятость (уровень занятости в возрастных группах 55–59 лет, 60–64 года, 65–69 лет, 70–74 года);

²³ Global AgeWatch Index // CountryEconomy.com [site]. URL: <https://countryeconomy.com/demography/global-agewatch-index> (accessed on 22.04.2021).

²⁴ 2019 Global Retirement Index. Global Security. Personal Risks // Natixis. Investment bank [site]. URL: <https://www.im.natixis.com/us/research/2019-global-retirement-index> (accessed on 22.04.2021).

²⁵ Index of Wellbeing in Later Life // Age UK. Charity organization [site]. URL: <https://www.ageuk.org.uk/our-impact/policy-research/wellbeing-research/index-of-wellbeing/> (accessed on 23.04.2021).

2) участие в жизни общества (волонтерская деятельность, уход за детьми, внуками, больными, инвалидами, участие в политической жизни);

3) независимая здоровая и безопасная жизнь (физическая активность, доступ к услугам здравоохранения и стоматологическим услугам, безопасность и пр.);

4) возможности и благоприятная среда для активного долголетия (ожидаемая продолжительность жизни, доля лет здоровой жизни в ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 55 лет, психологическое благополучие и пр.).

Наиболее целесообразным может стать включение показателя миграции во второй домен – «Участие в жизни общества», поскольку переезд предполагает активные контакты со значительным количеством людей, что свидетельствует о социальной активности. Конкретным же индикатором предлагается определять долю лиц в возрасте 55 лет и более, переезжавших внутри России, за пределы России или обратно в Россию в течение года. Данная информация (возрастно-половой состав мигрантов по Российской Федерации) содержится в ежегодном бюллетене «Численность и миграция населения Российской Федерации».

Заключение

Выделенные ООН четыре мегатренда: рост населения, старение населения, миграция и урбанизация, – тесно связаны с изучением международной миграции пожилых людей. Увеличение численности населения благодаря демографическому переходу поспособствовало интенсификации миграции, так как обнаружилось недостаточное количество ресурсов на территориях с высокой рождаемостью и низким уровнем ресурсов (социальных, медицинских, экономических, инфраструктурных и пр.). В этой связи важную роль играет трудоспособное население, которое оказалось в авангарде миграции, обеспечивая своих родителей возможностью переезда к ним. Так, один из пиков миграции пожилых приходится на возраст 75+, когда пожилым требуется забота и уход, поэтому родители переезжают к своим взрослым детям.

Старение населения оказывает двоякое влияние на миграцию. С одной стороны, миграция осуществляется в основном лицами трудоспособного возраста, что демпфирует старение возрастной структуры стран-реципиентов. С другой стороны, данные свидетельствуют о сохранении доли пожилых мигрантов, то есть в абсолютных числах произошло возрастание численности переезжающих лиц старшего поколения.

Миграция отстает от демографического старения, поскольку пропорция пожилых осталась прежней, несмотря на увеличение продолжительности жизни, что вызвано низким потенциалом мобильности пожилых. Кроме того, наиболее многочисленной является группа пожилых в возрасте 75+, то есть эти люди, скорее всего, переезжают к более молодым родственникам. Таким образом, изначальная гипотеза о том, что старение населения коррелирует со старением миграционных потоков не подтвердилась.

Урбанизация накладывает отпечаток на миграцию пожилых. Представители старшего поколения стремятся переезжать в густонаселенные места жительства с хорошим уровнем инфраструктуры, доступной средой, высоким качеством медицинского обслуживания.

Анализ международной миграции российских пенсионеров по возрасту позволил сделать следующие выводы. Во-первых, численность пожилых россиян, выезжавших за пределы России и СНГ в 2019 г., не высока (4 тыс. человек), когда как чаще

старшее поколение мигрирует внутри страны (444 тыс. человек) или в страны СНГ (39 тыс. человек)²⁶. Во-вторых, пожилые люди и дети чаще выбирают страны с более комфортными условиями проживания, близкой культурой (Германия, Грузия, США). Мигранты же в трудоспособном возрасте стремятся в Азию (Китай, Индия, Вьетнам). В-третьих, к рискам эмиграции пенсионеров для России как страны-донора относятся: 1) негативное влияние на трудовой потенциал страны ввиду старения населения и сокращения пропорции населения в трудоспособном возрасте, 2) потеря налогоплательщиков (для государства), 3) потеря клиентов с гарантированными доходами (для бизнеса). В-четвертых, низкие цифры эмиграции пенсионеров и положительное миграционное сальдо в этой возрастной группе смягчают риски. Кроме того, существуют возможности благодаря миграции пенсионеров: 1) омоложение возрастной структуры, 2) снижение возрастной дискриминации, 3) положительное влияние на здоровье пенсионеров за счет переезда в более благополучный регион (хотя порой переезд в другой регион приводит к повышенному риску сердечно-сосудистых заболеваний), 4) возможность воссоединения с родственниками.

Таким образом, в настоящей работе рассмотрены основные мировые и российские тенденции миграции пожилых. В России показатель эмиграции пенсионеров в другие страны (за исключением СНГ) достаточно низок. Вместе с тем только в 2019 г. данный аспект составлял неотъемлемую часть жизненного мира 4 тыс. пожилых россиян, принявших решение переехать по разным причинам, несмотря на пожилой возраст.

Миграция старшего поколения является проявлением эпохи активного долголетия, несмотря на отсутствие показателя миграции в Индексе активного долголетия (ИАД). В связи с этим предлагается включить в домен «Участие в жизни общества» ИАД следующий индикатор: доля лиц в возрасте старше 55 лет, мигрировавшая внутри страны, за границу или обратно в Россию в течение года.

Научная новизна нашей работы состоит в аналитическом обзоре тематической литературы по проблемам международной миграции старшего поколения. Данный аспект находит слабое отражение в российской литературе, однако зарубежные источники и эмпирические исследования позволили выделить основные причины миграции в пожилом возрасте. Кроме того, в работе предлагается уточнение международного ИАД за счет включения индикатора миграции, что позволило бы более полно характеризовать процесс демографического старения.

В настоящей статье полученные выводы позволили проанализировать общую картину миграции старшего поколения в мировом и российском масштабах. В дальнейшем исследование миграции пожилых будет продолжено в более узком и сфокусированном виде: анализу подлежат различные аспекты миграции пожилых россиян в страны Юго-Восточной Азии и КНР.

Список литературы

1. *United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Ageing 2019: Highlights (ST/ESA/SER.A/430)*. New York: United Nations, 2019. 38 p. ISBN: 978-92-1-148325-3.
2. Карачурина Л. Б., Иванова К. А. Миграция пожилых в России (по данным переписи населения 2010 г.) // Региональные исследования народонаселения. 2017. №3 (57). С. 51–60.
3. Гридасов Г. Н., Захарова Н. О., Балуева Е. С. Сравнительный анализ динамики миграционного прироста пожилого населения Самарской области // Успехи геронтологии. 2011. Т. 24. № 4. С. 707–

²⁶ Распределение мигрантов по основным возрастным группам и зарубежным странам в 2019 г.

712.

4. *Ефремов И. А.* Возрастные особенности миграционных процессов на Крайнем Севере России // Демоскоп Weekly. 2014. № 581–582. С. 54–62.

5. *Мкртчян Н. В.* Возрастная структура населения России и ее влияние на внутреннюю миграцию // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2015. Т. 13. С. 209–221.

6. *Greenwood M. J.* Migration and Labor Market Opportunities / М. М. Fischer, P. Nijkamp (Eds.), Handbook of Regional Science. Berlin: Springer, 2013. Pp. 3–16. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-23430-9_5.

7. *Litwak E., Longino C. F.* Migration Patterns Among the Elderly: A Developmental Perspective. The Gerontologist. 1987. Vol. 27. No. 3. Pp. 266–272. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/27.3.266>.

8. *Serow W. J.* Demographic and Socioeconomic Aspects of Elderly Migration in the 1980s. Journal of Aging & Social Policy. 1996. Vol. 8. No. 1. Pp. 19–38. DOI: https://doi.org/10.1300/j031v08n01_04.

9. *Baldassar L., Baldock C. V., Wilding R.* Families Caring Across Borders: Migration, Ageing and Transnational Caregiving. London: Palgrave Macmillan, 2007. 259 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230626263>.

10. *Zechner M.* Care of older persons in transnational settings. Journal of Aging Studies. 2008. Vol. 22. No. 1. Pp. 32–44. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2007.02.002>.

11. *Wilding R., Baldassar L.* Ageing, migration and new media: The significance of transnational care. Journal of Sociology. 2018. Vol. 54. No. 2. Pp. 226–235. URL: <https://doi.org/10.1177/1440783318766168>.

12. *Baldassar L., Wilding R.* Migration, Aging, and Digital Kinning: The Role of Distant Care Support Networks in Experiences of Aging Well. The Gerontologist. 2019. Vol. 60. No. 2. Pp. 313–321. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnz156>.

13. *Klok J., van Tilburg T. G., Suanet B., Fokkema T., Huisman M.* National and transnational belonging among Turkish and Moroccan older migrants in the Netherlands: protective against loneliness? European Journal of Ageing. 2017. Vol. 14. No. 4. Pp. 341–351. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10433-017-0420-9>.

14. *Snel E., Burgers J., Leerkes A.* Class Position of Immigrant Workers in a Post-Industrial Economy: The Dutch Case. Journal of Ethnic and Migration Studies. 2007. Vol. 33. No. 8. Pp. 1323–1342. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691830701614106>.

15. *Klokgieters S. S., van Tilburg T. G., Deeg D. J. H., Huisman M.* The Linkage Between Aging, Migration, and Resilience: Resilience in the Life of Older Turkish and Moroccan Immigrants. The Journals of Gerontology: Series B. 2019. Vol. 75. No. 5. Pp. 1113–1123. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbz024>.

16. *Garcia M. A., Reyes A. M., Downer B., Saenz J. L., Samper-Ternent R. A., Raji M.* Age of Migration and the Incidence of Cognitive Impairment: A Cohort Study of Elder Mexican-Americans. Innovation in Aging. 2017. Vol. 1. No. 3. Pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1093/geroni/igx037>.

17. *Holecki T., Rogalska A., Sobczyk K., Woźniak-Holecka J., Romaniuk P.* Global Elderly Migrations and Their Impact on Health Care Systems. Frontiers in Public Health. 2020. Vol. 8. Pp. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00386>.

18. *Zaiceva A.* The impact of aging on the scale of migration. IZA World of Labor. 2014. Vol. 99. 1 p. DOI: <https://doi.org/10.15185/izawol.99>.

19. *Pennington J.* Moving on: Migration trends in later life. London: Institute for Public Policy Research, 2013. 22 p.

20. *Pannell J., Aldridge H., Kenway P.* Market assessment of housing options for older people: A report for Shelter and the Joseph Rowntree Foundation. London: New Policy Institute, 2012. 90 p.

21. *World Bank; International Monetary Fund.* Global Monitoring Report 2015/2016: Development Goals in an Era of Demographic Change. Washington, DC: World Bank, 2016. 283 p. DOI: <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0669-8>.

22. *Плоских Е. В., Кудайкулова Ш. Х.* Особенности классической теории демографического перехода // Вестник кыргызско-российского славянского университета. 2014. Т. 14. № 6. С. 104–108.

23. *Римашевская Н. М., Доброхлеб В. Г., Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Демографический переход – специфика российской модели // Народонаселение. 2012. №1 (55). С. 23–31.

24. *Laslett P.* The Third Age, The Fourth Age and The Future. Ageing and Society. 1994. Vol. 14. No. 3. Pp. 436–447. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0144686x00001677>.

25. *Chevan A.* Holding On and Letting Go: Residential Mobility During Widowhood. Research on Aging. 1995. Vol. 17. No. 3. Pp. 278–302. DOI: <https://doi.org/10.1177/0164027595173003>.

26. *Milewski N., Loth A.* Residential Mobility in the Second Half of Life: The Role of Family-Related Transitions and Retirement / Aybek C., Huinink J., Mutarak R. (eds.) Spatial Mobility, Migration, and Living Arrangements. Berlin: Springer, 2015. Pp. 225–246. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-10021-0_11.

27. *Nielsen S. S., Krasnik A.* Poorer self-perceived health among migrants and ethnic minorities versus the majority population in Europe: a systematic review. *International Journal of Public Health*. 2010. Vol. 55. No. 5. Pp. 357–371. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00038-010-0145-4>.

28. *Гневашева В. А.* Современные особенности рынка труда: предпосылки государственного регулирования // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 6–1. С. 139–149. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2020.71.57.017>.

29. *Рязанцев С. В.* Новая депопуляция в России: новые вызовы и пути нейтрализации // Человек и его ценности в современном мире: материалы XI Международной научно-практической конференции, Чита, 23–28 сентября 2019 г. / Забайкальский гос. ун-т; [отв. ред. Эрдынеева К. Г.]. – Чита: ЗабГУ, 2019. С. 8–16.

30. *Kaneda T., Lee M., Pollard K.* SCL/PRB Index of Well-Being in Older Populations: Final Report. Global Aging and Monitoring Project. Washington: Population Reference Bureau, 2011. 57 p.

31. Концепция политики активного долголетия: научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 40 с. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2173-1>.

Сведения об авторах:

Ниорадзе Георгий Владимирович, аспирант Социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nioradzersuh@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-3127-5966; RSCI Author ID: 1117975; Web of Science Researcher ID: R-2958-2017.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 21-511-92001.

Статья поступила в редакцию 30.07.2021; принята в печать 01.10.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

INTERNATIONAL MIGRATION OF THE OLDER GENERATION: GLOBAL AND RUSSIAN TRENDS

Georgy V. Nioradze

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: nioradzersuh@gmail.com

For citation: Georgy V. Nioradze. International Migration of the Older Generation: Global and Russian Trends. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No 4. Pp. 43–58. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.4>.

Abstract. The subject of this research is the international migration of the elderly (global and Russian trends). This topic is of particular relevance due to the fact that the elderly people make up 17% of international migrants (2019). In addition, older migration is at the intersection of four demographic “megatrends” – population aging, migration, population growth and urbanization. In addition, the international emigration of elderly Russians is practically not studied in the domestic literature. The hypothesis of the study is the assumption of the aging of international migration flows in accordance with the trend of demographic aging. Research method – secondary data analysis. The main empirical base is the data of the UN and Rosstat. Global statistics show that while the number of older migrants has increased, the proportion of older people has not changed. Thus, the hypothesis was not confirmed, which gives grounds to draw the following conclusion: migration lags behind aging. This is due to the weak mobilization and adaptive potential of the older generation. Russian statistics make it possible to single out 4 thousand people over the working age who moved abroad in 2019 (not including the CIS countries). The most popular destinations are Germany, Georgia. In conclusion, it examines the risks (negative impact on the labor potential of the country, etc.) and opportunities (rejuvenation of the age structure, reduction in age discrimination) for Russia in the context of the emigration of the elderly population.

Analysis of the existing indices of active longevity showed the absence of migration as an indicator of activity, which significantly distorts this index. The direction of future research is to study the migration of Russian pensioners in the countries of Southeast Asia and China.

Keywords: migration, international migration, emigration, population aging, pensioners, older generation, emigration risks, active ageing index.

References

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. *World Population Ageing 2019: Highlights*. New York: United Nations, 2019. 38 p. ISBN: 978-92-1-148325-3. ST/ESA/SER.A/430.
2. Karachurina L. B., Ivanova K. A. Migration of the Elderly in Russia (According to 2010 Census Data). *Regional'nyye Issledovaniya*. 2017. No. 3 (57). Pp. 51–60. (In Russ.)
3. Gridasov G. N., Zakharova N. O., Baluyeva E. S. Comparative Analysis of the Migration Increase Dynamics of the Elderly Population Living in the Samara Region. *Advances in Gerontology*. 2011. Vol. 24. No. 4. Pp. 707–712. (In Russ.)
4. Efremov I. A. Vozrastnyye osobennosti migratsionnykh protsessov na Kraynem Severe Rossii [Age features of migration processes in the Far North of Russia]. *Demoscope Weekly*. 2014. No. 581–582. Pp. 54–62. (In Russ.)
5. Mkrtchyan N. V. Age Structure of Russia's Population and its Influence on Internal Migration. *Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific papers: Institute for Economic Forecasting RAS]. 2015. Vol. 13. Pp. 209–221. (In Russ.)
6. Greenwood M. J. Migration and Labor Market Opportunities / M. M. Fischer, P. Nijkamp (Eds.), *Handbook of Regional Science*. Berlin: Springer, 2013. Pp. 3–16. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-23430-9_5.
7. Litwak E., Longino C. F. Migration Patterns Among the Elderly: A Developmental Perspective. *The Gerontologist*. 1987. Vol. 27. No. 3. Pp. 266–272. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/27.3.266>.
8. Serow W. J. Demographic and Socioeconomic Aspects of Elderly Migration in the 1980s. *Journal of Aging & Social Policy*. 1996. Vol. 8. No. 1. Pp. 19–38. DOI: https://doi.org/10.1300/j031v08n01_04.
9. Baldassar L., Baldock C. V., Wilding R. *Families Caring Across Borders: Migration, Ageing and Transnational Caregiving*. London: Palgrave Macmillan, 2007. 259 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230626263>.
10. Zechner M. Care of Older Persons in Transnational Settings. *Journal of Aging Studies*. 2008. Vol. 22. No. 1. Pp. 32–44. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2007.02.002>.
11. Wilding R., Baldassar L. Ageing, Migration and New Media: The Significance of Transnational Care. *Journal of Sociology*. 2018. Vol. 54. No. 2. Pp. 226–235. URL: <https://doi.org/10.1177/1440783318766168>.
12. Baldassar L., Wilding R. Migration, Aging, and Digital Kinning: The Role of Distant Care Support Networks in Experiences of Aging Well. *The Gerontologist*. 2019. Vol. 60. No. 2. Pp. 313–321. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnz156>.
13. Klok J., van Tilburg T. G., Suanet B., Fokkema T., Huisman M. National and Transnational Belonging among Turkish and Moroccan Older Migrants in the Netherlands: Protective against Loneliness? *European Journal of Ageing*. 2017. Vol. 14. No. 4. Pp. 341–351. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10433-017-0420-9>.
14. Snel E., Burgers J., Leerkes A. Class Position of Immigrant Workers in a Post-Industrial Economy: The Dutch Case. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2007. Vol. 33. No. 8. Pp. 1323–1342. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691830701614106>.
15. Klokgieters S. S., van Tilburg T. G., Deeg D. J. H., Huisman M. The Linkage Between Aging, Migration, and Resilience: Resilience in the Life of Older Turkish and Moroccan Immigrants. *The Journals of Gerontology: Series B*. 2019. Vol. 75. No. 5. Pp. 1113–1123. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbz024>.
16. Garcia M. A., Reyes A. M., Downer B., Saenz J. L., Samper-Ternent R. A., Raji M. Age of Migration, and the Incidence of Cognitive Impairment: A Cohort Study of Elder Mexican Americans. *Innovation in Aging*. 2017. Vol. 1. No. 3. Pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1093/geroni/igx037>.
17. Holecki T., Rogalska A., Sobczyk K., Woźniak-Holecka J., Romaniuk P. Global Elderly Migrations and Their Impact on Health Care Systems. *Frontiers in Public Health*. 2020. Vol. 8. Pp. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00386>.
18. Zaiceva A. The Impact of Aging on the Scale of Migration. *IZA World of Labor*. 2014. Vol. 99. 1 p.

DOI: <https://doi.org/10.15185/izawol.99>.

19. Pennington J. *Moving on: Migration Trends in Later Life*. London: Institute for Public Policy Research, 2013. 22 p.

20. Pannell J., Aldridge H., Kenway P. *Market Assessment of Housing Options for Older People: A report for Shelter and the Joseph Rowntree Foundation*. London: New Policy Institute, 2012. 90 p.

21. World Bank; International Monetary Fund. *Global Monitoring Report 2015/2016: Development Goals in an Era of Demographic Change*. Washington, DC: World Bank, 2016. 283 p. DOI: <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0669-8>.

22. Ploskikh E. V., Kudaykulova Sh. Kh. Peculiarities of Classical Demographic Transition Theory. *Vestnik KRSU*. 2014. Vol. 14. No. 6. Pp. 104–108. (In Russ.)

23. Rimashevskaya N. M., Dobrokhleb V. G., Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Demographic Transition – Specific Character of the Russian Model. *Narodonaselenie (Population)*. 2012. No. 1 (55). Pp. 23–31. (In Russ.)

24. Laslett P. The Third Age, The Fourth Age and The Future. *Ageing and Society*. 1994. Vol. 14. No. 3. Pp. 436–447. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0144686x00001677>.

25. Chevan A. Holding On and Letting Go: Residential Mobility During Widowhood. *Research on Aging*. 1995. Vol. 17. No. 3. Pp. 278–302. DOI: <https://doi.org/10.1177/0164027595173003>.

26. Milewski N., Loth A. Residential Mobility in the Second Half of Life: The Role of Family-Related Transitions and Retirement / Aybek C., Huinink J., Muttarak R. (eds.) *Spatial Mobility, Migration, and Living Arrangements*. Berlin: Springer, 2015. Pp. 225–246. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-10021-0_11.

27. Nielsen S. S., Krasnik A. Poorer Self-Perceived Health among Migrants and Ethnic Minorities Versus the Majority Population in Europe: A Systematic Review. *International Journal of Public Health*. 2010. Vol. 55. No. 5. Pp. 357–371. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00038-010-0145-4>.

28. Gnevasheva V. A. Modern Features of the Labor Market: Prerequisites for State Regulation. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2020. Vol. 10. No. 6–1. Pp. 139–149. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2020.71.57.017>. (In Russ.)

29. Ryazantsev S. V. New Depopulation in Russia: New Challenges and Ways to Neutralize. *Chelovek i yego tsennosti v sovremennoy mire* [People and their values in the modern world]: Materials of the XI International Scientific and Practical Conference, Chita, 23–28 September 2019 / Transbaikal State University; [ex. ed. Erdineeva K. G.]. Chita: ZabGU, 2019. Pp. 8–16. (In Russ.)

30. Kaneda T., Lee M., Pollard K. *SCL/PRB Index of Well-Being in Older Populations: Final Report*. Global Aging and Monitoring Project. Washington: Population Reference Bureau, 2011. 57 p.

31. *Kontseptsiya politiki aktivnogo dolgoletiya* [The concept of the policy of active aging]: Scientific and methodological report to the XXI April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development, Moscow, 2020 / L. N. Ovcharova, M. A. Morozova, O. V. Sinyavskaya (eds.); National Research University Higher School of Economics. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. 40 p. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2173-1>. (In Russ.)

Bio note:

Georgy V. Nioradze, Postgraduate Student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nioradzersuh@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-3127-5966; RSCI Author ID: 1117975; Web of Science Researcher ID: R-2958-2017.

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Vietnam Academy of Social Sciences according to the research project No. 21-511-92001.

Received on 30.07.2021; accepted for publication on 01.10.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ ГЛАЗАМИ РОССИЯН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ростовская Т. К.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru*

Кучмаева О. В.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: kuchmaeva@yandex.ru*

Золотарева О. А.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: OAMahova@yandex.ru*

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.5>.

Для цитирования: Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Ценность семьи глазами россиян: социологический анализ // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 59–71. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.5>.

Аннотация. Усилившаяся во время пандемии депопуляция обостряет внимание к вопросам семейно-демографической политики. Приоритетным становится благополучие семей и рост в этих семьях ожидаемого числа детей. В этой связи интересной представляется оценка глазами самих семей детерминант их благополучия в психологическом и социально-экономическом аспектах. Приведенный анализ значимости ценностей и ключевых аспектов жизнедеятельности россиян, условий жизни российских семей базируется на данных Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в 2020 г. Исследование позволило охарактеризовать жизненные приоритеты, существующие социальные и материальные проблемы семей в разрезе регионов, что дает основание для выработки мер в области поддержки семей с учетом территориальных особенностей и определенно говорит о практической значимости представленных результатов. Особое внимание в статье отводится оценке межпоколенных взаимоотношений, что существенно дополняет данные, характеризующие положение российских семей, представляемые Росстатом и рядом других социологических опросов. Результаты исследования показали существенную зависимость семейного благополучия от сохранения духовно-нравственных традиций в семейных отношениях, наличия межпоколенческих связей, способности поколения родителей оказывать помощь и поддержку в воспитании детей своих уже взрослых детей. В этом контексте отмечается недостаточность внимания государства как ведущего социального актора в обществе, на которого возложены заботы по формированию и развитию института благополучной российской семьи, к вопросам становления и укрепления семьи как фундаментальной основы российского общества, создания образов-идеалов семьи, основанных на традиционных ценностях и принимающих межпоколенную иерархию и солидарность, повышения авторитета родительства в семье и обществе.

Ключевые слова: семья, семейные традиции, межпоколенные взаимоотношения, благополучие семьи, условия жизни семьи.

Введение

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной 2 июля 2021 г. Указом Президента РФ¹, приоритетным национальным интересом

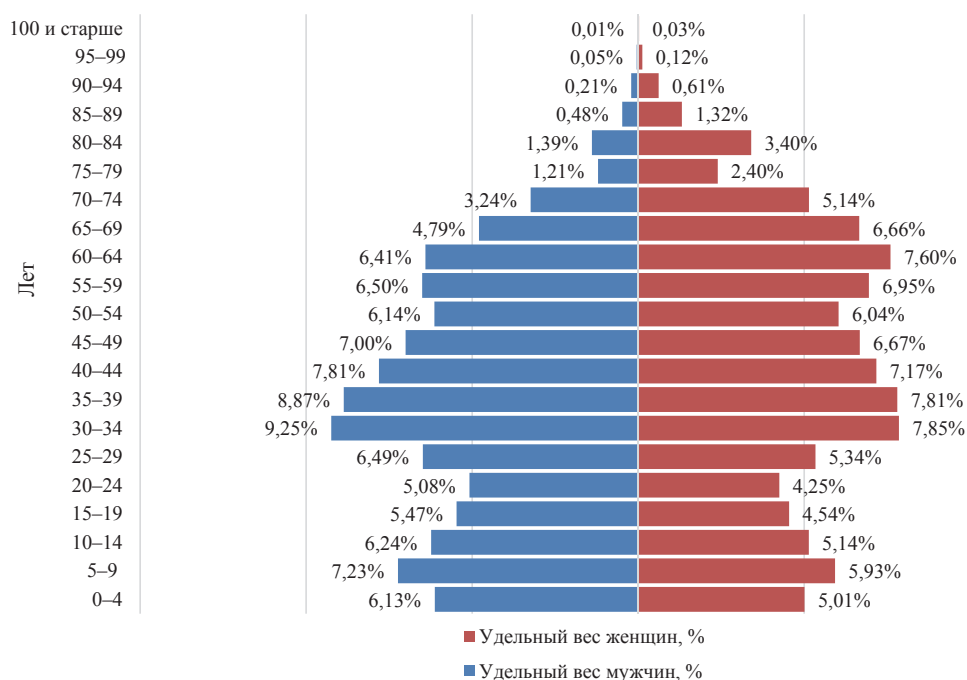
¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 12.09.2021).

страны (первым из перечисленных) является «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала». Достижение указанной национальной цели основано на реализации ряда задач, среди которых «повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности».

Рост рождаемости в качестве целевого показателя обозначен в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.²

Среди перечня показателей мониторинга и контроля реализации прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период³, на котором основывается система стратегического управления государством, также приведен индикатор – суммарный коэффициент рождаемости.

Указанное дает основание полагать, что главной целевой установкой нашей страны на перспективу, бесспорно, можно назвать подъем рождаемости. Обеспечить достижение указанной цели в обозримом будущем довольно сложно с учетом имеющейся демографической конъюнктуры российского общества. Основным препятствием является сложившаяся регрессивная возрастная структура населения (рис. 1).

Рис. 1. Половозрастная пирамида населения России на 1 января 2021 г., %
Fig. 1. Russian population pyramid as of January 1, 2021, %

Перспективы изменения рождаемости, прежде всего, зависят от количества женщин в фертильном возрасте. В основной фертильный возраст (20–39 лет) в ближайшие 20 лет будет вступать менее малочисленная когорта женщин, чем выходит

² Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 // Президент России [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 12.09.2021).

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 11.11.2015 г. № 1218 // Правительство России [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/104147/> (дата обращения: 12.09.2021).

из этого возраста. Меньшее число женщин при сложившемся суженном уровне воспроизводства не смогут родить большее число детей, чем их предшественницы.

Прогнозы Росстата⁴, учитывающие вероятность дожития и миграционный прирост, распределенные по возрастам, также не выглядят утешительными (при этом указаны средний и высокий варианты, без низкого).

Таблица 1.

Численность женщин (20–39 лет) в основном фертильном возрасте на 1 января 2021 г. и по прогнозу в 2025 г. и 2030 г. (на начало года), человек

Table 1.

The number of women (aged 20–39) in the main fertile age as of 1 January 2021 and projected for 2025 and 2030 (as of the beginning of the year), people

Возраст, лет	2021 г.	2025 г.		2030 г.	
		Средний вариант прогноза	Высокий вариант прогноза	Средний вариант прогноза	Высокий вариант прогноза
20–24	3 330 428	3 554 542	3 570 563	4 025 070	4 047 744
25–29	4 181 565	3 465 775	3 481 479	3 658 589	3 697 012
30–34	6 152 080	4 675 498	4 690 953	3 572 744	3 599 228
35–39	6 114 514	6 293 265	6 330 589	4 742 709	4 773 870
Итого	19 778 587	17 989 080	18 073 584	15 999 112	16 117 854

Как видно по высокому варианту прогноза, число женщин в основном фертильном возрасте предположительно сократится к 2025 г. на 8,62 %, к 2030 г. на 18,51% от численности на начало 2021 г.

На возраст 25–29 лет приходилось самое большое число детей, родившихся на 1000 женщин. В возрасте 25–29 лет тысяча женщин родила от 85 (в 29 лет) до 99 (в 25 лет зафиксирован максимальный уровень возрастного коэффициента рождаемости в 2020 г.) детей. К 2025 г. число женщин возраста 25–29 лет сократится на 700 тысяч человек или на 16,74% (по высокому варианту прогноза).

Уровень рождаемости в возрастах 20–24 года и 30–34 года примерно на 20% ниже, чем в возрасте 25–29 лет, в возрасте 35–39 лет существенно ниже (примерно в 3 раза).

Следует отметить, что средний возраст матери в последние годы возрастал. В 2010 г. он составлял 27,7 лет, в 2020 г. – 28,76 года. На это влияла тенденция «откладывания рождения ребенка», за указанный период рождаемость в возрасте 20–24 года уменьшилась, а рождаемость в возрасте 30–34 года возросла.

Приведенные факты и прогнозы однозначно говорят о том, что в ближайшие 5 лет при неизменном уровне воспроизводства в России будет наблюдаться дальнейшее сокращение общего коэффициента рождаемости, темпы уменьшения его значений замедлятся или начнут стагнировать через 7–10 лет. Напомним, что сокращение общего коэффициента рождаемости после периода его, можно сказать, пятнадцатилетнего роста (оговорка указана в связи с тем, что в ряде лет наблюдалась стагнация или незначительное уменьшение показателя), фиксируется с 2016 г.: в 2016 г. коэффициент составлял 12,9‰ (против 13,3‰ в 2015 г.); в 2017 г. – 11,5‰; в 2018 г. – 10,9‰; в 2019 г. – 10,1‰; 2020 г. – 9,8‰.

⁴ Демографический прогноз до 2035 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.08.2021).

Повлиять на уровень воспроизводства населения, а точнее на рост деторождений, приходящихся на одну женщину фертильного возраста, можно только активными грамотными мерами в рамках проводимой семейной и социально-демографической государственной политики, направленной на достижение семейного благополучия.

Отметим, что суммарный коэффициент рождаемости за последние двадцать лет достиг своего максимума в 2015 г., когда был равен 1,777 ребенка на одну женщину. В 2020 г. его значение составляет 1,505.

Категория «благополучная семья» и метод социологического исследования

В Концепции государственной политики в отношении молодой семьи утверждена модель благополучной молодой семьи, характеризующаяся такими параметрами, как наличие двух родителей и детей, экономическая самостоятельность, устойчивость психологического климата, возможность выполнения основных социальных функций⁵. В. В. Путин на заседании Президиума Госсовета, посвященном политике в области семьи, материнства и детства, прошедшем 17 февраля 2014 г., акцентировал внимание на необходимости «создания условий для роста рождаемости, охраны материнства и детства, укрепления института семьи», указывая, что это «приоритетные социальные задачи в России»⁶. Выполнение этих задач основано, прежде всего, на достижении высокого уровня семейного благополучия в российском обществе. С учетом вышесказанного во введении статьи, данный вопрос не только не теряет актуальности на сегодня, но и приобретает еще большую значимость.

В современном мире проблема эмпирического исследования развития института семьи, как устойчивой формы организации взаимодействия между людьми, которая сохраняется и воспроизводится в общественной жизни, остается одной из основных проблем общества. Институт семьи исследуется с разных точек зрения, но на основе отдельных теорий, таких как: философия, социология, демография, психология, право и ряд других. Несмотря на разные теоретико-методологические подходы, а также разные мировоззренческие позиции, отраженные в трудах ведущих ученых А. И. Антонова [1]; Т. С. Борисовой и М. М. Плоткина [2]; Е. Н. Васильевой, Т. К. Ростовской и А. Сулейманлы [3]; С. И. Голода [4]; С. А. Ильиных и Е. С. Логиновой [5]; Н. В. Печерской [6] и др., на наш взгляд, не представляется возможным полно и достоверно охарактеризовать трансформации моделей и ценностей семьи, определить границы семейного благополучия.

С этой целью необходим комплексный подход к анализу описываемой сферы с применением широкого методологического инструментария, включающего в себя методы сравнительного анализа, сопоставления, соответствия, контекстного анализа текстов документов, социологического исследования (выборочного статистического наблюдения), а также методы дескриптивной статистики.

В 2019–2020 гг. в рамках деятельности научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» Отделения общественных наук Российской академии наук инициативно была проведена работа по разработке методологии Всероссийского мониторинга демографического поведения населения, поддержанная Российским

⁵ Концепция государственной политики в отношении молодой семьи // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902060617?marker=6540IN> (дата обращения: 05.08.2021).

⁶ Заседание президиума Госсовета, посвященное политике в области семьи, материнства и детства // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20265> (дата обращения: 05.08.2021).

научным фондом. Результатом данной работы явилось проведенное Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие регионов»⁷, охватившее следующие субъекты Российской Федерации: г. Москва, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Вологодская область, Волгоградская область, Ивановская область, Ленинградская область, Московская область, Нижегородская область, Свердловская область.

В опросе реализована многоступенчатая типологическая выборка, где на первом этапе отобраны территории для проведения опроса и типы поселений (городские и сельские населенные пункты). Общий объем выборочной совокупности составил 5616 человек. Соотношение мужчин и женщин составляет 1:1, что соответствует генеральной совокупности для населения фертильного возраста. Поселенческий разрез соблюден, в выборке 80% составляет городское население, 20% – сельское. Молодежи до 30 лет – 39%, от 30 до 40 лет – 34%, от 40 до 49 лет – 27%. Указанное говорит о репрезентативности выборки и возможности анализа на основе ее данных детерминант семейного благополучия.

Результаты исследования в контексте анализа детерминант семейного благополучия

Система жизненных целей россиян отражает их ценности и ключевые аспекты жизнедеятельности, от благополучия которых зависит удовлетворенность жизнью и ощущение счастья. Для определения системы жизненных приоритетов и системы ценностей использована оценка значимости набора целей, отражающих ключевые сферы жизнедеятельности.

Самая важная жизненная цель россиян 4,7 балла по 5-балльной шкале – иметь хорошее здоровье. Вторую позицию разделили хорошее жилье и материальное благополучие семьи (4,6 балла). По 4,5 балла у долгой жизни, наличия близкого человека и возможности дать хорошее образование детям.

Характеризуя условия жизни российской семьи, необходимо отметить, что в целом россияне дают позитивную оценку – 7 баллов по 10-балльной шкале (табл. 2). Самые высокие оценки получила психологическая атмосфера в семье (7,5 баллов), затем обеспеченность предметами длительного пользования (7,3 балла), а также питание и обеспеченность одеждой и обувью (по 7,2 балла). Немного отстает (7,1 балла) оценка жилищных условий; хуже всего оцениваются финансовое положение и уровень организации досуга (6,3 и 6,5 балла соответственно). Выше, чем в других регионах финансовое положение семьи оценили москвичи (6,9 балла), хуже – жители Нижегородской области (5,5 балла). Волгоградцы выше оценили жилищные условия, москвичи и жители Московской области – обеспеченность одеждой и обувью, питание и досуг.

О том, насколько значимы те или иные проблемы для семей, можно судить по ответам респондентов на соответствующий вопрос. Шкала была 5-балльной. Поэтому значения больше 2,5 свидетельствуют о значимости проблемы. Выше 2,5 баллов оценены 5 проблем: нехватка денег, постоянные материальные проблемы (2,9 балла), недостаток свободного времени (2,9 балла), усталость, переутомление (2,8 балла),

⁷ Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие России», проведенное в конце 2019 – начале 2020 гг. в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северо-Кавказском, Южном федеральных округах. N=5616 представители различных поколений в возрасте от 18 до 50 лет. Рук. – д. соц. н., проф. Т. К. Ростовская.

опасение потерять работу (2,7 балла), плохое здоровье и сложности медицинского обслуживания членов семьи (2,6 балла) (см. табл. 3).

Таблица 2.

Оцените по 10-балльной шкале условия жизни Вашей семьи. Приведены средние баллы по шкале от 1 до 10 (1 – очень плохо, а 10 – очень хорошо)

Table 2.

Rate the living conditions of your family on a 10-point scale. Average scores on a scale of 1 to 10 (1 is very poor and 10 is very good)

Вариант ответа	Ивановская область	Московская область	г. Москва	Вологодская область	Волгоградская область	Ставропольский край	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Нижегородская область	Свердловская область	Среднее по опросу
Психологическая атмосфера семьи	6,6	8,0	7,8	7,4	7,7	7,4	7,6	7,7	7,1	7,3	7,5
Обеспеченность предметами длительного пользования	6,6	7,8	8,0	7,0	7,6	7,1	7,4	7,5	6,6	6,8	7,3
Питание	6,5	7,9	7,9	6,8	7,7	6,9	7,5	7,5	6,4	6,7	7,2
Обеспеченность одеждой и обувью	6,2	8,0	8,0	6,9	7,7	7,0	7,4	7,5	6,4	6,6	7,2
Жилищные условия	6,8	7,3	7,5	6,8	7,6	7,1	7,4	7,3	6,5	6,6	7,1
Уровень организации отдыха, проведения свободного времени членами семьи	5,7	6,9	7,0	6,7	6,7	6,3	6,7	6,6	5,8	6,0	6,5
Финансовое положение	5,6	6,6	6,9	6,2	6,6	6,0	6,7	6,4	5,5	5,9	6,3
Условия жизни Вашей семьи в целом	6,6	7,3	7,4	6,8	7,3	6,9	7,2	7,1	6,2	6,6	7,0

Семья для россиян – символ и воплощение единства, общность, способная совместными усилиями преодолевать трудности и реализовывать свои жизненные планы. С суждениями, репрезентирующими данную позицию, опрошенные согласны на 8,4, 8,0 и 7,7 балла по 10-балльной шкале. Менее позитивно обстоят дела с проведением досуга (6,8 балла) и еще хуже – с уверенностью в завтрашнем дне (6,7 балла).

Как видно, вопрос благополучия семьи во многом зависит от взаимоотношений, психологического климата. Сплоченность выше с детьми (4,4–4,6 балла из 5 баллов), причем степень сплоченности растет вместе с числом детей. Отношения с супругом (супругой) россияне оценили на 4,3 балла по 5-балльной шкале. Отношения с родителями супруга (супруги) – на 3,8 балла.

У 22% россиян есть дети, проживающие отдельно, которые преимущественно помогают родителям. Формы помощи чаще всего нефинансового характера (хотя и такие варианты тоже не редки – 21%). Дети помогают советами (56%), по хозяйству и на даче (50%), ухаживают во время болезни (33%), покупают продукты и вещи, оплачивают жилье (19, 14 и 10% соответственно). Причем последние три позиции не обязательно осуществляются за счет детей, это может быть помощь, собственно, в совершении действий.

Таблица 3.

Приходилось ли Вам и Вашей семье сталкиваться со следующими проблемами? Приведены средние баллы по шкале от 1 до 5 («1» означает, что проблема не имеет практически никакого значения, а «5» – имеет очень большое значение)

Table 3.

Have you and your family ever faced the following problems? Average scores on a scale from 1 to 5 (“1” means that the problem is almost irrelevant, “5” means that it is very important)

Вариант ответа	Ивановская область	Московская область	г. Москва	Вологодская область	Волгоградская область	Ставропольский край	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Нижегородская область	Свердловская область	Среднее по опросу
Нехватка денег, постоянные материальные проблемы	2,7	2,5	2,5	3,1	2,8	3,0	2,8	3,0	3,0	3,1	2,9
Недостаток свободного времени	2,9	2,8	2,8	2,8	2,8	3,1	2,6	2,9	3,1	3,0	2,9
Усталость, переутомление	3,1	2,8	2,9	2,8	2,8	2,9	2,6	2,8	2,8	3,1	2,8
Опасение потерять работу	2,5	2,9	2,6	2,7	2,6	2,8	2,4	2,7	2,6	2,8	2,7
Плохое здоровье и сложности медицинского обслуживания членов семьи	2,2	2,6	2,6	2,5	2,5	2,7	2,5	2,5	2,5	2,7	2,6
Плохая экология по месту жительства	2,0	2,6	2,5	2,6	2,5	2,5	2,4	2,4	2,3	2,8	2,5
Сложности в организации быта, ведении домашнего хозяйства	2,3	2,3	2,3	2,6	2,3	2,7	2,6	2,5	2,5	2,4	2,4
Плохие жилищные условия	1,8	2,3	2,3	2,5	2,3	2,6	2,4	2,4	2,4	2,4	2,4
Безысходность, отсутствие перспектив в жизни	2,2	2,5	2,3	2,5	2,4	2,8	2,3	2,5	2,5	2,4	2,4
Негативная социальная атмосфера (хамство, хулиганство, пьянство, преступность, наркомания)	2,1	2,3	2,4	2,3	2,5	2,5	2,3	2,4	2,2	2,4	2,4
Проблемы с лекарствами	1,9	2,0	2,0	2,3	2,3	2,6	2,3	2,3	2,4	2,3	2,3
Проблемы с организацией отдыха детей	1,6	2,3	2,1	2,1	2,2	2,6	2,3	2,4	2,2	2,4	2,3
Плохое обустройство микрорайона (недостаток магазинов, учреждений бытового обслуживания и пр.)	1,7	2,3	2,4	2,3	2,4	2,5	2,4	2,3	2,4	2,2	2,3
Сложности с устройством ребенка в детский сад, ясли	1,5	1,9	1,8	2,0	2,0	2,5	2,2	2,3	1,9	2,2	2,1
Трудности в приобщении ребенка к спорту, музыке, живописи, другим развивающим видам деятельности	2,0	1,9	1,9	2,0	2,2	2,4	2,4	2,2	2,0	2,3	2,1
Конфликтные отношения с супругом (супругой)	1,9	2,1	1,9	2,2	2,1	2,3	2,1	2,1	1,8	2,0	2,1
Проблемы с образованием детей	1,8	2,2	2,1	2,1	2,1	2,6	2,2	2,3	1,9	2,1	2,1
Конфликтные отношения с детьми	2,0	1,9	1,9	2,0	2,0	2,2	2,0	2,0	1,7	1,9	2,0
Конфликтные отношения с родителями	2,5	2,0	2,0	2,0	2,1	2,3	2,0	2,0	1,7	1,7	2,0
Необходимость ухода за больными родственниками (инвалидами, стариками и т. п.)	1,7	2,2	2,2	1,8	1,9	2,4	2,0	2,0	1,7	1,8	2,0
Пьянство кого-либо из членов семьи	2,2	1,8	1,7	1,9	1,9	2,0	1,9	2,0	1,5	1,7	1,9
Употребление наркотиков кем-то из членов семьи	1,5	1,7	1,5	1,6	1,7	2,1	1,7	1,8	1,4	1,5	1,6

Трансферты от родителей к детям распространены чаще, и в этих потоках преобладают советы (67%) и финансы (66%, табл. 4). Треть родителей помогают продуктами и в воспитании внуков, покупают вещи, 20% оплачивают жилье. В региональном разрезе на общем фоне выделяются ответы жителей Республики Башкортостан: анализ потока родители-дети свидетельствует о распространенности практики содержания родителей детьми.

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос «Как Вы помогаете своим детям, живущим отдельно?», в % от тех, у кого есть проживающие отдельно совершеннолетние дети

Table 4.

Distribution of answers to the question “How do you help your children living separately?”, as % of those who have adult children living separately

Вариант ответа	Ивановская область	Московская область	г. Москва	Вологодская область	Волгоградская область	Ставропольский край	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Нижегородская область	Свердловская область	Среднее по опросу
Помогаю советами	100,0	67,0	68,1	76,7	68,4	69,1	63,8	62,8	50,0	62,3	66,7
Оказываю денежную помощь	100,0	52,7	60,9	76,7	83,5	61,8	66,7	44,2	65,0	64,9	66,2
Помогаю в обеспечении продуктами	100,0	14,3	26,1	26,7	44,3	48,5	37,7	18,6	30,0	33,8	33,3
Помогаю в воспитании (в т. ч. внуков)	0,0	51,6	40,6	19,8	24,1	26,5	27,5	23,3	50,0	19,5	31,1
Покупаю вещи	100,0	23,1	34,8	27,9	36,7	35,3	29,0	25,6	15,0	32,5	31,0
Оплачиваю жилье	0,0	16,5	21,7	14,0	40,5	23,5	17,4	16,3	10,0	28,6	20,3
Ухаживаю во время болезни	0,0	17,6	21,7	16,3	17,7	14,7	21,7	18,6	10,0	10,4	15,8
Помогаю по хозяйству, на садовом (дачном) участке	100,0	30,8	27,5	9,3	7,6	7,4	5,8	2,3	0,0	3,9	14,0
В помощи нет необходимости	0,0	15,4	13,0	2,3	1,3	2,9	7,2	9,3	10,0	9,1	7,6
Не помогаю	0,0	17,6	13,0	0,0	2,5	1,5	7,2	2,3	0,0	1,3	5,1
Затрудняюсь ответить	0,0	0,0	0,0	0,0	1,3	4,4	4,3	0,0	0,0	1,3	1,2
Как-то еще	0,0	0,0	0,0	1,2	1,3	0,0	0,0	2,3	0,0	1,3	0,6

Такой маркер психологического климата семьи как позитивные эмоции от взаимодействия свидетельствует о том, что 41% россиян с удовольствием видятся с родственниками. В Вологодской области так ответили 46%, как и в Республике Татарстан. С ограничением частоты еще 30% с удовольствием встречаются с родственниками, избирательно по персонам – 20%. Только 9% отметили, что испытывают негативные эмоции от встреч или не встречаются совсем.

При оценке роли родителей в своей семье россияне чаще всего признают их наставническую функцию (48%) и материальную поддержку (42%), помощь в воспитании детей (32%), помощь в обеспечении продуктами (27%, табл. 5).

Наличие семейных традиций, особых ритуалов, действий, памятных событий, понятных и значимых только для членов семьи – один из маркеров крепкой сплоченной семьи. При ответе на прямой вопрос о традициях только 30% россиян уверенно

сказали, что в их семье они есть, 41% ответили, что их нет, а 29% затруднились с ответом.

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос «Какую роль играют (или играли) Ваши родители в Вашей семейной жизни?», в % от числа опрошенных

Table 5.

Distribution of answers to the question “What role do/did your parents play in your family life?”, as % of the number of respondents

Вариант ответа	Ивановская область	Московская область	г. Москва	Вологодская область	Волгоградская область	Ставропольский край	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Нижегородская область	Свердловская область	Среднее по опросу
Дают мудрые советы	35,1	47,2	44,1	53,6	57,4	46,9	49,2	49,6	43,8	48,5	48,2
Оказывают денежную помощь	37,0	45,2	46,1	36,7	46,4	41,7	38,9	39,7	45,3	36,0	41,5
Помогают в воспитании детей	22,1	26,4	21,6	38,6	28,5	38,3	36,4	33,6	37,5	37,2	32,4
Помогают в обеспечении продуктами	29,2	25,2	25,9	22,4	28,5	32,5	34,4	26,6	21,1	20,5	26,6
Покупают вещи	22,7	22,3	25,6	17,4	16,8	18,2	20,7	15,1	15,6	14,5	18,8
Ухаживают во время болезни	14,3	21,1	18,5	12,1	16,0	14,2	18,7	16,0	13,3	11,6	15,7
Помогают по хозяйству, на садовом (дачном) участке	13,6	13,4	13,4	13,2	17,0	15,2	17,2	14,9	17,2	19,7	15,6
Мы сами оказываем им материальную помощь	6,5	18,0	16,1	15,5	18,8	14,9	15,2	14,2	10,2	17,6	15,2
Оплачивают жилье	13,0	16,7	24,8	10,3	15,0	15,8	12,4	11,2	14,1	7,1	14,2
Родители уже умерли	7,1	9,2	8,5	7,1	4,5	6,1	8,6	3,8	10,9	6,3	7,2
Никакой помощи от родителей не получаем (одни проблемы)	13,6	7,0	5,0	4,4	3,2	3,6	3,0	2,2	5,5	2,9	4,6
Живем далеко, почти не общаемся	0,0	6,6	6,9	4,6	5,2	2,8	3,5	2,2	4,7	5,5	4,4
Другое	1,0	1,1	0,6	1,1	2,6	2,5	2,3	2,0	1,6	1,9	1,7

Лидер по наличию семейных традиций – Республика Татарстан (38%), а вот максимум ответивших, что их нет, – в Республике Башкортостан (50%).

При этом больше половины россиян интересовались историей своей семьи, больше других – 67% – жители Московской и Ивановской областей, меньше – волгоградцы (36% не пытались ничего узнать о предках).

Как было представлено выше, россияне высоко оценивают взаимоотношения с детьми. Однако 55% отмечают, что уделяют детям меньше времени, чем хотелось бы. Вероятно, речь идет о больших временных затратах на детей по сравнению с тем временем, которое тратили родители на воспитание их самих. Заметно выделяется Волгоградская область – в регионе 44% ответивших полагают, что занимаются с детьми столько, сколько нужно. Родители из Москвы и Свердловской области чаще сетуют на недостаточность времени, затрачиваемого на детей.

Значимыми причинами недостатка времени, уделяемого детям, являются переработки, сверхзанятость (3,8 балла по 5-балльной шкале) и загруженность домашними делами (3,1 балла, табл. 6).

Таблица 6.

Причины недостатка времени, уделяемого родителями своим несовершеннолетним детям. Приведены средние баллы значимости каждой из причин по шкале от 1 (не имеет практически никакого значения) до 5 (очень большое значение)⁸

Table 6.

Reasons for the lack of time parents devote to their minor children. Average scores for the significance of the reasons on a scale from 1 (practically irrelevant) to 5 (very important)

Вариант ответа	Ивановская область	Московская область	г. Москва	Вологодская область	Волгоградская область	Ставропольский край	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Нижегородская область	Свердловская область	Среднее по опросу
Переработки, сверхзанятость	3,7	3,7	3,6	3,7	3,9	4,1	3,9	4,0	3,4	4,0	3,8
Загруженность домашними делами	2,5	3,1	2,7	2,9	2,9	3,6	3,4	3,2	3,3	3,0	3,1
Плохое здоровье	1,7	1,7	1,4	1,4	1,6	2,3	1,6	1,6	1,7	1,7	1,7
Отсутствие желания	1,5	1,5	1,5	1,4	1,2	1,5	1,5	1,6	1,5	1,6	1,5
Уход за другими членами семьи	1,0	1,7	1,8	1,3	1,4	1,7	1,5	1,4	1,3	1,4	1,5
Нежелание детей общаться	2,4	1,5	1,4	1,3	1,6	1,7	1,4	1,3	1,4	1,3	1,5
Учеба	1,0	1,8	1,5	1,2	1,3	2,0	1,5	1,3	1,3	1,5	1,4

О наличии частых скандалов в семье сообщили только 3% россиян, о том, что ссоры бывают «время от времени» – 13%, редко – 34%, были ссоры, но теперь нет – 8% и 41% говорят, что практически не бывает крупных скандалов в семье.

По мнению россиян, ссоры и конфликты обусловлены большей частью непониманием друг друга (55%), 21% к числу причин конфликтов относят нарушения этики взаимоотношений, 17% – отказ участвовать в семейных делах и заботах, 14% – разногласия в воспитании детей, алкоголь – 9%.

В целом россияне позитивно оценивают отношения в своей семье, однако не отрицают наличие проблем личностного общения, которые требуют профессиональной помощи. В плане профилактики разводов, проблем детско-родительских отношений будет целесообразным развивать профессиональную психолого-педаго-

⁸ * Формулировка вопроса: «Если Вы уделяете времени детям меньше, чем Вы считаете нужным, то в какой степени это связано со следующими причинами?» (отметьте, пожалуйста, по каждой строке, имея в виду, что «1» означает, что эта причина не имеет практически никакого значения, а «5» – имеет очень большое значение, «0» – затрудняюсь ответить). Расчет в % от тех, кто уделяет своим несовершеннолетним детям времени меньше, чем хотелось бы, без учета затруднившихся ответить.

гическую службу для оказания своевременной помощи в выстраивании отношений в семье.

Заключение

Благополучие каждой семьи является приоритетным фактором увеличения детности в семьях. Результаты проведенного исследования позволили получить данные, характеризующие глазами самой семьи ценность семейного образа жизни, значимость сохранения духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, важность семьи как союза, оказывающего взаимопомощь, поддержку (в том числе материальную).

Семья для преимущественного большинства опрошенных россиян служит символом единой общности, способной консолидированными усилиями преодолевать трудности и воплощать свои жизненные планы. С суждениями, репрезентирующими данную позицию, опрошенные согласны на 8,4, 8,0 и 7,7 балла по 10-балльной шкале.

Наличие семейных традиций, особых ритуалов, действий, памятных событий, понятных и значимых только для членов семьи – один из маркеров крепкой сплоченной семьи. При ответе на прямой вопрос о традициях только 30% россиян уверенно сказали, что в их семье они есть, 41% ответили, что их нет, а 29% затруднились с ответом.

У 22% россиян есть дети, проживающие отдельно, которые в той или иной форме помогают родителям. Формы помощи чаще всего нефинансового характера (хотя и такие варианты тоже не редки – 21%). Дети помогают советами (56%), по хозяйству и на даче (50%), ухаживают во время болезни (33%), покупают продукты и вещи, оплачивают жилье (19, 14 и 10% соответственно). Причем последние три позиции не обязательно осуществляются за счет детей, это может быть помощь, собственно, в совершении действий.

Трансферты от родителей к детям распространены чаще, и в этих потоках преобладают советы (67%) и финансы (66%). Треть родителей помогают продуктами и в воспитании внуков, покупают вещи, 20% оплачивают жилье. В региональном разрезе на общем фоне выделяются ответы жителей Республики Башкортостан: анализ потока родители-дети свидетельствует о распространенности практики содержания родителями детьми. При оценке роли родителей в своей семье россияне чаще всего признают их наставническую функцию (48%) и материальную поддержку (42%), помощь в воспитании детей (32%), помощь в обеспечении продуктами (27%).

В среднем портрет счастливой семьи складывается из следующих черт: доверяющие друг другу супруги, достигшие взаимопонимания и объединенные общими интересами, удовлетворенные сексуальной жизнью и уважающие друг друга; имеют материальный достаток, детей, проживают отдельно от родителей; в семье есть глава, несущий ответственность за других, но уважается право на свободу для каждого члена семьи.

Список литературы

1. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. – 304 с. ISBN: 5-211-03485-6.
2. Борисова Т. С., Плоткин М. М. Семейное и социальное воспитание: современный молодежный контекст // Педагогика. 2018. № 7. С. 75–81.
3. Васильева Е. Н., Ростовская Т. К., Сулейманлы А. Демографические угрозы национальной

безопасности в политическом дискурсе РФ (1992–2019) // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 2. С. 255–272. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.20>.

4. *Голод С. И.* Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1 (285). С. 40–49.

5. *Ильиных С. А., Логинова Е. С.* Хабитуализация семейных практик в молодых семьях: факторы неустойчивости // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 3. С. 28–30.

6. *Печерская Н. В.* Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи // Журнал исследований социальной политики. 2012. Том 10. № 3. С. 323–342.

Сведения об авторах:

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1629-7780; РИНЦ Author ID: 767943; Scopus Author ID: 57192987864; Web of Science Researcher ID: F-5579-2018.

Кучмаева Оксана Викторовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kuchmaeva@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0386-857X; РИНЦ Author ID: 496666; Scopus Author ID: 35183367300; Web of Science Researcher ID: L-9513-2015.

Золотарева Ольга Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: OAMahova@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7339-7510; РИНЦ Author ID: 327777.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено за счет проекта Российского научного фонда № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

Статья поступила в редакцию 09.07.2021; принята в печать 07.09.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

THE VALUE OF THE FAMILY IN THE EYES OF RUSSIANS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Tamara K. Rostovskaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Oksana V. Kuchmaeva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Olga A. Zolotareva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: OAMahova@yandex.ru

For citation: Tamara K. Rostovskaya, Oksana V. Kuchmaeva, Olga A. Zolotareva. The Value of the Family in the Eyes of Russians: A Sociological Analysis. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No 4. P. 59–71. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.5>.

Abstract. The depopulation that intensified during the pandemic sharpens attention to the issues of family and demographic policy. The well-being of families and the growth of the expected number of children in these families is becoming a priority. In this regard, it is interesting to assess the determinants of their well-being in the psychological and socio-economic aspects through the eyes of families themselves. The above analysis of the importance of values and key aspects of the life of Russians,

the living conditions of Russian families is based on the data of the All-Russian sociological survey “Demographic Wellbeing of Russia” conducted in 2020. The study allowed us to characterize life priorities, existing social and material problems of families in the context of regions, which provides a basis development of measures in the field of supporting families, taking into account territorial characteristics, and definitely speaks of the practical significance of the presented results. Particular attention in the article is paid to the assessment of intergenerational relationships, which significantly supplements the data characterizing the situation of Russian families provided by Rosstat and a number of other sociological surveys. The results of the study showed a significant dependence of family well-being on the preservation of spiritual and moral traditions in family relations, the presence of intergenerational ties, the ability of a generation of parents to provide assistance and support in raising their children to adult children. In this context, it is noted the lack of attention of the state as a leading social actor in society, which is entrusted with the formation and development of the institution of a prosperous Russian family, the formation and strengthening of the family as a fundamental basis of Russian society, the creation of family ideals based on traditional values. and accepting intergenerational hierarchy and solidarity, increasing the authority of parenting in the family and society.

Keywords: family, family traditions, intergenerational relationships, family well-being, family living conditions.

References

1. Antonov A. I., Medkov V. M. *Sotsiologiya sem'i* [Sociology of the family]. Moscow: of Moscow State University Publishing house: Publishing house of the International University of Business and Management (“Brat'ya Karich”), 1996. 304 p. ISBN: 5-211-03485-6. (In Russ.)
2. Borisova T. S., Plotkin M. M. The Process of Upbringing in Family and by Society: The Context of Modern Youth's Life. *Pedagogika*. 2018. No. 7. P. 75–81. (In Russ.)
3. Vasilieva E. N., Rostovskaya T. K., Süleymanly E. Demographic Threats to National Security in the Political Discourse of the Russian Federation (1992–2019). *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2021. Vol. 26. No. 2. Pp. 255–272. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.20>. (In Russ.)
4. Golod S. I. Russian Family's State and Evolution – Sociological Demographic Analysis. *Sociological Research*. 2008. No. 1 (285). Pp. 40–49. (In Russ.)
5. Ilyinykh S. A., Loginova E. S. Habitualization of Family Practices in Young Families: Instability Factors. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2016. No. 3. Pp. 28–30. (In Russ.)
6. Pecherskaya N. V. Mifologiya roditel'stva: analiz diskursivnogo proizvodstva ideal'noy sem'i [Mythology of parenting: an analysis of the discursive production of an ideal family]. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 3. Pp. 323–342. (In Russ.)

Bio note:

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1629-7780; RSCI Author ID: 767943; Scopus Author ID: 57192987864; Web of Science Researcher ID: F-5579-2018.

Oksana V. Kuchmaeva, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kuchmaeva@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0386-857X; RSCI Author ID: 496666; Scopus Author ID: 35183367300; Web of Science Researcher ID: L-9513-2015.

Olga A. Zolotareva, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: OAMahova@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7339-7510; RSCI Author ID: 327777.

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by the Russian Science Foundation according to the research project No. 20-18-00256 “Demographic behavior of the population in the context of Russia's national security.”

Received on 09.07.2021; accepted for publication on 07.09.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЯНОК

Смирнов А. В.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия*

E-mail: sofetel@mail.ru

Храмова М. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.6>

Для цитирования: Смирнов А. В., Храмова М. Н. Влияние пандемии COVID-19 на репродуктивные установки россиянок // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 72–81. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.6>.

Аннотация. В статье представлены результаты социологического опроса, направленного на изучение влияния пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 на репродуктивные установки россиянок. Результаты опроса показали, что 19% респондентов отложили рождение детей из-за пандемии. На 75% опрошенных пандемия не повлияла, поскольку они не планировали рождение ребенка, около 6% родили или родят ребенка, как и хотели. Также у 16% респондентов число конфликтов в семье значительно увеличилось, что может говорить о вероятности распада отношений, что также негативно повлияет на демографическую ситуацию в стране. При этом около 63% респондентов отметили, что доходы их стали меньше, для 31% опрошенных уровень дохода не изменился, а у 6% доходы увеличились. Низкие доходы в семье также оказывают негативное влияние на желание иметь детей. Поскольку о начале пандемии в России было объявлено в марте 2020 г., то в силу физиологических причин изменения репродуктивных установок женщины, скорее всего, будут заметны лишь в статистике за 2021 г. По оперативным данным Росстата за январь – июль 2021 г., по сравнению с 2020 г. число родившихся снизилось на 1%, число браков увеличилось на 34%, а разводов – на 33%. Таким образом, на данный момент, оперативные данные Росстата не согласуются с результатами нашего социологического опроса. Причиной могло послужить то, что опрос проводился в сети Интернет, и к нему проявили повышенный интерес респонденты, более сильно обеспокоенные пандемией, чем среднестатистические россиянки репродуктивного возраста, поэтому доля женщин, откладывающих рождение детей из-за пандемии, по данным опроса, может оказаться выше, чем в среднем по России.

Ключевые слова: репродуктивные установки, пандемия COVID-19, депопуляция, эпидемиологический кризис, второй демографический переход, третий демографический переход.

Введение

Нестабильные времена, вызываемые социальными потрясениями, эпидемиями, войнами или стихийными бедствиями, обычно оказывают влияние на рождаемость и брачность населения. Вопрос о влиянии пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 на демографическую ситуацию в России представляется особенно важным в контексте продолжающейся в стране депопуляции.

Проблема низкого уровня рождаемости в России впервые возникла в 1964 г. (если не считать годы Второй мировой войны), когда режим воспроизводства стал суженным, и стоит достаточно остро до сегодняшнего дня [1]. Ионцев В. А. определяет современные демографические реалии как демографический кризис, для которого характерны не только количественные негативные изменения (в частности, падение показателей брачности и рождаемости), но и качественные негативные изменения населения, которые проявляются в снижении показателей здоровья населения, изменении брачного и семейного поведения и т. д. [2].

Президент РФ Путин В. В. на съезде «Единой России» 28 августа 2021 г. заявил: «Крепкая, благополучная семья, в которой растут двое, трое, четверо детей, по сути, и должна быть вот этим образом будущего России»¹. Но несмотря на то, что начиная с 2006 г. в России направляются огромные средства для стимулирования рождаемости и поддержания семьи, суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в 2020 г. составлял 1,5. По оптимистичному варианту прогноза Росстата, который имеет много шансов не реализоваться, к 2035 г. СКР может составить 1,7, что говорит о сохранении суженного воспроизводства населения и усугублении ситуации с депопуляцией на территории РФ².

По мнению Рыбаковского Л. Л., второй этап депопуляции в России начался с середины второго десятилетия XXI в. Он характеризуется снижением рождаемости, основной причиной которого является сокращение числа женщин в активном репродуктивном возрасте, что, в свою очередь, обусловлено малочисленностью поколений, рожденных в 1980–1990-е гг. [3]. Данные изменения в демографической структуре ведут к старению населения и увеличивают демографическую нагрузку на его трудоспособную часть.

Из-за низкой рождаемости и относительно высокой внешней иммиграции, преимущественно из стран Центральной Азии, Россия может пойти по пути третьего демографического (миграционного) перехода. Автором данной теории является английский демограф Коулмен Д., выдвинувший идею замены коренного населения пришлым. Коулмен, чтобы предотвратить этническую смену населения, предлагает повышать рождаемость, привлекать женщин на трудовые места и препятствовать эмиграции. По мнению ученого, сценарий третьего демографического перехода может произойти во многих промышленно развитых странах, поскольку они являются центрами притяжения мигрантов из стран с низкими доходами [4].

Теория демографического перехода способна объяснить и изменения в брачном поведении россиян. Теория второго демографического перехода, предложенная Лестагом Р. и Ван де Каа Д., объясняет трансформацию института семьи: традиционная семья сменяется индивидуалистической, браки создаются все реже, растет число незарегистрированных браков, наблюдается рост среднего возраста вступления в брак и среднего возраста рождения первого ребенка, растет доля детей, рожденных вне брака [4]. Эти тенденции сегодня характерны не только для России, но и для большинства развитых стран. В качестве примера мы можем также привести такие страны ЕС, как Германия, Италия, характеризующиеся в настоящее время одними из самых низких значений суммарного коэффициента рождаемости.

В демографии складываются две разные точки зрения на данную ситуацию: одни ученые считают, что таким образом происходит модернизация семьи. Например, знаменитый американский социолог Морган Л. Г. писал, что «семья – активное начало; она никогда не остается неизменной, а переходит от низшей формы к высшей, по мере того как общество развивается от низшей ступени к высшей» [5, с. 41]. Другие специалисты видят в этом деградацию института семьи, которая ни к чему хорошему привести не сможет.

¹ Владимир Путин выступил на съезде партии «Единая Россия». Главное // Российская газета. Газета. 24.08.2021. URL: <https://rg.ru/2021/08/24/vladimir-putin-vystupil-na-sezde-partii-edinaia-rossiia-glavnoe.html> (дата обращения: 31.08.2021).

² Демография // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 24.08.2021).

Брачное поведение современных россиян принципиально не отличается от брачного поведения жителей западных стран, где количество браков снижается, на их место приходит сожителство, а также растет число разводов [6]. При этом факты свидетельствуют, что к концу репродуктивного периода женщина, состоящая в официально зарегистрированном браке, в среднем рождает больше детей, чем женщина, состоящая в незарегистрированном браке [7].

Таким образом, вопрос о влиянии пандемии COVID-19 на брачное поведение и репродуктивные установки российских женщин является крайне актуальным с точки зрения корректировки будущих демографических прогнозов.

Обзор литературы

Историк Миронов Б. Н., анализируя влияние эпидемии холеры, которая охватила всю центральную часть России в 1831, 1848, 1853 и 1866 гг., приходит к выводам, что рождаемость в сельской местности незначительно выросла (на 4%), а в городе незначительно снизилась (на 3,6%) по сравнению со средним показателем с 1831 по 1870 гг. Брачность в данные периоды увеличилась в деревнях на 0,3%, а в городе уменьшилась на 0,4%. Поскольку в среднем продолжительность беременности женщины составляет 280 дней, а холерные годы были не чаще, чем раз в пять лет, то они не оказали большого влияния на рождаемость и брачность. Единственным демографическим показателем, на который существенно повлияла эпидемия, была смертность. Смертность в сельской местности выросла на 12,3%, а в городской – на 14,8%. Миронов Б. Н. приходит к выводам, что крупный город может противостоять эпидемиям только тогда, когда он экономически развит, имеет высокий уровень медицинского и санитарного обслуживания. Исследователь также обращает внимание, что на брачность стала оказывать влияние экономическая составляющая, и в годы неурожая брачность начала заметно снижаться, что, по словам автора, говорит о «ростках рациональности и сознательности» населения [8, с. 61].

В некоторых случаях наблюдается увеличение брачности и рождаемости после того, как «плохие времена» заканчиваются. Исследование Дж. Ноублз и соавторов (J. Nobles и др.) показывает, как изменялся СКР до цунами, обрушившегося на Индонезию в 2004 г., и после. Стихийное бедствие произошло в декабре на побережье Индийского океана и унесло жизни более 200 тыс. человек. Наиболее пострадавшей страной оказалась Индонезия, которая потеряла более 167 тыс. своих граждан. СКР в период с 2000 по 2004 гг. в районах страны, которые пострадали от цунами, был равен 2,18, а в районах, которые цунами не затронуло, – 2,74. В 2006–2009 гг. СКР для территорий, на которые пришелся удар стихии, повысился до 2,67, а на территориях, не пострадавших от него, стал равен 2,52 [9].

Заба Б. и Грегсон С. (Zaba B, Gregson S.) отмечали, что эпидемия ВИЧ в странах Африки южнее Сахары в конце XX в. снизила фертильность ВИЧ-инфицированных женщин на 25–40% по сравнению с ВИЧ-негативными женщинами, за исключением самых молодых возрастов (15–19 лет). Повышенную фертильность молодых возрастов ВИЧ-позитивных исследователи объясняют ранним началом половой жизни. А снижение фертильности объясняется биологическими причинами и повышенным использованием барьерных средств контрацепции [10].

Согласно исследованию группы европейских ученых (Boberg-Fazlic N и др.), фертильность женщин в Швеции после пандемии испанки 1918–1919 гг. различалась в сельских и городских районах, поскольку в сельских районах дети играли роль ин-

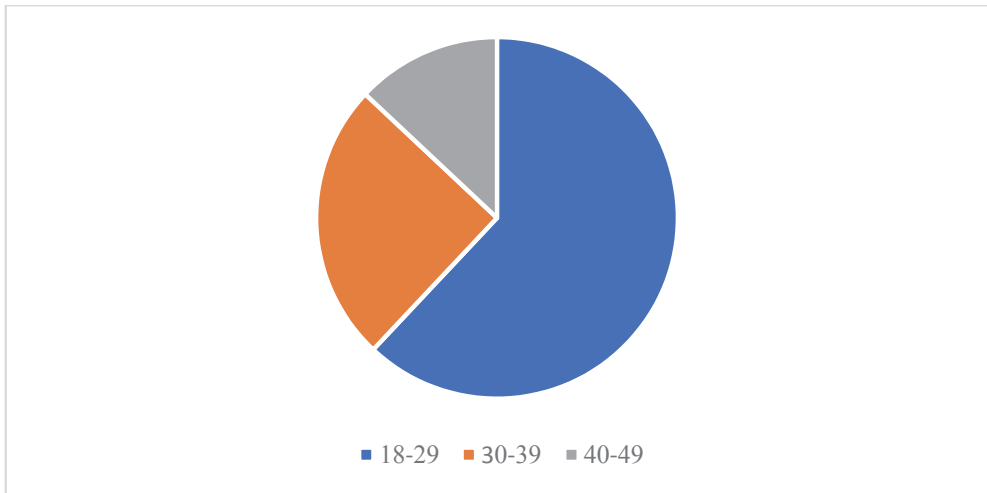
вестиций в будущее и их использовали как дополнительные рабочие руки. Снижение рождаемости произошло в тех районах Швеции, которые наиболее сильно пострадали от пандемии испанки, что было вызвано ростом смертности среди женщин фертильного возраста [11].

По данным Мамелунд С.-Э. (Mamelund S.-E.), пандемия испанки также оказала влияние и на норвежских женщин. СКР за 1918–1919 гг. в этой стране снизился на 0,26, что в пересчете составило 4 000 не родившихся детей. Но в 1920 г., сразу после Первой мировой войны, начался беби-бум. Количество родившихся детей составило около 70 тысяч. Ученые считают, что данный факт спровоцировали отложенные рождения и объявление окончания Первой мировой войны, хотя Норвегия и сохраняла в ней нейтралитет [12].

Сиддхарт К. (Siddharth C.) полагает, что влияние пандемии испанки на фертильность в Японии заключалось в том, что вирус гриппа убивал население фертильных возрастов (15–44 лет) и влиял на эмбриогенез таким образом, что женщины теряли ребенка в первый триместр беременности [13].

Материалы и методы исследования

Наше исследование базируется на данных социологического опроса, проведенного Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН с 25 по 31 января 2021 г. Учитывая специфику современной эпидемиологической ситуации, опрос проводился в онлайн формате, анкета была размещена в социальной сети «ВКонтакте». Опрос проводился среди женщин в возрасте от 18 до 49 лет, имеющих гражданство Российской Федерации. Из-за того, что опрос проводился в сети Интернет, наблюдается деформация выборки по социально-демографическим показателям в сторону активных пользователей сети. На долю респондентов в возрасте 18–29 лет пришлось 62% опрошенных, 30–39 лет – 25%, 40–49 лет – 13% (см. рис. 1).

Рис 1. Возрастное распределение респондентов
Fig 1. Age distribution of respondents

Для проведения анализа нами было отобрано 1037 анкет. Анкета опроса содержала 15 закрытых вопросов, позволяющих установить социально-демографический

профиль респондентов и выявить влияние пандемии коронавирусной инфекции на репродуктивные установки россиянок. Часть вопросов была направлена на выяснение влияния пандемии на конфликтность в семье. Во всех вопросах респонденты могли выбрать только один вариант ответа.

Обработка анкет проводилась с использованием пакета SPSS, обладающего широким спектром возможностей для проведения статистического и графического анализа данных социологических опросов. Достоверность полученных результатов подтверждалась данными соответствующих статистических тестов.

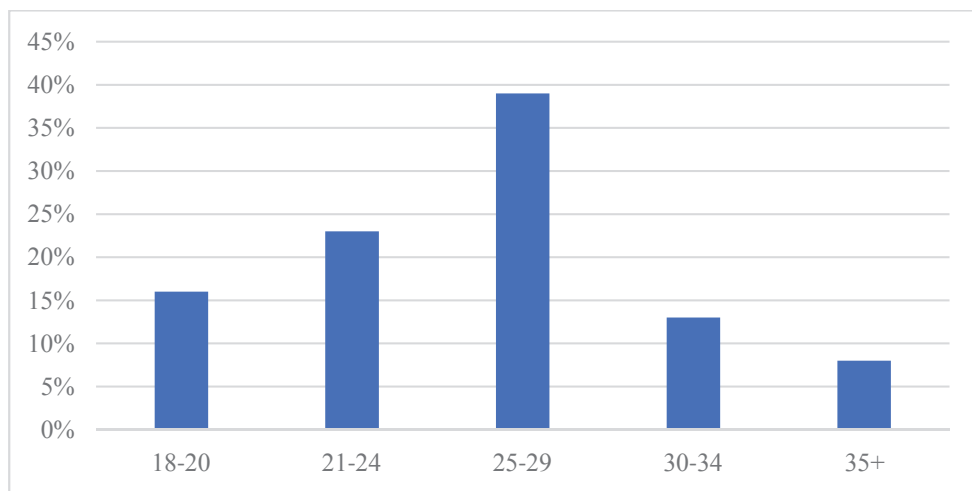
Социально-демографический профиль респондентов имеет следующие особенности. Около 57% респондентов не состоят в браке, 36% состоят в браке, около 6% находятся в разводе, а 1% являются вдовыми.

Примерно 34% имеют высшее образование, около 25% имеют неполное высшее образование, 32% заявили о среднем общем образовании, а 9% имеют основное общее образование. Стоит отметить, что общемировой тренд – чем выше уровень образования, тем меньше детей рождает женщина к концу своего репродуктивного периода – характерен и для России [1].

Около 55% респондентов указали, что детей не имеют, 18% воспитывают одного ребенка, 17% – двух детей, 8% – трех, 2% – четырех и более детей.

Результаты

На вопрос «В каком возрасте Вы стали (или планируете стать) родителем первого ребенка?» – около 39% ответили: в возрасте 25–29 лет, около 23% – в возрасте 21–24 года, около 16% – в возрасте 18–20 лет, 13% – в возрасте 30–34 года, 8% – в возрасте 35 лет и старше (см. рис 2).

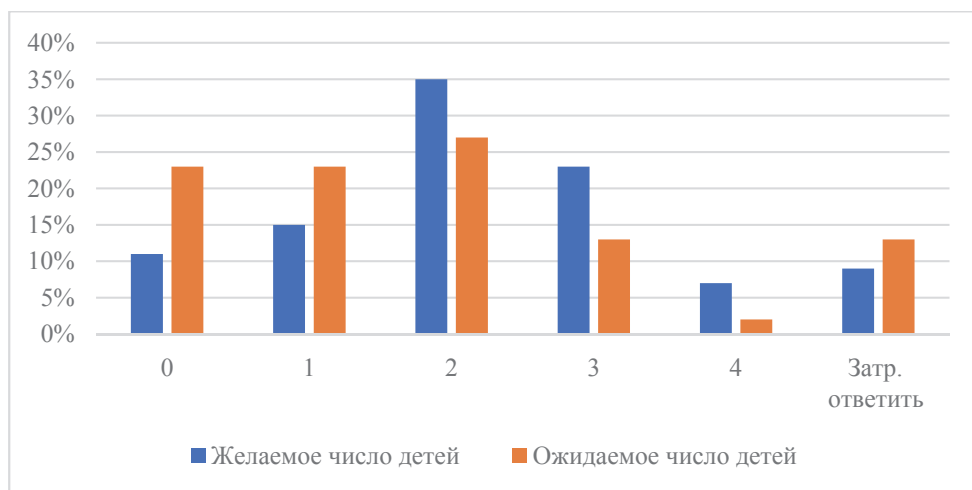
Рис 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В каком возрасте Вы стали или планируете стать родителем первого ребенка?»

Fig. 2. Distribution of respondents' answers to the question: "At what age did you become or plan to become a parent of the first child"

Около 35% респондентов ответили, что желаемое число детей для них двое, для 23% – трое, для 15% – один, для 11% – ни одного, 9% затруднились ответить, а 7% хотели

бы иметь четверых и более детей. Ожидаемое число детей отличается от «желаемого числа»: 27% опрошенных планируют иметь или уже имеют двоих детей, 23% – одного ребенка, 23% не планируют иметь детей, 13% хотят завести или уже родили троих детей, 2% – четверых или больше детей, около 13% затруднились ответить (см. рис. 3).

Рис 5. Распределение желаемого числа детей и ожидаемого числа детей
Fig 5. Distribution of the desired number of children and the expected number of children

Примерно 19% респондентов указали, что пандемия повлияла на их желание иметь детей: они передумали родить ребенка в ближайшее время. На 75% респондентов пандемия не повлияла, поскольку они не планировали рождение ребенка, около 6% родили ребенка, как и хотели.

Основываясь на полученных результатах опроса, мы можем выделить несколько эффектов, оказываемых пандемией на фертильность: биологические, экономические, психологические и др. *Биологические эффекты* связаны либо с физиологическими изменениями репродуктивных функций отца или матери, либо с невозможностью выносить плод, либо со смертью одного из родителей, что напрямую может влиять на рождение детей. *Экономические и психологические эффекты* напрямую зависят от поведения родителей, которые откладывают рождение детей до наступления более благоприятных времен.

На вопрос: «Повлияла ли пандемия коронавирусной инфекции на Ваши личные отношения?» – около 46% ответили, что никак не повлияла; около 15% ответили, что повлияла положительно, поскольку отношения стали крепче; 11% ответили, что пандемия повлияла отрицательно, отношения стали менее прочными; 4% развелись за время пандемии; 2% прекратили незарегистрированные отношения; около 7% заявили о начале новых отношений; 15% отметили, что в отношениях не состояли.

На вопрос: «Изменилось ли число конфликтов в семье во время пандемии?» – 30% ответили, что число конфликтов осталось на прежнем уровне; 25% ответили, что конфликтов не было; 24% – незначительно увеличилось число конфликтов; около 16% отметили, что число конфликтов значительно увеличилось; у 4% респондентов число конфликтов в семье уменьшилось.

Одной из важнейших составляющих нормального функционирования семьи является финансовая составляющая. По данным опроса, около 63% респондентов отметили, что доходы стали меньше; у 31% опрошенных уровень дохода не изменился; у 6% доходы увеличились.

Кроме того, 44% респондентов сообщили, что проживают в квартирах, общая площадь которых составляет от 31 до 50 кв. м, что также может выступать фактором риска разрушения брака, особенно при наличии детей. Усиливает готовность к разводам также урбанизация и миграционная подвижность населения.

Заключение

По данным нашего социологического опроса, пандемия, вызванная новой коронавирусной инфекцией, оказала негативное влияние на репродуктивное поведение россиянок. Около 19% россиянок отложили рождение детей из-за пандемии коронавирусной инфекции. Поскольку пандемия еще не завершилась, то число россиянок, которые отложат или вовсе откажутся от рождения детей, может увеличиться.

По оперативным данным Росстата за январь – июль 2021 г., по сравнению с 2020 г. число родившихся снизилось на 1%, число браков увеличилось на 34%, а разводов – на 33%. Таким образом, на данный момент, оперативные данные Росстата не согласуются с результатами нашего социологического опроса. Причиной могло послужить то, что опрос проводился в сети Интернет, и к нему проявили повышенный интерес респонденты, в большей степени обеспокоенные пандемией, чем среднестатистические россиянки репродуктивного возраста, поэтому доля женщин, откладывающих рождение детей из-за пандемии, по данным опроса, может оказаться выше, чем в среднем по России.

В литературе появляются данные, что помимо социальных и экономических последствий пандемии COVID-19, вирус SARS-CoV-2, по-видимому, оказывает негативное влияние на мужскую репродуктивную систему, что также может негативно сказаться на рождаемости в России и мире [14]. Поэтому в течение следующих одного-двух лет мы на основании вновь появляющихся данных сможем более детально оценить кратко- и среднесрочные последствия пандемии на репродуктивные установки россиян.

Возможно, после того, как пандемия завершится, будет наблюдаться компенсаторная рождаемость – отложенные рождения будут реализованы.

Список литературы

1. *Архангельский В. Н.* Исследование проблем рождаемости // Уровень жизни населения регионов России. 2008. № 3–4. С. 80–93.

2. *Ионцев В. А.* Современные особенности демографического развития России и ее регионов // Международный демографический форум: материалы заседания / отв. ред. д. г. н., проф. Н. В. Яковенко. – Воронеж: «Цифровая полиграфия», 2020. – С. 37–42.

3. *Локосов В. В., Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л., Басаев Г. Р.* Результаты демографической политики и наступление демографической политики в России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 11 (157). С. 40–48.

4. *Ионцев В. А., Прохорова Ю. А.* Формирование «нового населения» в свете концепции четвертого демографического перехода // Вестник московского университета. Серия 6: Экономика. 2012. № 4. С. 75–87.

5. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства: [перевод с немецкого]. – М.: АСТ, 2019. – 288 с. ISBN: 978-5-17-118289-2.

6. *Синельников А. Б.* Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019.

№ 2. С. 26–39. DOI: <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00013>.

7. Синельников А. Б. Значение брачности для семейно-демографической политики в России // Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 3 декабря 2015 года) / Финансовый ун-т при Правительстве Российской Федерации, Ин-т социально-политических исслед. РАН; [отв. ред. – сост.: Рязанцев С. В., Письменная Е. Е.]. – Москва: Экономическое образование, 2015. – С. 115–124.

8. Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. – Ленинград: Наука, 1990. – 273 с. ISBN: 5-02-027273-6.

9. Nobles J., Frankenberg E., Thomas D. The Effects of Mortality on Fertility: Population Dynamics After a Natural Disaster. *Demography*. 2015. Vol. 52. No. 1. Pp. 15–38. doi: <https://doi.org/10.1007/s13524-014-0362-1>.

10. Zaba B., Gregson S. Measuring the Impact of HIV on Fertility in Africa. *AIDS*. 1998. Vol. 12. Suppl. 1. Pp. 41–50.

11. Boberg-Fazlic N., Ivets M., Karlsson M., Nilsson T. Disease and Fertility: Evidence from the 1918–19 Influenza Pandemic in Sweden. *Economics & Human Biology*. 2021. Vol. 43. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2021.101020>.

12. Mamelund S.-E. Can the Spanish Influenza Pandemic of 1918 Explain the Baby Boom of 1920 in Neutral Norway? *Population*. 2004. Vol. 59. No. 2. Pp. 229–260. DOI: <https://doi.org/10.2307/3654904>.

13. Siddharth C., Yan-Liang Y. The 1918 Influenza Pandemic and Subsequent Birth Deficit in Japan. *Demographic Research*. 2015. Vol. 33. No. 11. Pp. 313–326. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2015.33.11>.

14. Anifandis G., Tempest H. G., Oliva R., Swanson G. M., Simopoulou M., Easley C. A., Primig M., Messini C. I., Turek P. J., Sutovsky P., Ory S. J., Krawetz S. A. COVID-19 and Human Reproduction: A Pandemic that Packs a Serious Punch. *Systems Biology in Reproductive Medicine*. 2021. Vol. 67. No. 1. Pp. 3–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/19396368.2020.1855271>.

Сведения об авторах:

Смирнов Алексей Викторович, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6559-1679; РИНЦ Author ID: 1068065.

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, заместитель директора по международной и образовательной деятельности, заведующий Отделом демографической безопасности и моделирования демографических процессов Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-0893-3935; РИНЦ Author ID: 126144; Scopus Author ID: 57195735740; Web of Science Researcher ID: C-8107-2015.

Статья поступила в редакцию 20.07.2021; принята в печать 23.09.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE REPRODUCTIVE ATTITUDES OF RUSSIAN WOMEN

Alexey V. Smirnov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: sofetel@mail.ru

Marina N. Khranova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

For citation: Alexey V. Smirnov, Marina N. Khranova. **The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Reproductive Attitudes of Russian Women.** *DEMIS. Demographic Research.* 2021. Vol. 1. No 4. P. 72–81. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.6>.

Abstract. The article presents the results of a sociological survey aimed at studying the impact of the pandemic of the new coronavirus infection COVID-19 on the reproductive attitudes of Russian women. The results of the survey showed that 19% of respondents postponed the birth of children due to the pandemic. 75% of respondents were not affected by the pandemic, since they did not plan to have a child, about 6% gave birth or will give birth to a child, as they wanted. Also, for 16% of respondents, the number of conflicts in the family has increased significantly, which may indicate the likelihood of a breakdown in relations, which will also negatively affect the demographic situation in the country. At the same time, about 63% of respondents noted that their incomes have become lower, for 31% of respondents, the income level has not changed, and for 6%, income has increased. Low family incomes also have a negative impact on the desire to have children. Since the beginning of a pandemic in Russia was announced in March 2020, due to physiological reasons, changes in the reproductive attitudes of women are likely to be noticeable only in statistics for 2021. since 2020, the number of births has decreased by 1%, the number of marriages has increased by 34%, and the number of divorces has increased by 33%. Thus, at the moment, the operational data of Rosstat do not agree with the results of our sociological survey. The reason could be that the survey was conducted on the Internet, and respondents who were more worried about the pandemic than the average Russian women of reproductive age showed an increased interest in it, so the proportion of women who postpone the birth of children due to the pandemic, according to the survey, may turn out to be higher than the average in Russia.

Keywords: reproductive attitudes, COVID-19 pandemic, depopulation, epidemiological crisis, second demographic transition, third demographic transition.

References

1. Arkhangelskiy V. N. Issledovaniye problem rozhdayemosti [Research on the problems of fertility]. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2008. No. 3–4. Pp. 80–93. (In Russ.)
2. Iontsev V. A. Sovremennyye osobennosti demograficheskogo razvitiya Rossii i yeye regionov [Modern features of the demographic development of Russia and its regions]. *Mezhdunarodnyy demograficheskiy forum: materialy zasedaniya / N.V. Yakovenko (ex. ed.) Voronezh: Tsifrovaya poligrafiya Publishing House,* 2020. Pp. 37–42. (In Russ.)
3. Lokosov V. V., Rybakovsky L. L., Rybakovsky O. L., Basaev G. R. Rezul'taty demograficheskoy politiki i nastupleniye demograficheskoy politiki v Rossii [The results of demographic policy and the onset of demographic policy in Russia]. *Vestnik of Samara State University of Economics.* 2017. No. 11 (157). Pp. 40–48. (In Russ.)
4. Iontsev V. A., Prokhorova Y. A. Generation of a new population within the concept of fourth demographic transition. *Moscow University Economics Bulletin.* 2012. No. 4. Pp. 75–87. (In Russ.)
5. Engels F. The Origin of the Family, Private Property and the State [translated from German]. Moscow: AST, 2019. 288 p. ISBN: 978-5-17-118289-2. (In Russ.)
6. Sinelnikov A. B. Transformation of Marriage and Fertility in Russia. *Narodonaselenie [Population].* 2019. No. 2. Pp. 26–39. DOI: <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00013>. (In Russ.)
7. Sinelnikov A. B. The Significance of Nuptiality for Family and Demographic Policy in Russia. *Modelirovaniye demograficheskogo razvitiya i sotsial'no-ekonomicheskaya effektivnost' realizatsii demograficheskoy politiki Rossii* [Modeling of demographic development and socio-economic efficiency of the implementation of demographic policy in Russia]: materials of the International scientific and practical conference (Moscow, December 3, 2015) / Financial University under the government of the Russian Federation, Institute of Socio-Political Research RAS; [ex. ed.: Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E.]. Moscow: Ekonomicheskoye Obrazovaniye Publishing House, 2015. Pp. 115–124. (In Russ.)
8. Mironov B. N. *Russkiy gorod v 1740–1860-ye gody: demograficheskoye, sotsial'noye i ekonomicheskoye razvitiye* [Russian city in the 1740-1860s: demographic, social and economic development]. Leningrad: Nauka Publishing House, 1990. 273 p. ISBN: 5-02-027273-6. (In Russ.)
9. Nobles J., Frankenberg E., Thomas D. The Effects of Mortality on Fertility: Population Dynamics After a Natural Disaster. *Demography.* 2015. Vol. 52. No. 1. Pp. 15–38. doi: <https://doi.org/10.1007/s13524-014-0362-1>.
10. Zaba B., Gregson S. Measuring the Impact of HIV on Fertility in Africa. *AIDS.* 1998. Vol. 12. Suppl. 1. Pp. 41–50.
11. Boberg-Fazlic N., Ivets M., Karlsson M., Nilsson T. Disease and Fertility: Evidence from the 1918-19 Influenza Pandemic in Sweden. *Economics & Human Biology.* 2021. Vol. 43. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2021.101020>.
12. Mamelund S.-E. Can the Spanish Influenza Pandemic of 1918 Explain the Baby Boom

of 1920 in Neutral Norway? *Population*. 2004. Vol. 59. No. 2. Pp. 229–260. DOI: <https://doi.org/10.2307/3654904>.

13. Siddharth C., Yan-Liang Y. The 1918 Influenza Pandemic and Subsequent Birth Deficit in Japan. *Demographic Research*. 2015. Vol. 33. No. 11. Pp. 313–326. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2015.33.11>.

14. Anifandis G., Tempest H. G., Oliva R., Swanson G. M., Simopoulou M., Easley C. A., Primig M., Messini C. I., Turek P. J., Sutovsky P., Ory S. J., Krawetz S. A. COVID-19 and Human Reproduction: A Pandemic that Packs a Serious Punch. *Systems Biology in Reproductive Medicine*. 2021. Vol. 67. No. 1. Pp. 3–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/19396368.2020.1855271>.

Bio note:

Alexey V. Smirnov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6559-1679; RSCI Author ID: 1068065.

Marina N. Khranova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Deputy Director for International and Educational Activities, Head Department for Demographic Security and Modeling of Demographic Processes, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-0893-3935; RSCI Author ID: 126144; Scopus Author ID: 57195735740; Web of Science Researcher ID: C-8107-2015.

Received on 20.07.2021; accepted for publication on 23.09.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

ПРЕСТУПНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ

Жампеисов Даурен А.

*Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет,
Семей, Казахстан*

E-mail: daurxxvek@bk.ru

Жампеисов Думан А.

*Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет,
Семей, Казахстан*

E-mail: duman_d@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.7>

Для цитирования: Жампеисов Даурен А., Жампеисов Думан А. Преступность в Республике Казахстан: социально-экономические, социокультурные и миграционные факторы // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 82–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.7>.

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены проблемные вопросы предупреждения преступлений, совершаемых как внешними, так и внутренними мигрантами в Республике Казахстан; проанализированы причины и условия, способствующие совершению преступлений мигрантами; сделаны выводы и приведены рекомендации по разработке новых путей и средств предупреждения преступности мигрантов. Авторы изучили официальную статистику преступности мигрантов за последние три года (2017–2019 гг.) через Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан и указали на необходимость более детального регулирования некоторых количественных и качественных показателей статистической информации. Также сделаны выводы о том, что необходима дифференциация статистики по уголовным правонарушениям, совершенным мигрантами. Авторами обосновывается важная роль повышения нравственной и правовой культуры населения путем привлечения средств массовой информации и неправительственных организаций как меры по предупреждению преступности мигрантов. В целях снижения уровня преступности мигрантов необходимы меры, которые формируют в обществе благоприятные социально-экономические условия и позитивный нравственный климат. Среди криминологически значимых факторов преступности мигрантов обозначено в том числе наличие негативных явлений, таких как существование коррупции в органах государственной власти. Авторами предлагается утвердить временную регистрацию мигрантов, которая была бы необходима при получении различных услуг и социальной помощи, а не являлась обязанностью, при нарушении которой наступает юридическая ответственность.

Ключевые слова: преступность, миграция, Республика Казахстан, профилактика преступлений, миграционная политика, социально-экономическое развитие, демографическое развитие.

Введение

С момента обретения независимости Казахстан начал проводить собственную миграционную политику, с одной стороны, отвечающую тенденциям глобализации мирового сообщества, а с другой стороны, направленную на использование миграционных потоков в интересах укрепления национальной безопасности, улучшения демографической ситуации и устойчивого социально-экономического развития страны.

Обеспечение национальной безопасности признано одним из основных принципов государственной политики в области миграции населения в Республи-

ке Казахстан (РК)¹. Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2017–2021 гг.² в качестве основных целей регулирования миграционных процессов декларирует обеспечение национальной безопасности Республики Казахстан в контексте угроз, ассоциирующихся с миграцией. В Законе о национальной безопасности³ неконтролируемые миграционные процессы перечислены в числе основных угроз национальной безопасности. В Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 г.⁴ также уделено внимание на продолжение работы по своевременному введению и правильному применению правовых норм, направленных на предупреждение и пресечение незаконной миграции. При этом ежегодно в Казахстан на нелегальной основе приезжает несколько сотен тысяч мигрантов⁵. Действуют транснациональные каналы незаконной миграции⁶.

Вышеперечисленные документы и факты подтверждают актуальность темы исследования. Проблемные вопросы предупреждения преступлений, совершаемых внешними и внутренними мигрантами, требуют научно обоснованных рекомендаций и эффективных решений.

Статистика уголовных правонарушений, совершенных иностранцами в Казахстане

В 2019 г., согласно данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, в Едином реестре досудебных расследований (далее – ЕРДР) было зарегистрировано 243 462 уголовных правонарушений, из них гражданами СНГ совершено 2 449 правонарушений, гражданами других зарубежных стран – 148 уголовных правонарушений. Подробные данные представлены в табл. 1.

По уголовному законодательству Республики Казахстан, уголовные правонарушения в зависимости от степени общественной опасности и наказуемости подразделяются на уголовные преступления и уголовные проступки. Преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания в виде штрафа, исправитель-

¹ Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV «О миграции населения» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2021 г.) // Юрист. Информационно-правовой портал Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31038298 (дата обращения: 19.07.2021).

² Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2017–2021 годы и Плана мероприятий по реализации Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2017–2021 годы // Эділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000602> (дата обращения: 19.07.2021).

³ Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.11.2020 г.) // Юрист. Информационно-правовой портал Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860 (дата обращения: 19.07.2021).

⁴ О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года // Эділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858_ (дата обращения: 19.07.2021).

⁵ Сидоров О. Мигранты могут стать угрозой для Казахстана // Юрист. Информационно-правовой портал Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30124118 (дата обращения: 19.07.2021).

⁶ Нелегальная миграция в Казахстан: как работают незаконные каналы // Tengrinews.kz. Интернет-издание Республики Казахстан. 20.04.2021. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nelegalnaya-migratsiya-kazahstan-rabotayut-nezakonnnye-434469/ (дата обращения: 19.07.2021).

ных работ, ограничения свободы, лишения свободы или смертной казни. Уголовным проступком признается совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста⁷.

Таблица 1.

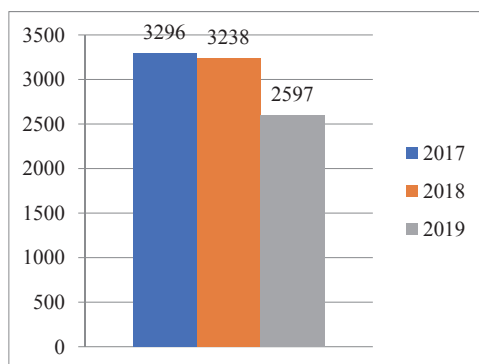
Уголовные правонарушения, совершенные иностранными гражданами на территории Республики Казахстан в 2019 г.

Table 1.

Criminal offenses committed by foreign citizens on the territory of the Republic of Kazakhstan in 2019

Правонарушения		Количество правонарушений, совершенных иностранными гражданами	
		гражданами стран СНГ	гражданами других зарубежных стран
проступки		331	16
преступления		2 118	132
ИЗ НИХ	небольшой тяжести	457	39
	средней тяжести	1 288	66
	тяжкие	301	24
	особо тяжкие	72	3

Источник: Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК⁸

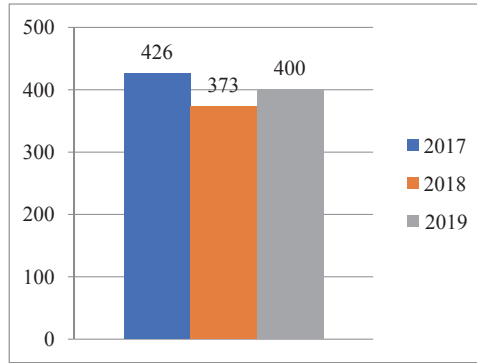

Рис. 1. Количество уголовных проступков, совершенных иностранными гражданами на территории Республики Казахстан в 2017–2019 гг.

Fig. 1. The number of criminal offenses committed by foreign citizens on the territory of the Republic of Kazakhstan in 2017–2019

⁷ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.07.2021 г.) // Юрист. Информационно-правовой портал Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 22.07.2021).

⁸ Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [сайт]. URL: <http://qamqor.gov.kz> (дата обращения: 22.07.2021).

Рис. 2. Количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных иностранными гражданами на территории Республики Казахстан в 2017–2019 гг.
Fig. 2. The number of grave and especially grave crimes committed by foreign citizens on the territory of the Republic of Kazakhstan in 2017–2019

Источник: Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК

Анализ статистики за последние три года (2017–2019 гг.) позволяет сделать вывод о том, что количество уголовных правонарушений, совершенных гражданами других государств, ежегодно снижается. При этом количество тяжких и особо тяжких преступлений не имеет устойчивой тенденции к снижению (см. рис. 1, 2). Таким образом, на основе имеющихся данных можно сделать вывод о том, что предпринимаемые меры по предупреждению преступности являются не в полной мере эффективными.

Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК позволяет посмотреть на картину преступности в разрезе количества субъектов уголовных правонарушений в зависимости от:

- гражданства (граждане РК, СНГ, иностранные граждане);
- пола (мужчины, женщины);
- возраста (12–13 лет, 14–15 лет, 16–17 лет, 18–20 лет, 21–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50–59 лет, 60 лет и выше),
- рода занятий (рабочие, госслужащие, предприниматели, учащиеся, безработные, военнослужащие),
- уровня образования (высшее, среднее и средне-специальное).

Однако из представленных статистических данных невозможно установить портрет личности преступника-мигранта, совершившего уголовное правонарушение в Казахстане (пол, возраст, род занятий, уровень образования). Соответственно, представляется невозможным разработать адресные меры предупреждения преступности мигрантов.

По мнению В. В. Соболяникова, необходимость уточнения субъекта преступной деятельности – мигранта является чрезвычайно важной, поскольку дает точный критерий отнесения лица, совершившего преступление, к категории мигрантов [1].

И. Е. Нежибецкая выделила два критерия определения преступника-мигранта: место совершения преступления и место постоянного жительства. При их несовпадении преступника можно считать мигрантом (криминальный мигрант, приезжий преступник, преступник-гастролер) [2].

Криминологически значимые факторы преступности мигрантов

Если вести речь не только о внешней, но и о внутренней миграции, то для предупреждения преступности также необходимо установить криминологически значимые факторы.

В 2017 г. почти одну треть из всех уголовных правонарушений совершили безработные (96 127 из 316 418), также в одной трети из них правонарушители имели только среднее или средне-специальное образование (99 642 из 316 418). При этом из представленных статистических данных невозможно установить, были ли они коренными жителями или внутренними мигрантами.

К примеру, в Алматы – 64,8 тыс. учащихся колледжей, 131,3 тыс. студентов очной формы обучения всех возрастов. Из всего этого контингента только 60,9 тыс. (46%) студентов вузов – алматинцы. Не обучающееся и не работающее население в возрасте 15–28 лет (включая самозанятых и неформально занятых) составляет 91 тыс. человек, или 21,4% всей целевой возрастной группы. Несомненно, что обнищание и утрата веры в будущее провоцируют рост преступности средней тяжести: кражи составляют более 73%, мошенничество – 11% всех преступлений в городе с уровнем преступности 356 случаев на 10 000 жителей. За 62 811 преступлений в 2017 г. в Алматы были осуждены 10 894 человека, в том числе 5 106 преступников в возрасте 15–29 лет⁹. Согласно Закону о государственной молодежной политике¹⁰, молодежь – это граждане Республики Казахстан от четырнадцати до двадцати девяти лет. По вышеуказанной статистике видно, что половина осужденных в городе Алматы относятся к категории молодежи. Молодежь, являясь наиболее мобильной категорией населения, мигрирует в экономические точки роста.

Основным фактором, влияющим на принятие решения о миграции, является экономический – низкий уровень доходов, отсутствие перспектив карьерного роста. Миграционные потоки притягиваются в регионы с более высоким валовым региональным продуктом на душу населения. В 2014 г. наиболее высокий уровень ВРП на душу населения отмечался в западных регионах страны, а также в городах Астана и Алматы. К примеру, вклад города Алматы в ВВП страны – 22%, что является очень высоким показателем по сравнению с другими регионами или населенными пунктами Казахстана. Согласно прогнозу правительства, при уровне урбанизации на конец 2014 г. 56,7% для дальнейшего развития страны требуется сосредоточение в городской местности не менее 70% населения¹¹. При таком уровне урбанизации вопросы предупреждения преступности станут еще более актуальными.

Факторы преступности представителей государственных структур в сфере миграции

⁹ Айман Турсынкан: В Алматы 21% молодых людей не работают и не учатся // Forbes Казахстан. Журнал. 23.07.2018. URL: https://forbes.kz/process/expertise/ayman_tursyinkan_v_almaty_21_molodyih_lyudey_ne_rabotayut_i_ne_uchatsya (дата обращения: 25.07.2021).

¹⁰ Закон Республики Казахстан от 9 февраля 2015 года № 285-V «О государственной молодежной политике» (с изменениями по состоянию на 07.07.2020 г.) // Юрист. Информационно-правовой портал Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31661446 (дата обращения: 25.07.2021).

¹¹ Указ Президента Республики Казахстан от 21 июля 2011 года № 118 «Об утверждении Прогнозной схемы территориально-пространственного развития страны до 2020 года» // Әділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000118/links> (дата обращения: 25.07.2021).

Одним из криминологически значимых факторов совершения преступлений мигрантами является наличие негативных явлений, которые присущи казахстанскому обществу, в том числе существование коррупции в органах государственной власти, многочисленных примеров совершения преступлений сотрудниками миграционной полиции. Сотрудники Министерства внутренних дел (МВД) РК за последние три года совершили больше коррупционных и иных уголовных правонарушений против интересов государственной службы и государственного управления, чем работники других органов власти и управления, вместе взятые (сотрудники Комитета национальной безопасности (КНБ), Прокуратуры, Службы экономических расследований, таможи, органов уголовно-исполнительной системы, судьи, депутаты, акимы, судебные исполнители, сотрудники налоговой службы, военнослужащие) (см. табл. 2).

Таблица 2.

Количество коррупционных и иных уголовных правонарушений против интересов государственной службы и государственного управления

Table 2.

The number of corruption and other criminal offenses against the interests of public service and public administration

Год	Сотрудники МВД	Работники других органов власти и управления
2017	348	84
2018	308	76
2019	198	57

Источник: Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК

При этом необходимо отметить, что количество уголовных правонарушений, совершенных сотрудниками МВД, ежегодно снижается, как и количество уголовных правонарушений, совершенных работниками других органов власти и управления. Это может вызывать доверие к ним, которое нужно завоевывать, в том числе перенимая позитивный опыт зарубежных стран. К примеру, в Англии и Уэльсе доверие к полиции выше в районах, где проживает больше иммигрантов [3].

Касательно преступлений по организации незаконной миграции, предусмотренного статьей 394 Уголовного кодекса РК, картина за последние три года выглядит следующим образом (см. табл. 3):

Таблица 3.

Количество преступлений по организации незаконной миграции

Table 3.

The number of crimes related to the organization of illegal migration

Год	Сотрудники МВД	Сотрудники КНБ
2017	10	-
2018	9	13
2019	10	1

Источник: Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК

Принимаемые государством специальные меры предупреждения преступности в виде принятия правовых норм по установлению контроля над внутренней миграцией не всегда однозначны и вызывают общественный резонанс. Так, введение временной регистрации граждан по месту их проживания Законом по вопросам противодействия экстремизму и терроризму от 22 декабря 2016 г.¹² послужило причиной огромных очередей в центрах обслуживания населения и негативных комментариев в прессе в адрес реформы. Суть нововведений состояла в том, что вводилась административная ответственность в виде штрафа за проживание граждан Республики Казахстан без наличия регистрации в месте временного пребывания свыше одного месяца и за допущение арендодателем проживания физических лиц без регистрации. Исполнители реформы не смогли четко и внятно донести до населения, каким образом принимаемые меры по временной регистрации могут помочь в борьбе с экстремизмом и терроризмом, а также в целом с преступностью. В содержании реформы скорее лежали социально-экономические причины для планирования городской застройки, определения нагрузки на социальную инфраструктуру в виде школ, больниц и т. д. Наивно предполагать, что преступники, намеревающиеся совершить преступление, будут проходить временную регистрацию в населенном пункте прибытия, тем более что закон требует от них пройти регистрацию при проживании свыше десяти дней. Они могут всего за несколько дней совершить ряд запланированных преступлений и уехать обратно на свое постоянное место жительства либо в другую местность.

Учитывая, что количество уголовных правонарушений, совершенных сотрудниками МВД больше, чем сотрудниками других органов, предоставление широких возможностей по привлечению к ответственности граждан и собственников жилищ за отсутствие временной регистрации усиливает коррупционные риски. Вместо этого нужно было пойти по опыту развитых зарубежных стран и поставить временную регистрацию в необходимость при получении различных услуг и социальной помощи, а не в обязательность, при нарушении которой наступает юридическая ответственность. Демонстрация факта регистрации по месту жительства при получении различных услуг практически аннулирует коррупционные риски, так как исключается контакт с сотрудником органов внутренних дел и вопрос о привлечении к ответственности за отсутствие регистрации.

Социально-экономические меры предупреждения преступности мигрантов

Если при действующем уровне урбанизации большинство преступлений совершается безработными, то при еще большей урбанизации вопросы обеспечения занятости становятся наиболее острыми. Так, по данным Генеральной прокуратуры, 80% преступников – безработные в возрасте от 25 до 45 лет¹³.

В этом случае необходимо будет заниматься ранним предупреждением преступности. Как отмечает А. И. Долгова, «если в государстве планируется ослабление миграционного режима или ожидается вступление в действие других обстоятельств, повышающих приток мигрантов, необходимы меры по созданию достаточного ко-

¹² Закон Республики Казахстан от 22 декабря 2016 года № 28-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия экстремизму и терроризму» // Эділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000028> (дата обращения: 25.07.2021).

¹³ Айман Турсынкан: В Алматы 21% молодых людей не работают и не учатся.

личества рабочих мест для мигрантов, обеспечению их социальной, экономической и бытовой интеграции в общество, предотвращению возможных конфликтов на национальной и расовой почве» [4].

Известный теоретик криминологии Н. Г. Иванов полагает, что основой социальной профилактики должно быть повышение нравственных устоев общества. Обосновывается корреляция: государственная нестабильность – падение нравственности и рост психотравмирующих факторов – рост преступности [5].

Заслуживает внимания и мнение авторов исследования по вопросам усовершенствования регулирования агломерационного развития для Министерства национальной экономики РК на базе четырех крупнейших городов: Алматы, Астана, Шымкент и Актобе, – которые провели глубокий анализ ключевых факторов влияния на качество жизни. Они отмечали, что «безудержный циничный маркетинг потребительского кредитования вместе с жесточайшим репрессивным механизмом коллиторских услуг привели к полному разрушению моральных барьеров для перехода в категорию преступника вполне воспитанных и добропорядочных граждан. Безысходность, огромный социальный разрыв (15-кратный в селах, 20-кратный в городах), наряду с соблазнами легкой добычи и вседозволенности, а также быстро распространяющимся бытовым насилием – это отравляющий некрепкое юношеское сознание букет искривленной морали... Нарочитое вытирание крупными купюрами ботинок, разбрасывание золотых монет на шашу на свадьбах в 1000 человек на зарубежных курортах, поедание тортов за 100 тыс. долл. членами семей осужденных за коррупцию чиновников и 12-часовое таскание тележек за 500 тенге в день в реальности молодого и неглупого парня, приехавшего на заработки в город из аула – кому не снесет крышу такой диссонанс в неродном месте, где можно и нагадить?»¹⁴.

Большую роль в общекриминологическом предупреждении преступности играют все государственные органы, ответственные за социально-экономическое развитие, а не только органы правопорядка. А. И. Шеслер отмечает, что «общекриминологическое предупреждение осуществляется в основном теми субъектами, которые решают общесоциальные задачи, не связанные с обеспечением правопорядка в обществе, и теми мерами, которые, как правило, не связаны с принуждением» [6].

Следует отметить, что и государство, понимая актуальность возникающих вопросов по социализации молодежи, внутренней миграции, принимает соответствующие программы, реализует необходимые проекты. Так, с 2014 г. реализуется социальный проект «Серпін-2050»¹⁵ с целью обучения и трудоустройства молодежи из трудоизбыточных регионов страны (Алматинской, Южно-Казахстанской, Жамбылской, Кызылординской, Мангистауской областей) в регионах, испытывающих дефицит кадров. В настоящее время обучение проходит 11 605 студентов, из которых 2 931 – учащиеся 53 колледжей, 8 674 – студенты 22 ВУЗов. Программа предусматривает также выплату стипендий, предоставление общежитий и содействие в трудоустройстве.

Данный проект был введен в действие, так как согласно прогнозной оценке, численность населения страны к 2050 г. составит 24,5 млн человек. При сохранении текущих тенденций население северных областей сократится на 0,9 млн человек, а юж-

¹⁴ Айман Турсынкан: В Алматы 21% молодых людей не работают и не учатся.

¹⁵ Проект «Серпін-2050»: особенности и показатели развития // Strategy 2050. Обзорно-аналитический портал. URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/51615/> (дата обращения: 28.07.2021).

ных областей – вырастет на 5,3 млн человек. При этом плотность населения южных областей будет в четыре раза превышать плотность населения северных¹⁶.

Создание рабочих мест и обеспечение занятости населения реализуется по Программе развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017–2021 гг.¹⁷ Лица, принимающие участие в данной программе, обеспечиваются бесплатным техническим и профессиональным образованием и краткосрочным профессиональным обучением. Количество участников, обеспеченных бесплатным техническим и профессиональным образованием, планируется увеличить с 21,3 тыс. в 2017 г. до 70 тыс. в 2021 г., а охват краткосрочным профессиональным обучением составит 26 тыс. в 2017 г. и 56 тыс. в 2021 г.

Для обеспечения трудодефицитных регионов рабочей силой, ликвидации региональных диспропорций и демографических дисбалансов, в рамках Программы за счет содействия в добровольном переселении поощряется территориальная мобильность трудовых ресурсов. Поддержка государства межрегионального переселения на добровольной основе включает в себя:

- 1) материальную помощь на переезд (единовременная помощь в размере 35 МРП на главу и каждого члена семьи);
- 2) оплату расходов по аренде жилья и коммунальных услуг (в течение двенадцати месяцев);
- 3) предоставление служебных квартир, домов и комнат в общежитиях для рабочей молодежи;
- 4) выдачу субсидий работодателям, которые оказывают помощь в переселении (в размере 450 МРП за каждого работника, принятого на постоянную работу при устройстве на работу не менее пяти участников Программы);
- 5) обучение по техническому и профессиональному образованию и краткосрочным профессиональным курсам при необходимости;
- 6) оказание помощи в устройстве на работу и развитии бизнеса на новом месте проживания.

Краткий обзор далеко неполного перечня государственных программ и проектов, направленных на обеспечение продуктивной занятости населения, дает основание полагать, что государство не бездействует и предпринимает необходимые меры. Однако данные меры, оставаясь общими мерами предупреждения преступности, являются недостаточно полными. Хотя недавние исследования за рубежом поставили под сомнение причинно-следственную связь между уровнем занятости и предупреждением преступности [7]. Другие исследования показывают, что только регулярная занятость может значительно снизить вероятность преступлений [8]. При этом не-

---

¹⁶ Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2016 года № 919 «Об утверждении Программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017–2021 годы, внесении изменения и дополнения в постановление Правительства Республики Казахстан от 30 декабря 2015 года № 1136 “Об утверждении перечня правительственных программ и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Казахстан” // Әділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000919> (дата обращения: 28.07.2021).

¹⁷ Постановление Правительства Республики Казахстан от 13 ноября 2018 года № 746 «Об утверждении Государственной программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017–2021 годы “Еңбек”» // Әділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000746> (дата обращения: 28.07.2021).

которые авторы отмечают, что готовность трудоустроиться даже на неполный рабочий день служит показателем приверженности просоциальным установкам [9]. Есть и иные интересные исследования, которые проводят взаимосвязь между инфляцией и ростом преступности. Так, Р. Розенфельд и Д. Вайсбурд анализируют взаимосвязь между преступлениями, совершенными ради денежной прибыли, и социальным индикатором, который ранее не фигурировал в исследованиях по проблемам преступности – инфляцией. По их мнению, повышение цен приводит к росту ставок грабежа и количества имущественных преступлений, стимулируя спрос на дешевые похищенные товары [10].

Заключение

Таким образом, подводя итоги, можно сделать следующие выводы и предложить ряд рекомендаций:

1. При ведении статистики уголовных правонарушений следует учитывать место постоянного жительства субъекта преступления, чтобы знать целостную картину по миграционной преступности и принимать меры по ее предупреждению. К примеру, власти города Алматы обнародовали статистику, согласно которой 31% привлеченных к уголовной ответственности – это иногородние и выходцы из ближнего зарубежья (1785 из 5626 человек)¹⁸.

2. Необходима дифференциация статистики по уголовным правонарушениям, совершенным мигрантами по дополнительным критериям: пол, возраст, род занятий, уровень образования. Это нужно для того, чтобы оценить жизнеспособность программ по интеграции мигрантов в общество, выявить причины и условия, способствовавшие совершению уголовных правонарушений, определить пути и средства их предупреждения.

3. В тематику лотов государственного социального заказа важно включить вопросы адаптации и интеграции мигрантов. Это даст возможность местным акиматам и общественным организациям как неспециализированным субъектам предупреждения преступности реализовывать социальные проекты в данной сфере, создавать различные программы оказания помощи, которые помогут мигранту улучшить условия быта, создать собственные источники дохода, заменить свои отрицательные социальные взгляды на позитивные, воздержаться от обращения к незаконным средствам обогащения.

4. Целесообразно усилить работу со СМИ по выбору этических формулировок в своих публикациях в целях раннего предупреждения уголовных правонарушений. Например, такие темы публикаций, как «Свой среди чужих: как трудовым мигрантам «выжить» в Казахстане?», «В Казахстане увеличилось число нелегальных мигрантов», «Понаехавшие»: понять и простить», «Цена на легального гастарбайтера» и т. п. не способствуют созданию в обществе положительных представлений о мигрантах, их интеграции в общество, бесконфликтному взаимодействию с местными жителями. СМИ должны на системной основе показывать примеры успешной интеграции мигрантов в общество, их разностороннего вклада в развитие страны. Негативные

¹⁸ Что власти Алматы сделают для безопасности горожан. Байбек перечислил по пунктам // InformBuro. Информационно-аналитический портал Республики Казахстан. 10.08.2018. URL: <https://informburo.kz/stati/chto-vlasti-almaty-sdelayut-dlya-bezopasnosti-gorozhan-baybek-perechislil-po-punktam.html> (дата обращения: 28.07.2021).

информационные материалы представляют собой криминогенный фактор дискриминационного разделения граждан на разные категории [11].

5. Важно исключить из законодательства и использования в СМИ, государственных органах понятие «нелегальный мигрант» или «незаконный мигрант». Термин «незаконный» надо использовать только для обозначения действия, а не для описания человека. Сам человек не может стать «незаконным» из-за совершения правонарушения. Кроме того, надо учитывать и презумпцию невиновности до решения суда. Термин «нелегальный/незаконный мигрант» стигматизирует мигрантов, что может приводить к дискриминации, ограничению прав какой-то группы. К примеру, Н. де Генова признал формулировку «нелегальный мигрант» побочным продуктом иммиграционного законодательства [12]. Также можно согласиться с мнениями о том, что «человек не может быть нелегальным, вне рамок права и закона, подобная дефиниция применима лишь к правовым актам» [13], «само использование термина “нелегальный мигрант” является политически и человечески некорректной формой обозначения незаконной миграции» [14]. В данной связи представляется некорректным действие МВД Казахстана по приданию оперативно-профилактическому мероприятию названия «Нелегал-2017»¹⁹.

6. В целях уменьшения числа совершаемых уголовных правонарушений в будущем необходимы меры, которые формируют в обществе позитивный нравственный климат. В этом плане нужно широко использовать ресурсы негосударственных субъектов предупреждения преступности в лице неправительственных организаций и популярных лидеров мнений в социальных сетях. Особо следует популяризировать и финансировать публикации по ликвидации правовой безграмотности и нигилизма, повышению духовно-нравственных устоев.

7. Привлечение общественности к иммиграционным правоохранительным органам приводит к важным гражданским побочным продуктам: оно «создает» граждан и гражданство. Оно дает гражданскую подготовку, прививая чувство гражданской ответственности в поддержании правопорядка, и при этом оно помогает воссоздать социальную сплоченность в глубоко фрагментированном обществе [15].

8. К написанию социально-экономических программ необходимо привлекать ученых-криминологов для определения эффективности предлагаемых мер по воздействию на преступность. Основными потребителями знаний криминологов должны стать политики, практики, широкая публика [10].

9. Нужно создать научный совет при уполномоченном органе по миграции, включающий ведущих ученых страны, специализирующихся в сфере изучения миграции, предупреждения преступности.

10. Учитывая, что причины преступности обусловлены социально-экономическими, политическими, нравственными проблемами, присущими казахстанскому обществу, в частности существованием коррупции в органах государственной власти, ответственных за регулирование миграционных процессов и расследование преступлений, совершенных мигрантами, в качестве мер общей профилактики необходимо повсеместное внедрение принципа транспарентности на всех уровнях государственного управления.

---

¹⁹ Операция «Нелегал-2017» в Казахстане касается не только граждан Кыргызстана – МВД // InformBuro. Информационно-аналитический портал Республики Казахстан. 10.08.2018. URL: <https://informburo.kz/novosti/operaciya-nelegal-2017-v-kazahstane-kasaetsya-ne-tolko-grazhdan-kyrgyzstana-mvd.html> (дата обращения: 28.07.2021).

Список литературы

1. *Собольников В. В.* Понятие миграционной преступности и проблемы ее определения // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 3 (25). С. 119–133.
2. *Нежибецкая И. Е.* Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с преступностью мигрантов России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Академия управления МВД Российской Федерации. – Москва, 2007. – 21 с.
3. *Bradford B., Sergeant E., Murphy K., Jackson J.* A Leap of Faith? Trust in the Police Among Immigrants in England and Wales. *The British Journal of Criminology*. 2017. Vol. 57. No. 2. Pp. 381–401. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjc/azv126>.
4. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – 912 с. ISBN: 5-89123-931-0.
5. *Иванов Н. Г.* Проблемы уголовной ответственности лиц с психическими аномалиями: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1997. – 459 с.
6. *Шеслер А. В.* Групповая преступность (криминологические и уголовно-правовые аспекты): диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Екатеринбург, 2000. – 395 с.
7. *Aaltonen M.* Post-release Employment of Desisting Inmates. *The British Journal of Criminology*. 2016. Vol. 56. No. 2. Pp. 350–369. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjc/azv047>.
8. *Mesters G., van der Geest V., Bijleveld C.* Crime, Employment and Social Welfare: An Individual-Level Study on Disadvantaged Males. *Journal of Quantitative Criminology*. 2016. Vol. 32. No. 2. Pp. 159–190. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10940-015-9258-5>.
9. *Kleck G., Jackson D.* What Kind of Joblessness Affects Crime? A National Case–Control Study of Serious Property Crime. *Journal of Quantitative Criminology*. 2016. Vol. 32. No. 4. Pp. 489–513. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10940-016-9282-0>.
10. *Rosenfeld R., Weisburd D.* Explaining Recent Crime Trends: Introduction to the Special Issue. *Journal of Quantitative Criminology*. 2016. Vol. 32. No. 3. Pp. 329–334. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10940-016-9317-6>.
11. *Матаева М. Х., Жампеисов Д. А.* Проблемы и перспективы предупреждения преступлений в сфере этнической репатриации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 165–172.
12. *De Genova N. P.* Migrant “Illegality” and Deportability in Everyday Life. *Annual Review of Anthropology*. 2002. Vol. 31. Pp. 419–447. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.31.040402.085432>.
13. *Kraal K.* Regularisation: A Misguided Option or Part and Parcel of a Comprehensive Policy Response to Irregular Migration? IMISCOE Working Paper No. 24. 2009. 39 p.
14. *Baldwin-Edwards M.* Towards a Theory of Illegal Migration: Historical and Structural Components. *Third World Quarterly*. 2008. Vol. 29. No. 7. Pp. 1449–1459. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436590802386690>.
15. *Aliverti A.* Enlisting the Public in the Policing of Immigration. *The British Journal of Criminology*. 2015. Vol. 55. No. 2. Pp. 215–230. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjc/azu102>.

Сведения об авторах:

Жампеисов Даурен Абильтаевич, магистр юриспруденции, докторант Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета, Семей, Казахстан.

Контактная информация: e-mail: daurxxvek@bk.ru; ORCID ID: 0000-0002-0400-2826; Scopus Author ID: 57216761576; РИНЦ Author ID: 1127143.

Жампеисов Думан Абильтаевич, доктор философии (PhD) по специальности «Юриспруденция», ассоциированный профессор Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета, Семей, Казахстан.

Контактная информация: e-mail: duman_d@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4657-8660; Scopus Author ID: 55835902100; РИНЦ Author ID: 832904.

Статья поступила в редакцию 22.06.2021.2021; принята в печать 26.08.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

CRIME IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: SOCIO-ECONOMIC, SOCIOCULTURAL AND MIGRATION FACTORS

Dauren A. Zhampeissov

Kazakh Humanitarian Law Innovative University, Semey, Kazakhstan

E-mail: daurxxvek@bk.ru

Duman A. Zhampeissov

Kazakh Humanitarian Law Innovative University, Semey, Kazakhstan

E-mail: duman_d@mail.ru

For citation: Dauren A. Zhampeissov, Duman A. Zhampeissov. Crime in the Republic of Kazakhstan: Socio-Economic, Socio-cultural and Migration Factors. DEMIS. Demographic Research. 2021. Vol. 1. No 4. Pp. 82–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.7>.

Abstract. *The article discusses the problematic issues of preventing crimes committed by both international and internal migrants in the Republic of Kazakhstan, analyzes the causes and conditions that contribute to the commission of crimes by migrants, draws conclusions and provides recommendations for the development of new ways and means of preventing crime of migrants. The authors analyze the official statistics of migrant crime over the past three years (2017–2019) through the Information Service of the Committee on Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan and pointed out the need for more detailed regulation of some quantitative and qualitative indicators of statistical information. It is concluded that it is necessary to differentiate statistics on criminal offenses committed by migrants. The authors substantiate the important role of improving the moral and legal culture of the population by involving the media and non-governmental organizations as a measure to prevent the crime of migrants. In order to reduce the crime rate of migrants, measures are needed that create favorable socio-economic conditions and a positive moral climate in society. Among the criminologically significant factors in the crime of migrants, the presence of negative phenomena, such as the existence of corruption in government bodies, is indicated. The authors propose to approve the temporary registration of migrants, which would be necessary when receiving various services and social assistance, and not an obligation, in case of violation of which legal liability arises.*

Keywords: *crime, migration, the Republic of Kazakhstan, crime prevention, migration policy, socio-economic development, demographic development.*

References

1. Sobolnikov V. V. The Concept of Immigration Crime and Problems of Its Definition. *Leningrad Legal Journal*. 2011. No. 3 (25). Pp. 119–133. (In Russ.)
2. Nezhibetskaya I. E. *Kriminologicheskiye i ugovolno-pravovyye mery bor'by s prestupnost'yu migrantov Rossii* [Criminological and criminal law measures to combat crime of migrants in Russia]: thesis abstract for the degree of candidate of legal sciences / Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2007. 21 p. (In Russ.)
3. Bradford B., Sergeant E., Murphy K., Jackson J. A Leap of Faith? Trust in the Police Among Immigrants in England and Wales. *The British Journal of Criminology*. 2017. Vol. 57. No. 2. Pp. 381–401. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjc/azv126>.
4. *Kriminologiya* [Criminology]: Textbook for universities / A. I. Dolgova (ed.) 3rd ed., rev. and add. Moscow: Norma Publishing House, 2005. 912 p. ISBN: 5-89123-931-0. (In Russ.)
5. Ivanov N. G. *Problemy ugovolnoy otvetstvennosti lits s psikhicheskimi anomaliyami* [Problems of criminal liability of persons with mental abnormalities]: dissertation for the degree of Doctor of Law / Lomonosov Moscow State University. Moscow, 1997. 459 p. (In Russ.)
6. Shesler A. V. *Gruppovaya prestupnost' (kriminologicheskiye i ugovolno-pravovyye aspekty)* [Group crime (criminological and criminal-legal aspects)]: dissertation for the degree of Doctor of Law / Ekaterinburg, 2000. 395 p.
7. Aaltonen M. Post-Release Employment of Desisting Inmates. *The British Journal of Criminology*. 2016. Vol. 56. No. 2. Pp. 350–369. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjc/azv047>.
8. Mesters G., van der Geest V., Bijleveld C. Crime, Employment and Social Welfare: An Individual-Level Study on Disadvantaged Males. *Journal of Quantitative Criminology*. 2016. Vol. 32. No. 2. Pp.

159–190. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10940-015-9258-5>.

9. Kleck G., Jackson D. What Kind of Joblessness Affects Crime? A National Case–Control Study of Serious Property Crime. *Journal of Quantitative Criminology*. 2016. Vol. 32. No. 4. Pp. 489–513. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10940-016-9282-0>.

10. Rosenfeld R., Weisburd D. Explaining Recent Crime Trends: Introduction to the Special Issue. *Journal of Quantitative Criminology*. 2016. Vol. 32. No. 3. Pp. 329–334. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10940-016-9317-6>.

11. Mataeva M. H., Zhampeisov D. A. Problems and Prospects of Ethnic Repatriation Crime Prevention. *Russian Journal of Criminology*. 2013. No. 3. Pp. 165–172. (In Russ.)

12. De Genova N. P. Migrant “Illegality” and Deportability in Everyday Life. *Annual Review of Anthropology*. 2002. Vol. 31. Pp. 419–447. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.31.040402.085432>.

13. Kraal K. Regularisation: A Misguided Option or Part and Parcel of a Comprehensive Policy Response to Irregular Migration? *IMISCOE Working Paper No. 24*. 2009. 39 p.

14. Baldwin-Edwards M. Towards a Theory of Illegal Migration: Historical and Structural Components. *Third World Quarterly*. 2008. Vol. 29. No. 7. Pp. 1449–1459. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436590802386690>.

15. Aliverti A. Enlisting the Public in the Policing of Immigration. *The British Journal of Criminology*. 2015. Vol. 55. No. 2. Pp. 215–230. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjc/azu102>.

Bio note:

Dauren A. Zhampeisov, Master of Law, Postgraduate Student, Kazakh Humanitarian Law Innovative University, Semey, Kazakhstan.

Contact information: e-mail: daurxxvek@bk.ru; ORCID ID: 0000-0002-0400-2826; Scopus Author ID: 57216761576; ; RSCI Author ID: 1127143.

Duman A. Zhampeisov, PhD in Law, Associate Professor, Kazakh Humanitarian Law Innovative University, Semey, Kazakhstan.

Contact information: e-mail: duman_d@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4657-8660; Scopus Author ID: 55835902100; RSCI Author ID: 832904.

Received on 22.06.2021; accepted for publication on 26.08.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

CHINESE MOBILE YOUTH'S INTENTIONS TO STAY IN THE CITY¹

Feng Chengcai

Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, China

E-mail: xiaoxia5605@163.com

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Evgeniya M. Moiseeva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.8>

For citation: Feng Chengcai, Sergey V. Ryazantsev, Evgeniya M. Moiseeva. Chinese Mobile Youth's Intentions to Stay in the City. DEMIS. Demographic Research. 2021. Vol. 1. No 4. P. 96–114. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.8>.

Abstract. *In the new era, the motivation of young migrant white-collar and blue-collar workers to stay in cities is different. Through in-depth interviews, we found out that economic factors have different attraction mechanisms for migrant youth to stay in Shanghai. Income level is the most direct factor for migrant youth' decision-making, but white-collar workers still pay more attention to the prospects of urban development. Social integration has different effects on the retention mentality of migrant youth as well. High-quality urban integration promotes the willingness of white-collar workers to stay in the city, and the weak sense of urban belonging of blue-collar workers does not hinder their urban retention decision-making. Living conditions have different push and pull effects on migrant youth staying in cities. White collar workers have better living conditions and can purchase real estate, so as to complete the process of citizenization*. Blue collar workers cannot buy real estate and have poor living conditions, so it is easy to push them out of the city. Policy factors also have different bonding effects on migrant youth's residence. The policy has bonded high-quality white-collar workers and promoted their strong willingness to stay. However, it has squeezed blue collar workers to a certain extent, but it has no obvious effect on their decision-making and willingness to stay. Migrant young white-collar workers comprehensively measure various factors to determine whether to stay, while migrant young blue-collar workers mainly decide whether to stay based on income level. The decision-making and willingness of the new generation of migrant youth to stay in cities have tended to be reasonable. Based on this, this paper puts forward the idea of 'tripartite promotion' to promote the rational flow of youth.*

Keywords: *new generation of migrant youth, white-collar worker, blue-collar worker, residence willingness, tripartite promotion.*

Introduction

According to the results of the 2020 Seventh National Population Census, China's floating population is about 376 million people. Compared to 2010, the floating population

---

¹ A comparative study based on the survey of white-collar and blue-collar migrant youth in Shanghai

has increased by 69.73%, and the urbanization rate in mainland China has reached 63.89%². Compared to urbanization levels in developed countries, China is still on its way from 'rural China' that has existed for thousands of years to 'urban China.' Under the new urbanization strategy, the floating population has become an important resource for urbanization and development. In this context, China has produced a huge number of 'floating youth groups.' According to the statistics, the number of migrant young people has exceeded 100 million.

Over the years, Chinese academic circles have been interested in research on migrant youth, aiming to understand the flow, characteristics, and social influence of the large numbers of Chinese migrant young people, and put forward countermeasures and suggestions that are conducive to the urban development of migrant youth groups in China. However, the actual situation is contrary to expectations. Some migrant youths find themselves to be not in the place where they went to, especially in the first-tier cities in China. They get unable to develop embeddedly, and even commit crimes in the new place due to many subjective and objective reasons. However, they are an important resource for the country's future urban construction. For this reason, some large cities, including Hangzhou, Suzhou, Zhengzhou, Hefei, Nanjing, etc., compete for migrant young talents through population policy regulation systems to promote local economic and social development. In light of this, in 2020, Shanghai introduced a new settlement policy to attract more young talents who would take root in the city and contribute to urban construction.

Most of the research on migrant youth groups in China is empirical and based on mathematical analysis of statistical data. Sometimes, these studies also analyze migration purposes, group characteristics, willingness to stay, and social integration of migrant youth in some cities in China, so as to put forward suggestions for urban development that promote migrant youth groups. But only through data analysis, it is difficult to understand the true thoughts of migrant young people on their willingness to stay in the city. In addition, most academic studies on the willingness of migrant youth to stay in cities regard the youth as a whole or focus on the study of young migrant workers. However, in reality, the composition of migrant youth is more complicated. This article focuses on a comparative study on the white-collar and blue-collar groups of urban migrant youth. The aim of the research is to find out what is the difference between the two groups' willingness to stay in the city, what factors affect the willingness of the two groups to stay, and what measures the city should take to address the urban development problems of the two groups respectively.

Literature review

In Chinese academic circles, the research on the willingness of the floating population to stay in cities is mainly conducted from the following perspectives. The first is the investigation of migrant workers' residency status. Relevant studies have found out that migrant workers are the main force of the urban floating population, but it is difficult for them to stay in cities. When a young migrant comes to the city for a higher income, he or she demonstrates "pendulum-like" characteristics of the movement, as the person returns to the place of origin after saving a certain amount of money [1]. However, with the development

² Main Data of the Seventh National Population Census // National Bureau of Statistics of China [site]. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t20210510_1817185.html (accessed on 08.06.2021).

* This refers to the "hukou" system of household registration used in mainland China.

of the country's economy and society, as well as the progress of urbanization, the new generation of migrant workers has become more and more willing to stay in cities [2].

In terms of gender, some researchers believe that migrant women are more willing to stay in cities, while men consider their family status and are more willing to return to their hometowns. However, whether gender factors affect the willingness to stay is still controversial [3]. There is also controversy regarding the influence of age on migrants' willingness to move. Most scholars believe that as age increases, the willingness of migrants to stay will increase, but it will decrease when they are old [4]. Residential intentions present an inverted "V" relationship [5]. Hu Xinqiang's research found that the "post-80s" migrants are more willing to stay in cities than the "post-90s" [6]. Some scholars also believe that age has no significant effect on migrants' willingness to stay [7].

From the perspective of migration policy, the household registration system in China (hukou) has the most significant influence on the willingness of the floating population to stay. Academics generally believe that the household registration system is an important institutional factor that weakens the willingness of the floating population to stay [8]. Some scholars also believe that the household registration system is losing its institutional advantages, and its role in attracting migrants is declining [9] believes that the household registration system does not necessarily affect the willingness of migrants to stay [10]. As migrants get married and have children in cities, they have more and more expectations for hukou. At the same time, the city's social security capabilities are also an important decision-making basis for the migrant population's willingness to stay [11]. In terms of family factors, it is generally believed that migrants with families have a higher willingness to stay in the city, but Zhao Yandong and Wang Fenyu (2002) believe that family migration means an increase in the cost of living, which affects migrants' willingness to stay in big cities [12].

From the perspective of education, the level of education has a positive effect on the willingness to stay in the city [13]. Analyzing the willingness of the floating population to stay from an economic point of view, is an important factor that most scholars point out. Previously, related studies found that the level of income is the dominant factor for migrants to stay in the city [14]. However, some studies have shown that income does not have much impact on the willingness of migrants to stay [15]. At the same time, career stability and social status are also important factors for the willingness of migrants to stay in cities [16]. In addition, the form and conditions of residence also have an important influence on the willingness of the floating population to stay [17]. However, some scholars have found that the continuous increase in housing prices has a reverse effect in the cities where migrants live [18]. From the perspective of urban public services, the more public service that migrants can obtain, the stronger their willingness to stay [19].

From the perspective of social integration, the social support network established by migrants in cities has an important interpersonal guarantee for their willingness to stay [20]. An increase in the level of social integration will significantly increase migrants' willingness to stay [21].

In general, good educational background, high income, and high employment position of the migrant population are strongly positively correlated with their willingness to stay in the city. In terms of strategies to improve the willingness to stay, scholars mostly focus on increasing the wages and income of the migrant population [22], breaking hukou restrictions to improve living conditions, ensure their children's schooling, and raise the level of social security [23], improving public services [24] and other aspects to increase the willingness of the floating population to stay in the city.

In terms of research content and research methods, the current domestic measurement and investigation indicators of the willingness of the floating population to stay in cities mainly fall into the following three categories: the first is the reason why the floating population stays in the city [25], and the second is the type and future plan of the city development [26], the third is a study from the perspective of migrants giving up their rural economic rights.

Research methods

This article uses qualitative research methods to compare and analyze the willingness of young migrant white-collar and blue-collar workers to stay in Shanghai. The geographic area selected for this research is Jiangchuan Road Street, Minhang District, Shanghai. The authors adopted the method of convenience sampling and selected 15 interviews with migrant white-collar workers and blue-collar workers according to their occupations. (The specific sample selection is as follows: Table 1 and Table 2).

Table 1.

Summary information on the sample situation of migrant young white-collar workers

No	Occupation	Basic situation	Time of stay in Shanghai	Form of residence
B-C1	Employee of a Fortune 500 Company	From Shandong Province, male, unmarried, master's degree, 30 years old	6 years	Government youth apartments
B-C2	State-owned enterprise official	From Henan Province, female, married, undergraduate, 35 years old	15 years	Self-purchased house
B-C3	Employee of a well-known domestic private enterprise	From Jiangsu Province, male, unmarried, undergraduate, 28 years old	7 years	Renting a house alone
B-C4	Street public servant	From Zhejiang Province, male, unmarried, undergraduate, 25 years old	5 years	Rent a house alone
B-C5	University administrator	From Hubei Province, female, unmarried, master's degree, 27 years old	4 years	School apartment
B-C6	Business entrepreneur	From Zhejiang Province, male, married, master's degree, 32 years old	9 years	Self-purchased house
B-C7	Employee of a well-known domestic private enterprise	From Anhui Province, female, unmarried, undergraduate, 23 years old	3 years	Joint rent with classmates
B-C8	Employee of a Fortune 500 Company	From Jiangsu Province, female, married, master's degree, 29 years old	6 years	Self-purchased house
B-C9	Financial company executive	From Hunan Province, male, unmarried, PhD, 34 years old	7 years	Self-purchased house
B-C10	Subdistrict civil servants section chief	From Shandong Province, male, unmarried, undergraduate, 31 years old	11 years	Self-purchased house
B-C11	Staff of Development Zone Management Committee	From Fujian Province, female, unmarried, undergraduate, 24 years old	4 years	Government youth apartments
B-C12	Consulting company staff	From Zhejiang Province, female, married, master, 29 years old	6 years	Self-purchased house
B-C13	State-owned enterprise staff	From Shandong Province, female, married, master, 30 years old	7 years	Self-purchased house
B-C14	Head of educational institution campus	From Anhui Province, male, unmarried, undergraduate, 28 years old	8 years	Self-purchased house
B-C15	Hospital nurse	From Jiangsu Province, male, married, specialist, 27 years old	8 years	Hospital apartment

Table 2.

Summary information on the sample situation of migrant young blue-collar workers

No	Occupation	Basic situation	Time of stay in Shanghai	Form of residence
L-C1	Deliverer	From Anhui Province, male, unmarried, dropped out of high school, 19 years old	2 years	Group rent in farmers' house
L-C2	Courier	From Shandong Province, male, unmarried, graduated from junior high school, 18 years old	2 years	Renting a house with parents
L-C3	Factory driver	From Anhui Province, male, married, dropped out of junior high school, 24 years old	7 years	Co-renting with other people
L-C4	Textile factory worker	From Shandong Province, female, unmarried, graduated from junior high school, 18 years old	2 years	Group rent in an apartment
L-C5	Food factory worker	From Jiangsu Province, female, unmarried, graduated from junior high school, 19 years old	3 years	Group rent in an apartment
L-C6	Restaurant waiter	From Hubei Province, male, unmarried, graduated from junior high school, 20 years old	4 years	Group rent in a farmers' house
L-C7	Supermarket tally	From Sichuan Province, female, married, dropped out of junior high school, 21 years old	3 years	Group rent in an apartment
L-C8	Taxi driver	From Jiangsu Province, male, married, dropped out of junior high school, 25 years old	8 years	Rent a house with family
L-C9	Barbershop worker	From Hunan Province, female, unmarried, graduated from junior high school, 22 years old	6 years	Joint rent with her boyfriend
L-C10	Factory mover	From Anhui Province, male, unmarried, dropped out of junior high school, 20 years old	5 years	Group rent in a farmers' house
L-C11	Courier station employee	From Yunnan Province, female, married, graduated from junior high school, 25 years old	7 years	Renting a house with family
L-C12	Mall security	From Jiangsu Province, male, unmarried, graduated from junior high school, 22 years old	3 years	Shopping mall dormitory
L-C13	construction worker	From Shaanxi Province, male, unmarried, dropped out of high school, 19 years old	2 years	Renting a house alone
L-C14	masseur	From Shanxi Province, male, unmarried, dropped out of junior high school, 16 years old	2 years	Renting a house with family
L-C15	chef	From Anhui Province, male, married, dropped out of junior high school, 26 years old	9 years	Renting a house alone

Economic factors, and mechanisms of their influence on migrant youths' willingness to stay

Classical economics believes that the migration behavior of the population is the result of economic factors, that is, the expectation of a higher income in the new place is the major motivation for migration. If the income in the new place meets or exceeds its expectation, people are willing to stay there. The theory of push and pull factors also follows this point of view: the motivation to migrate is created by the economic and social gap between the emigration area and the immigration area. Many studies have previously shown that economic factors are the dominant factors of population migration. From this perspective, the

willingness of migrant white-collar and blue-collar workers to stay in the city can be explained by Shanghai's economic development and high income levels. Our research has proved that it has a significant impact on both types of migrant workers but in two different ways.

"My annual income is about ¥250,000, which is neither high nor low in Shanghai. In addition to maintaining a living, I can save some money. Now I am buying deposits from bank wealth management products in my hometown, Tai'an, Shandong. Because there are no good companies, it is difficult to do business now. Everyone's income is not too high, and many people usually don't go back after graduation" (B-C1, 20210315³).

"Income is not a problem now. Shanghai is a financial center. The income of our financial institutions is generally higher than that of other industries. Now we are well supplied with food and clothing. What I am thinking about is how to make my life better" (B-C9, 20210320).

The answers of B-C1 and B-C9 represent the confidence of some Shanghai migrant white-collar workers in the city's economic development and income levels. Compared to their place of origin, their annual income in Shanghai is higher. This motivates Shanghai's mid- and high-income migrant white-collar workers to stay in the city for a better life.

"At first, the income of civil servants was not high – about ¥100,000 a year – but it was higher than the income of civil servants in my hometown and other places. I have no savings. Sometimes I have to ask my parents for money, but I don't consider just my income to decide whether to stay in Shanghai. I have just started working, and there will be many opportunities for me in the future" (B-C4, 20210520).

"Now our company is not doing well. My annual income is more than ¥100,000. My income is very low, but my husband's income is not bad. In Shanghai, wages are higher than in other places. Many people will stay in Shanghai at any cost" (B-C2, 20210612).

The answers of B-C4 and B-C2 illustrate that the expectation of an increase in their incomes in the future and the broad opportunities that they have in Shanghai also play an important role in white-collar workers' decision to stay in the city, although now their wages are modest, and they enjoy the financial support of their families.

On the other hand, the influence of Shanghai's economic development and income level on the willingness of migrant blue-collar youth to stay can be illustrated by the following representative interviews.

"If you are not afraid of hardship or tiredness, you can deliver many orders a day, especially on some holidays. If you have many takeaway orders, you will benefit. Now I get ¥8,000 – ¥9,000 a month when it is good, and ¥6,000 – ¥7,000 when it is bad. If I worked in a factory in my hometown, it would be about ¥3,000, and it's almost the same with takeaways there because there are not so many orders. However, Shanghai has a large number of residents and a huge demand, so the income is higher. I will continue to do food delivery in Shanghai in the next few years" (L-C1, 20210405).

The words of L-C1 represent the general idea of Shanghai's food delivery people. Due to the huge population of Shanghai, and especially the life philosophy of young people, the food delivery industry will continue to be a large market space.

"Nowadays, there are too many express deliveries, especially during the annual discount events, the warehouses are bursting everywhere, and basically it takes half a month to complete the delivery, so as long as the express work is willing to endure hardships, the income is still acceptable, which is better than the hometown job. Society now has a great demand for couriers. I want to work hard for a few years and save more money to buy a house in my hometown" (L-C2, 20210502).

The words of L-C2 also represent the general idea of the blue-collar industry of couriers. Because of the rapid development of China's express industry, it lacks mobile young blue-

³ The letters and digits before the comma indicate the sample number, the digits after the comma indicate the date of the interview. The same below.

collar workers. To attract young people to enter the industry, the wages there are relatively high. But L-C2 also mentioned that he hopes to earn more money to buy a house in his hometown. In fact, this is also the true intention of many migrant blue-collar youths. This also shows that the purpose of some migrant blue-collar youths is not to settle in the city, but to realize their dream of a better life in their hometowns.

“I work as a waiter in a supermarket now, my income is very low, about ¥ 3000 per month, but now other similar jobs are almost the same. My husband is a courier. The combined income of the two of us is not bad. In my hometown, the income of the two of us was less than half of the current income. I will stay in Shanghai for the next one or two years. But I have relatives in Hangzhou and Guangzhou, and they seem to make a lot of money. Their rents are cheaper than in Shanghai, so I also have the idea of going to other cities” (L-C7, 20210423).

The answer of L-C7 represents the general position of migrant young married female blue-collar workers. They struggle together with their families to stay in the city. Although their income is lower, they can help their families to survive in the city. Their income back home would be much lower, which is an important reason for them to stay in Shanghai. However, with the improvement of the social and economic situation in different parts of the country, the gap between Shanghai and other cities is getting smaller and smaller. For this reason, migrant youth is now attracted to other cities, and the trend of Shanghai’s population loss has become more obvious. This kind of reverse migrant flow is widespread and will persist in the future, which will affect the willingness of migrant youth to stay in the city.

“Now my hometown is developing very fast. It has become a tourist destination. Agriculture, catering, and tourism are all developing. I think of going back home and starting up a homestay. It seems promising to be my own boss” (B-C10, 20210503).

Many people hold the same opinion as B-C10. For example, B-C3 and L-C12 expressed the same idea as well. As the realization of the Chinese rural revitalization strategy continues, the economic and social development of China’s vast rural areas has begun to attract migrant youth from big cities back home, creating a reverse migrant flow.

To sum up, the economic development prospects and income levels in the migrant inflow areas have a significant direct impact on the willingness of migrant white-collar youths to stay. However, when deciding whether to stay in Shanghai, they consider not just their current income levels. They pay more attention to the development prospects of the city and their future opportunities there. Married migrant white-collar workers pay more attention to the income level in the city because they have greater family obligations. But generally speaking, they do not evaluate only their income level as well, but also pay more attention to the prospects of urban development. On the other hand, most migrant blue-collar young people value Shanghai’s relatively high income level, and they do not give much consideration to Shanghai’s future economic development prospects. Generally speaking, relatively high wages in the city are the most important factor for them, which influences their willingness to stay there. However, it should be noted that due to an increase in the level of economic and social development in other regions of the country and the realization of China’s rural revitalization plan, many young people have flowed out of Shanghai.

The impact of social integration on migrant youth’s willingness to staying in the city

The population mobility theory based on the sociological approach emphasizes the influence of the degree of social integration on the willingness of migrants to stay in the new place. According to this theory and related research, social integration affects the

willingness of the floating population to stay in cities mainly in the following aspects. One is the length of stay. The second is the social interaction with urban residents. The third is the construction and quality of social support networks in cities.

1. The length of stay in Shanghai is positively correlated with the willingness of white-collar migrant youth to stay in the city, but there is no strong correlation in the case of blue-collar young people.

As one of the social factors, the urban residence time has a significant impact on the willingness of the floating population to stay. It is generally believed that as the residence time increases, the floating population will become more adaptable to the lifestyle in the place of migration. The willingness to stay there will increase. The interviews with B-C5 and B-C10 represent the views of some migrant white-collar workers on this issue:

"It has been 10 years since I went to school in Shanghai. Then I came to Shanghai for the first time. I felt that the pace of life here is very fast and the pressure of competition is also great. So, I didn't want to stay in Shanghai after graduation, but I had to complete my studies in Shanghai. After the first year in college, I found that this is a good city. The urban architecture, living conditions, corporate resources, and financial environment are all very good, and here you can buy everything. Now I want to work here" (B-C5, 20210615).

"I graduated with a bachelor's degree and did not find a suitable job in my hometown. Then I was admitted as a civil servant in Shanghai. I have been living in Shanghai for 11 years. I was not really used to it at the beginning. It is very different from Shandong. The climate is different, and the place I lived was dilapidated at the beginning. But after staying for a while, I became obsessed with the city. As long as I work hard, I can develop without getting help from my family. Also, I bought a house in Shanghai in a few years" (B-C10, 20210316).

The interviews with B-C5 and B-C10 showed that many migrant white-collar workers had difficulties in self-identifying and adapting to the new way of life when they first came to the city, but after a period of adaptation they began to identify with Shanghai's urban culture. Judging by the cases mentioned above, the mere residence time is not enough to explain their willingness to stay, but the time factor and other factors affected their willingness to stay together. As to migrant blue-collar young people coming to Shanghai, their residence time does not have a directly impact on their willingness to stay as well.

"I have been in Shanghai for two years, and I don't have any special feelings. I am here to make money anyway. As for whether I plan to stay in Shanghai for a long time, I don't think so" (L-C4, 20210503).

"I came to Shanghai after graduating from junior high school. It was 10 years ago. I think coming to Shanghai is a way to make money. I will stay here if I can make more money. If I don't make money, I will go to another place. Life here is not as easy as in my hometown" (L-C15, 20210504).

According to the answers of L-C4 and L-C15, compared to migrant white-collar young people, migrant blue-collar young people are not strongly affected by the length of stay in Shanghai when they choose whether to stay in the city. They do not have the same needs as migrant young white-collar workers. In the process of psychological adaptation, they are mainly concerned about whether they can have a higher income level, which is also a different manifestation of the degree of urban integration.

2. Active interaction among migrant white-collar workers VS unintentional communication among migrant blue-collar workers.

Related studies have found that whether the migrant population can survive in the city depends on the degree of social interaction and integration between the migrant population and local residents, that is, whether the migrant population can fundamentally

complete the process of ‘citizenization’. However, the impact of urban interaction on the willingness of migrant white-collar and blue-collar workers to stay is not the same. The interviews with B-C6 and B-C12 represent how migrant white-collar workers understand the impact of urban interaction on their willingness to stay:

“I feel that in Shanghai there is no discrimination against people from other provinces, especially if you are willing to work hard. Everyone appreciates you very much. They are also very friendly. If you have any questions, you can ask local people for help. They are willing to help. Now I am starting a business here, and I feel that the entrepreneurial environment in Shanghai is very good” (B-C6, 20210403).

“In our organization, locals of Shanghai and non-locals should be half and half, and our relationship is very harmonious. I never felt that locals discriminated against us, but they recognized my seriousness and hard work. No matter if I have difficulties in life or if I am looking for a girlfriend, my Shanghai colleagues are helping me. I think we get along very well” (B-C12, 20210610).

That is, white-collar young workers generally do not feel the discrimination and exclusion at work, and they are generally well embedded in the workplace and have better relationships with their local colleagues in Shanghai. This has a strong positive effect on their willingness to stay. In contrast to the white-collar migrant youth, blue-collar migrant workers’ interaction with the city’s local community is obviously at a disadvantage, as L-C5 said:

“Our workers are all from other provinces, and the people who share housing with me are also from my fellow villagers. Most of our community is also from other provinces. The surrounding vegetable farms and supermarkets are also run by people from other provinces. I usually don’t communicate with local people here in Shanghai. There are local elderly people in the community, but there is basically no interaction. Anyway, I just want to make some money, and it has nothing to do with them” (L-C5, 20210502).

The answer of L-C5 describes the interaction between unmarried young blue-collar migrants and urban local residents, but blue-collar workers do not seem to care whether they are discriminated against or excluded by local residents in Shanghai. They stay temporarily in order to get a higher income and then return to their hometown to marry or support their parents. The interviews with L-C8 and L-C12 represent another situation:

“No one of the locals drives a taxi anymore, most of the taxi drivers in Shanghai are from other provinces. In addition, I often meet Shanghai passengers. I feel that they are old-fashioned and show little respect for taxi drivers. They either feel that we are slow or detour, and they think that drivers from other provinces are dishonest. If it wasn’t for making money to support my family, I would not tolerate this stalemate” (L-C8, 20210415).

“I work as a security guard, and there are many people I usually contact with. The head of our security department is from Shanghai. He is polite and has no pretensions, but many customers are terrible. When I tell them that they should wear masks they scold in Shanghai dialect. No one respects our job, I can only endure just to earn some money” (L-C12, 20210518).

According to the above two answers, some migrant young married blue-collar workers will continue to live in Shanghai even if they are rejected and discriminated against by the city in order to support their families.

3. Differences in the construction methods and quality of the social support network for migrant youth.

The social support network is another important factor of migrant youth’s willingness to stay in the city. Relevant studies have shown that after the migrants arrive at the emigration area, they actively or passively construct a social support network with friendship and work

connections as the interpersonal support network for urban life. The quality of migrant white-collar and blue-collar workers' social networks in Shanghai and its influence on their willingness to stay in the city is an important indicator of social integration, and it is also different.

"I went to a university in Shanghai and now I work here. Here are my classmates, teachers, and colleagues. In fact, only some of my relatives live in my hometown. My school classmates don't have much contact, so my roots are all in Shanghai. Now, I can ask them for help with many things" (B-C7, 20210517).

"After I graduated, I worked as a nurse in Shanghai Hospital. Many of my classmates also came to Shanghai to work as nurses. We meet often. There is also a big platform like the hospital, where there are many doctors and nurses. Everyone gets along well. They are always happy to help our new nurses. We are not unfamiliar with each other" (B-C15, 20210609).

B-C7 and B-C15 represent two different situations. B-C7 represents migrant young white-collar workers who have been studying in Shanghai and then came to the city to work after graduation. Their classmates and colleagues are in Shanghai, and they can use a high-quality social support network built in the city to deal with their problems. As to migrant white-collar workers who came to Shanghai to work after graduation, they mainly built a network of colleagues and then a circle of friends. These social networks are very helpful and play a great role in promoting their willingness to stay. But the situation of migrant blue-collar workers is different:

"Now I don't have many acquaintances. Basically, all the people I know here are a few of my fellow workers, and the workers often change, some quit their jobs, some go back to their hometowns, and so are my fellow villagers. Basically, they have changed several times. So, I know only a few people now, everyone is doing well, but everyone is the same, and there is no foundation here. In fact, I feel very insecure. Once something happens, I don't even have a person to ask for help. It's better to be at home, so I want to go back to my hometown in a year or two" (L-C5, 20210505).

"Now I am following my cousin in the foot-washing shop business. Because I didn't study well in my hometown and was punished by the school, my parents asked my cousin to take me to Shanghai to follow her as an apprentice. In Shanghai, I knew her and several people in the store, I have lost contact with my previous friends, and I dare not do anything here. I feel very lonely. I really want to go home and be with my friends" (L-C14, 20210504).

At the same time, they are basically surrounded by a circle of acquaintances mainly composed of fellow villagers or relatives. They cannot effectively use such circles of acquaintances, which leads to more instability and a weak sense of belonging. This weakens the blue-collar migrant youth's sense of attachment to the city, thereby reducing their willingness to stay.

To summarize, from the perspective of social integration, the two types of young migrant workers are in very different situations. In terms of the length of stay in Shanghai, for migrant white-collar workers, the longer they stay in the city, the better they understand Shanghai's urban culture and its characteristics; they become adapted to the pace of life in Shanghai. However, the impact of the length of stay in Shanghai on blue-collar migrant youth is not obvious, because their purpose of coming to Shanghai is just to make some money. In terms of social interaction, migrant white-collar workers generally do not have the feeling of exclusion and discrimination. They even become elites in various fields, which enhances their self-confidence and willingness to stay in the city. As to migrant blue-collar young people, they work physically or in the low-end service industry. So, they generally do not get respect and recognition in the city, which leads to their weak sense of integration. However, in order to have a higher income, they have to stay in the city. In addition,

in terms of barriers to community integration, migrant youth groups encounter difficulties in integration, but this has a greater impact on white-collar migrant youth, and a limited impact on blue-collar migrant youth. The main reason is that migrant white-collar workers are eager to integrate into the city community and complete the process of citizenization. Migrant blue-collar young people stay in the city temporarily, and for them, the local community is a temporary environment, so they do not take much effort to establish connections with their neighborhood. Social support networks also affect the two types of young migrant workers in different ways. White-collar migrant workers build high-quality social networks, which has a positive effect on their willingness to stay in the city. Social networks constructed by migrant blue-collar youths are dominated by highly mobile fellow workers and villagers, which has a certain negative effect on their willingness to stay.

Housing conditions as push and pull factors for young migrant workers

Relevant studies have shown that the form of residence and housing conditions have an important impact on the willingness of the floating population to stay. Western research on migration decision-making also proves that dissatisfaction with the living conditions in the new place might be an obstacle to adaptation. Our study showed that the housing factor plays an important role, but it has different impacts on white-collar and blue-collar migrant youth's willingness to stay in the city.

“Although housing prices in Shanghai are expensive, after paying a down payment, you can gradually repay your mortgage in the future. Although the pressure is greater, this is also an asset. House prices in Shanghai will continue to rise. Only when you have a house can you really have a sense of belonging” (B-C1, 20210315).

“I bought a house before my marriage in 2018. First, our families played a down payment. Now I pay the loan of ¥7,000 or ¥8,000 per month. I felt a lot of pressure at the beginning. However, considering the stability of my life in the future and the education of my children, I bought it, and there is still a lot of pressure, but it is much better because our income is also increasing” (B-C8, 20210326).

The above mentioned two white-collar workers are employees of Fortune 500 companies. With the help of their families and by their own efforts, they are going to buy a house in Shanghai or have already purchased real estate. In addition to having stable incomes in Shanghai, they also consider the education of their children in the future and the acquisition of their own citizenship status. The purchase of real estate will generate more added value, which has a strong positive impact on their willingness to stay in Shanghai.

“I bought a house to make my life better. I used to live in a small place and the surrounding environment was not very good. Now I have bought a new house. The community property, the surroundings, and management are all very good. Last year I renovated the house. It's more than 200 square meters, there is also a large balcony, the house has a living area, an entertainment area, and a study area. Now the quality of my life has improved a lot” (B-C9, 20210528).

There are many cases similar to B-C9. With an increase in income, many migrant young white-collar workers develop higher requirements for their living conditions and pursue a better quality of life. Therefore, the purchase of real estate plays a significant role in the willingness of some migrant white-collar workers to stay in the city.

Now I live in a young talent apartment provided by the government. I haven't worked for a long time yet and haven't saved much. The house prices in Shanghai are so high that my family can't support me, so I can't afford it now. Let's talk about it later. I might afford it in the future. If it doesn't work, I'll go back to my hometown and buy a house there” (B-C11, 20210418).

The statement of B-C11 also represents the ideas of some migrant white-collar workers. The housing prices in Shanghai are getting higher, so they can't purchase a house. Some migrant white-collar workers can only rent apartments or houses in Shanghai. However, with the changes in market conditions, the cost of renting a house becomes higher as well. This has become a negative factor hindering migrant white-collar workers from staying in Shanghai. This has also become an important factor leading to an outflow of migrant white-collar workers represented by B-C11.

“Now my wife and children live in the KY community, which is about 38 square meters, ¥1,500 per month, which is the cheapest. As for buying a house in Shanghai, I can't even think about it. One reason is that there are governmental restrictions on house purchases. Besides, I don't have so much money. I stay in Shanghai mainly because the income is higher than in my hometown. When my children get older and go to junior high school, I can stay in Shanghai alone to make money” (L-C3, 20210326).

“My boyfriend and I rented a house, shared with my colleague, it's ¥1,300 per month. With water and electricity bills, etc. it costs ¥1,500 per month. We actually dream of buying a house in Shanghai because we want to stay in Shanghai and struggle to stay here, but Shanghai's housing prices are too high, which is a bit out of reach for us, but it is not impossible” (B-C12, 20210405).

As the abovementioned two cases show, migrant blue-collar youths have different attitudes towards buying real estate in Shanghai. However, due to the high housing prices in Shanghai, migrant blue-collar young workers basically do not consider buying a house in Shanghai but choose to fight for sufficient income. They also consider returning to their place of origin or going to other cities to buy a house and live there, which is similar to the situation of a small number of migrant white-collar workers.

In addition, the information on housing conditions in Table 2 also proves that the 15 migrant blue-collar young people selected for interviewing live in Shanghai in rented accommodations, and their housing conditions are poor. Only a small number of migrant blue-collar young people hope to realize their dream of buying a house in Shanghai. That is an important reason why they cannot stay in Shanghai permanently.

To sum up, the housing conditions of the two types of young migrant workers are very different and strongly correlated with their willingness to stay in Shanghai. Most migrant white-collar workers hope to stay in the city permanently after purchasing real estate and obtaining citizenship so that their children could receive a better education in the city. It plays a key role in their decision-making. However, blue-collar migrant young people generally lack the opportunity to buy a house. Some of them would be happy to purchase real estate, but they are limited by governmental policies and lower incomes. This is an important reason for their future outflow from the city. Also, we should note that some young people from both groups say that they are going to leave Shanghai in the future because of its high housing prices.

The impact of policy factors on young workers' mobility

Economic factors have only a short-term impact on population mobility, while population control policies have a profound impact on the life expectations and decision-making of the migrant population in China. The household registration system (hukou) especially affects the general free-market economy and the usual mechanism of labor mobility. In addition to the household registration system, Shanghai has specific population control policies. In 2017, Shanghai introduced the “Shanghai City Plan (2017–2035)”. The plan pointed out that the four bottom lines of population size, construction land, ecological

environment, and urban safety should be firmly maintained. Shanghai needs to alleviate the contradiction between rapid population growth and resource and environmental constraints, and strictly control the size of the resident population. The plan requires that the resident population should be kept down at around 25 million by 2035. To this end, Shanghai implements an increasingly tightening household registration system and various population control policies. According to the interviews, such policies have various impacts on the willingness of migrant youth to stay in the city.

“I learned about Shanghai’s population control policy from the Internet, but in fact, it has no impact on me. My work and my life are still the same. Hukou does not matter to me, anyway, I have a residence permit” (B-C1, 20210405).

“I am just worried about whether the settlement policy will affect me in the future. If there is no hope, it is better to find another city, such as Hangzhou and Suzhou. The development of these two cities is also good. Especially Hangzhou has a great demand for talents and its policies are also very good. Some of my classmates have already gone to Hangzhou” (B-C3, 20210406).

“Anyways, my hukou has already been transferred to Shanghai, so the population control has no impact on me. I think that Shanghai has too many people from other provinces, which puts pressure on the city’s resources, and now I understand why some Shanghainese are so annoyed with the influx of people from other places” (B-C13, 20210428).

The above-mentioned three migrant young white-collar workers represent three different types of the policy’s impacts. The first category is the migrant young white-collar workers represented by B-C1. They have residence permits for young talents in Shanghai, so they do not feel the pressure of the population regulation policy. At the same time, these white-collar workers are not married yet, so they cannot perceive the importance of household registration to their children’s schooling. The second category is represented by B-C3. As an unmarried woman, she is more concerned about the impact of the household registration on herself, her future children, and her family. Therefore, such migrants are more concerned about Shanghai’s population control policies. If there is no hope of settling down in the city, it will affect their willingness to stay there. The third category is migrant young white-collar workers who have obtained a household registration in Shanghai, represented by B-C13. They pay more attention to the regulation of other migrant populations by the policy, as the excessive migrant population has affected some of their vital interests. Population control policies have an impact on their willingness to stay as well, but most of them still stay in Shanghai. The massive increase in the migrant population will force them to settle in areas with better access to educational and medical services.

“I haven’t heard of Shanghai’s population control policy, but I know that now many places are under investigation for illegal construction. Some places where we lived before, have been demolished. Now I am renting a farmhouse with other people” (L-C1, 20210318).

“Before, there were many small restaurants and shops on TX Road here in Shanghai. They were all closed in 2018, and people from other provinces who had been operating here for many years were forced to leave. I used to be a chef at a restaurant, but my boss went away to open another restaurant elsewhere. I have heard that some people have returned to their hometowns. Because of Shanghai’s renovation, the rents are too high. My daughter is about to go to elementary school, and I don’t know whether she will be able to go to school here. I don’t have residence permit points. I heard that it is difficult to get them” (L-C15, 20210426).

“Now there are fewer construction projects than before, and many of our workers have begun to switch jobs to do demolition work. The farmhouse we lived in was also demolished. After the population

control policy was introduced, I didn't know if I was going to find a job in the future, so I went to work in express delivery service" (L-C13, 20210615).

The above-mentioned three blue-collar migrant young people are also very representative. Unlike migrant white-collar workers, they are more sensitive to the Shanghai household registration system. Most of them want to get a higher income in the city, so most of them are worried that Shanghai's regulatory policies will affect adversely their work in Shanghai. In addition, Shanghai's population control policies impose new burdens on their accommodation. They have to look for new accommodations or change their place of employment to stay in Shanghai. Moreover, Shanghai's household registration system has caused restrictions on the education of their children. All that has a negative impact on migrant blue-collar young people making it difficult for them to continue their business in Shanghai. They are becoming the main migrant group leaving Shanghai.

Conclusions and recommendations

As the research has proved, there is a big difference between the decision-making mechanisms of migrant white-collar and blue-collar young workers when they decide whether to stay in the city or not. White-collar migrants consider a variety of factors, while blue-collar young people stay in cities temporarily to make some money, so they basically exclude the influence of other factors, and consider mainly their income when deciding whether to stay in the city or not. Their degree of integration into the city community is limited and their willingness to stay there for a long time is relatively weak. Compared to migrant white-collar workers, they are more mobile.

Young people are an important part of human capital and the labor force in any society. If a society faces the problem of population aging and decline, the youth becomes an important demographic resource as well. Besides, from the economic point of view, young people are the ones who make up certain segments of the consumer market, such as educational services, digital technologies, etc. They are the most active and dynamic part of any population in terms of reproduction, labor, innovation, and migration [27]. Areas where the proportion of youth becomes too small face development difficulties. On the other hand, young people have to travel to big cities in order to get a better education and a chance for future professional development. By doing so they invest in their human capital. However, such migrations often become permanent which leads to human capital losses for the areas of out-migration and hampers the socio-economic development of such areas [28]. At the same time, big cities such as Shanghai struggle to keep down the resident population. The authors believe that the policy of such cities should be more flexible and take into account the needs of different groups of young migrant workers in order to build a rational population structure.

1. Population control measures based on a scientific approach

According to the results of this research, Shanghai's population control policy has a positive impact on the willingness of migrant young white-collar workers to stay in the city, but there is no substantial effect on blue-collar youths. In this sense, the government's aim to optimize the structure of the migrant youth population has not been achieved. First of all, the government should speed up the construction of apartments for young people to provide them with affordable accommodation. Second, the government needs to promote the intra-city mobility of young white-collar workers to the suburbs of Shanghai and basic industries. On the one hand, it can alleviate the population pressure in the main urban area, and on the

Table 3.

Factors related to the willingness of migrant youth to stay in the city

Factors			Migrant white-collar workers		Migrant blue-collar workers		
			Correlation ¹	The degree of the factor's influence ²	Correlation	The degree of the factor's influence	
Economic factors	Personal future		Positive correlation	Great influence	Weak correlation	Weak influence	
	Income level		Positive correlation	Great influence	Positive correlation	Great influence	
Social integration	Length of stay		Positive correlation	High influence	No correlation	No influence	
	Interaction with the city		Positive correlation	High influence	No correlation	No influence	
	Social support networks		Positive correlation	High influence	General correlation	General influence	
Individual factors			Positive correlation	High influence	Negative correlation	Negative influence	
	Age		Getting older and older, more willing to stay		Getting older and older, less willing to stay		
	Gender	Male		General correlation	General influence	General correlation	General influence
		Female		Positive correlation	High influence	Positive correlation	High influence
	Marital status	Married		Positive correlation	Great influence	General correlation	General influence
		Unmarried		Negative correlation	Negative influence	Negative correlation	No influence
	Job category	State-owned enterprise		Positive correlation	High influence	No correlation	No influence
		Private enterprise		General correlation	General influence	Positive correlation	High influence
		Traditional industries		Weak correlation	Weak influence	Positive correlation	High influence
		Emerging industry		Positive correlation	Great influence	No correlation	No influence
Housing factor	Form of residence	Renting		Negative correlation	Negative influence	No correlation	No influence
		Bought house		Positive correlation	Great influence	Positive correlation	Great influence
	Buying capacity		Positive correlation	Great influence	General correlation	General influence	
	Living conditions		Positive correlation	High influence	General correlation	General influence	
Policy factors	Population control policy		Positive correlation	High influence	Negative correlation	Negative influence	
	Social security level		Positive correlation	Great influence	General correlation	General influence	
	Industrial Policy Orientatio		Positive correlation	Great influence	Negative correlation	Negative influence	
Overview			Residence decision based on comprehensive factors		Income-oriented residency decision		

¹ Correlation is divided into four levels: positive correlation, general correlation, weak correlation, and negative correlation.

² The degree of the factors' influence is divided into five levels: great influence, high influence, general influence, no influence, and negative influence.

other hand, it can solve the problem of the shortage of talents in suburban areas and basic industries. Third, the local government should continue to improve the social welfare interaction with other provinces and cities in order to solve the worries of migrant white-collar workers about social security and encourage them to return to their hometowns, start businesses there and participate in the construction of new rural areas.

2. Attracting human capital and reducing the loss of employees

Employers play a major role in motivating migrant young workers to stay in Shanghai. The authors believe that in addition to complying with the current labor laws and regulations, employers should make the following changes in the management of talents. First, companies should fully assess their demand for talents based on current business development. The company should provide assistance to migrant young employees willing to stay in the city. Employers should give way to the personal initiatives of white-collar young migrant workers and apply measures that would comply with their life values. As for migrant blue-collar youths, employers should fully evaluate the number of employees needed, and on this basis, widely mobilize social mechanisms to attract them to work. At the same time, companies should continue to standardize the employment system and ensure that the basic requirements of migrant blue-collar youth are met in accordance with the Labor Law. Especially traditional manufacturing enterprises can coordinate with relevant government departments to win some young talent apartments for migrant blue-collar young people. In addition, employers need to create a better working environment for their employees to ensure their safety, working hours, and welfare.

3. Scientific-based decision-making on residence

Many scholars put forward different suggestions on how to promote migrant youth to stay in the city. However, according to our research, currently, the motivation of migrant young people to stay in the city has become rational, and the mentality of blindly staying in the city just to satisfy one's vanity does no longer exist. At present, the gap between urban and rural areas in China is gradually narrowing, and the differences between regions are no longer obvious. More and more migrant young people now return to their hometowns to participate in the new rural projects or go to other cities to find better development opportunities. This is very different from the previous migration patterns. Therefore, the authors disagree with the idea of promoting migrant youth to stay in cities regardless of their personal motivation, which was advocated by most scholars in the past. All bodies should fully respect their choice and encourage migrant young workers with their aspirations and dreams to move to other cities or villages to live, work, and start a business.

References

1. Duan Rongcheng [段荣成], Bu Xiangjiang [部湘江]. Challenges and Responses to the Situation of More than Half of the Urban Population in the Total Population [城镇人口过半的挑战与应对]. *Population Research* [人口研究]. 2012. No. 2. Pp. 45–49.
2. Sun Zhongwei [孙中伟]. Research on the Preference of Migrant Workers to Settle in Big Cities and the Promotion Path of New Urbanization [农民工大城市定居偏好与新型城镇化的推进路径研究]. *Population Research* [人口研究]. 2015. No. 5. Pp. 72–86.
3. Xiong Bo [熊波], Shi Renbing [石人炳]. Influencing Factors of Migrant Workers' Willingness to Settle in the City: An Empirical Analysis Based on Wuhan [农民工定居城市意愿影响因素——基于武汉的实证分析]. *Southern Population* [南方人口]. 2007. No. 2. Pp. 52–57.
4. Sheng Yinan [盛亦男]. Economic Decision-Making of Family Relocation [流动人口家庭迁居的经济决策]. *Journal of Demography* [人口学刊]. 2016. No. 1. Pp. 49–60.
5. Huang Dunning [黄敦平], He Hui [何慧]. Micro-decision Analysis of Urban Residence Willingness of Migrant Populations-Empirical Research Based on CMDS 2016 Data [流动人口城市居留意愿的

微观决策分析——基于CMDS 2016数据的实证研究]. *Journal of Northeast Agricultural University (Social Science Edition)* [东北农业大学学报 (社会科学版)]. 2020. No. 6. Pp. 1–8.

6. Hu Xinqiang [扈新强], Research on the Differences in the Residence Willingness of the New and Old Generations of Migrant Populations-taking Beijing, Shanghai, and Guangzhou as an example [新、老两代流动人口居留意愿差异研究——以北京、上海、广州为例]. *Research World* [调研世界]. 2017. No. 7. Pp. 28–32.

7. Meng Zhaomin [孟兆敏], Wu Ruijun [吴瑞君]. Research on the Residence Willingness of Urban Migrant Populations-Based on Survey and Analysis in Shanghai, Suzhou, and other Places [城市流动人口居留意愿研究——要基于上海尧苏州等地的调查分析]. *Population and Development* [人口与发展]. 2011. No. 3. Pp. 11–18.

8. Huang Jiangquan [黄江泉], Li Xiaomin [李晓敏]. The Realistic Dilemma and Policy Choices of Migrant Workers Settled in Cities: A Perspective of Human Capital Analysis [农民工进城落户的现实困境及政策选择——一个人力资本分析视角]. *The Economist* [经济学家]. 2014. No. 5. Pp. 87–96.

9. Zhang Yi [张翼]. The Willingness of Migrant Workers to “Settle in Cities” and the Choice of China’s Recent Urbanization Policies [农民工“进城落户”意愿与中国近期城镇化道路的选择]. *China Population Science* [中国人口科学]. 2011. No. 2. Pp. 14–26.

10. Guo Chenxiao [郭晨啸]. Research on the Long-term Residence Willingness of Nanjing’s Migrant Population Based on the Logit Model [基于Logit模型的南京市流动人口长期居留意愿研究]. *Economic Research Bulletin* [经济研究导刊]. 2011. No. 25. Pp. 144–145.

11. Ma Rui [马瑞], Zhang Hui [章辉], Zhang Sen [张森]. The Willingness of Rural Workers to enter the City for Permanent Migration and Social Security Needs-Based on empirical Analysis of the Employed People leaving the Countryside in Four Provinces [农村进城就业人员永久迁移留城意愿及社会保障需求——基于四省农村外出就业人口的实证分析]. *Agricultural Technology and Economy* [农业技术经济]. 2011. No. 7. Pp. 55–65.

12. Zhao Yandong [赵延东] and Wang Fenyu [王奋宇]. Acquisition and Determinants of Economic Status of Urban and Rural Floating Population [城乡流动人口的经济地位获得及决定因素]. *Chinese Population Science* [中国人口科学]. 2002. No. 4. P 8.

13. Qian Wenrong [钱文荣], Li Baoqi [李宝值]. The influence of the degree of realization of the original intention and the perception of fairness on the willingness of migrant workers to stay in the city and their intergenerational differences-based on survey data from 16 cities in the Yangtze River Delta [初衷达成度、公平感知度对农民工留城意愿的影响及其代际差异——基于长江三角洲16城市的调研数据]. *Management World* [管理世界]. 2013. No. 9. Pp. 89–101.

14. Ren Yuan [任远], Qiao Nan [乔楠]. The Process, Measurement, and Influencing Factors of Social Integration of Urban Floating Population [城市流动人口社会融合的过程、测量及影响因素]. *Population Research* [人口研究]. 2010. No.2. Pp. 11–20.

15. Li Nan [李楠]. Analysis of Factors Affecting the Willingness of Rural Migrant Workers to Stay in the City and Return to Hometown [农村外出劳动力留城与返乡意愿影响因素分析]. *Chinese Population Science* [中国人口科学]. 2010. No. 6. Pp. 102–108.

16. Qi Diming [戚迪明] and Zhang Guangsheng [张广胜]. Analysis of Migrant Workers’ Mobility and the Willingness to Settle in the City: Based on the Survey of Migrant Workers in Shenyang [农民工流动与城市定居意愿分析——基于沈阳市农民工的调查]. *Agricultural Technology and Economy* [农业技术经济]. 2012. No. 4. Pp. 44–51.

17. Zhou Yuanpeng [周元鹏]. Research on the Internal Differentiation of Floating Population’s Residence Willingness: Taking Wenzhou City as an Example [流动人口居留意愿内部分化研究——以温州市为例]. *Southern Population* [南方人口]. 2010. No. 6. Pp. 54–60.

18. Zhang Li [张莉], He Jing [何晶], Ma Runhong [马润泓]. How Does House Price Affect Labor Flow? [房价如何影响劳动力流动?] *Economic Research* [经济研究]. 2017. No. 8. Pp. 155–170.

19. Liu Jinfeng [刘金凤], Wei Houkai [魏后凯]. The Impact of Urban Public Services on the Willingness of migrant to Stay Permanently [城市公共服务对流动人口永久迁移意愿的影响]. *Economic Management* [经济管理]. 2019. No. 11. Pp. 20–37.

20. Wang Yijie [王毅杰]. Analysis of Factors Affecting the Willingness of Migrant Farmers to Stay and Settle in the City [流动农民留城定居意愿影响因素分析]. *Jiangsu Social Sciences* [江苏社会科学]. 2005. No. 5. Pp. 26–32.

21. Li Yeyan [李叶妍], Wang Rui [王锐]. China’s Urban Inclusiveness and Social Integration of Floating Population. *China Population* [中国城市包容度与流动人口的社会融合], *Resources and Environment*

[中国人口·资源与环境]. 2017. No. 1. Pp. 146–156.

22. Yang Dongliang [杨东亮], Wang Xiaotang [王晓塘]. Research on the Resident Willingness of “Post-90s” Migrant Youth in Cities [“90后”流动青年城市居留意愿研究]. *Youth Research* [青年研究]. 2016. No. 3. Pp. 39–48.

23. Zhu Yu [朱宇]. Household Registration System Reform and Floating Population’s Willingness to Stay in Floating Areas and Its Restriction Mechanism [户籍制度改革与流动人口在流入地的居留意愿及其制约机制]. *Southern Population* [南方人口]. 2004. No. 3. Pp. 21–28.

24. Sun Juanjuan [孙娟娟] and Liu Yangyang [刘洋洋]. Discussion on the Group Characteristics of Beijing Migrant Workers and Their Willingness to Stay in Beijing [北京市农民工的群体特征及其留京意愿探讨]. *Beijing Social Sciences* [北京社会科学]. 2015. No.9. Pp. 76–80.

25. Zhang Zheng [章铮]. Settle in the city or return to the hometown for development? – The Life Cycle Analysis of Migrant Workers’ Migration Decisions [进城定居还是回乡发展? ——民工迁移决策的生命周期分析] *China Rural Economy* [中国农村经济]. 2006. No. 7. Pp. 21–29.

26. Qian Wenrong [钱文荣], Li Baozhi [李宝值]. The influence of the degree of realization of the original intention and the perception of fairness on the willingness of migrant workers to stay in the city and their intergenerational differences-based on survey data from 16 cities in the Yangtze River Delta [初衷达成度、公平感知度对农民工留城意愿的影响及其代际差异——基于长江三角洲16城市的调研数据]. *Management World* [管理世界]. 2013. No. 9. Pp. 89–101.

27. Baykov A., Lukyanets A., Pismennaya E., Rostovskaya T., Ryazantsev S. Youth emigration from Russia: scale, channels, consequences. *Sociological Research*. 2018. No. 11 (415). Pp. 75–84. DOI: <https://www.doi.org/10.31857/S013216250002787-8>.

28. Ryazantsev S. V., Lukyanets A. S. Emigration of youth from Russia: forms, tendencies and consequences. *Bulletin of TSU LBP. Series of Humanitarian Sciences*. 2016. No. 1 (66). Pp. 59–72.

Bio note:

Feng Chengcai, PhD, Lecturer, Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, China.

Contact information: e-mail: xiaoxia5605@163.com; ORCID ID: 0000-0003-0718-0158.

Sergey V. Ryazantsev, RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Professor, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; RSCI Author ID: 77673; Scopus Author ID: 22136228700; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014.

Evgeniya M. Moiseeva, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7571-2369; Scopus Author ID: 57214717819; Web of Science Researcher ID: X-6836-2019; RSCI Author ID: 665294.

Received on 14.07.2021; accepted for publication on 17.09.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ МОЛОДЫХ МИГРАНТОВ В ГОРОДАХ КИТАЯ⁴

Чэньцай Фэн

Шанхайский университет политологии и права, Шанхай, Китай

E-mail: xiaoxia5605@163.com

Рязанцев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Моисеева Е. М.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Для цитирования: Чэньцай Фэн, Рязанцев С. В., Моисеева Е. М. Миграционные намерения молодых мигрантов в городах Китая // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 96–114. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.8>.

Аннотация. В современных условиях мотивация молодых мигрантов из числа «белых воротничков» и «синих воротничков» к переезду в большие города на постоянное место жительства формируется по-разному. В ходе глубинных интервью было установлено, что экономические факторы имеют не идентичные механизмы воздействия на две вышеназванные группы молодых мигрантов в Шанхае. Такой фактор, как уровень доходов, влияет самым непосредственным образом на решение молодых мигрантов остаться в городе, но при этом «белые воротнички» уделяют внимание также дальнейшим перспективам развития. Аналогичным образом уровень интеграции в местное сообщество разнонаправленно влияет на закрепление двух групп молодых мигрантов в больших городах. Успешная интеграция «белых воротничков» укрепляет их готовность остаться, в то время как у «синих воротничков» чувство принадлежности к местному сообществу остается слабым и не играет значимой роли при принятии решения о миграции. Условия проживания также по-разному сказываются на желании молодежи переехать в город навсегда. «Белые воротнички» имеют лучшие жилищные условия и могут купить недвижимость в городе, чтобы получить регистрацию в нем*. Рабочие из числа «синих воротничков» не могут позволить себе покупку жилья в городе и зачастую имеют плохие жилищные условия, что становится фактором выталкивания этой группы мигрантов из города. Кроме того, на готовность молодых мигрантов к дальнейшему проживанию в городе оказывают влияние и политические факторы. Проводимая государством миграционная и городская политика способствует закреплению в городах «белых воротничков», но оказывает давление на «синих воротничков», хотя ее роль и неочевидна. При этом «белые воротнички» при принятии решения остаться в городе оценивают все факторы комплексно, в их сочетании, а «синие воротнички», как правило, ориентируются только на уровень доходов. Однако обе группы молодых мигрантов в своих решениях опираются на рациональные доводы. Исходя из этого, в статье предлагаются три возможных направления совершенствования мер по регулированию миграционного притока молодежи в крупные города Китая.

Ключевые слова: новое поколение молодых мигрантов, «белые воротнички», «синие воротнички», готовность к проживанию в городе, управление миграцией.

Сведения об авторах:

Чэньцай Фэн, доктор наук, преподаватель Шанхайского университета политологии и права, Шанхай, Китай.

Контактная информация: e-mail: xiaoxia5605@163.com; ORCID ID: 0000-0003-0718-0158.

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; RSCI Author ID: 77673; Scopus Author ID: 22136228700; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014.

Моисеева Евгения Михайловна, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

⁴ Сравнительное исследование, основанное на результатах опроса молодых мигрантов из числа «белых воротничков» и «синих воротничков» в Шанхае.

* Речь идет об используемой в материковом Китае системе регистрации домохозяйств «хукоу».

Контактная информация: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7571-2369; Scopus Author ID: 57214717819; Web of Science Researcher ID: X-6836-2019; RSCI Author ID: 665294.

Статья поступила в редакцию 14.07.2021; принята в печать 17.09.2021.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

RETURN MIGRATION: THE SECOND MAJOR OUTBREAK DUE TO COVID-19 IN INDIA

Shraddha Agarwal

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: agshraddha.8@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.9>

For citation: Shraddha Agarwal. Return Migration: The Second Major Outbreak due to COVID-19 in India. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No 4. P. 115–128. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.9>.

Abstract. COVID-19 pandemic made a severe impact on the developing countries. According to the “World Economic Situation and Prospects” report by the United Nations, as of mid-2021, this global crisis has clearly worsened poverty and within-country inequality, and it is expected that it will leave long-lasting scars on labor markets while reversing progress on poverty and income inequality in many economies. The context in India, in this sense, is complex. The article corresponds to the effect of the COVID-19 pandemic on internal migration. The rapid spread of the pandemic shook nations across the world, bringing about a broad lockdown that cinched down on versatility, business exercises, and social communications. In India, the pandemic encouraged an extreme emergency of portability, with transient workers in many significant urban areas looking to get back to the places where they were initially from. Their frantic attempts to get back using any and all means accessible delivered the lockdown incapable in a few regions, provoking conflicts with authorities, last-minute approaches, alleviation, and, in the end, unplanned transport measures. This paper expects to reveal insight into the weakness of India’s internal migrants as far as their gender, mobility, and emotional wellbeing. As COVID-19 was India’s first significant outbreak in 2020, the “reverse migration” proves to be the second major outbreak.

Keywords: migration, return migrants, social protection, labor laws, gender, government policies.

Introduction

Migration is a feature of social and economic lives across the countries and the oldest action against poverty. However, the profile of migrant populations varies considerably. In part, this is because of the variety of sources of migration. While in India, the relocation is more instigated by push factors like penuriousness, joblessness, provincial inconsistencies, family development, marriage, regular cataclysms, those in developed countries are more draw factors like opportunity, freedom, wellbeing, and so on. The correspondence examines COVID-19 set off switch movement in India. India has seen the second biggest mass relocation in its set of experiences after the Partition of India in 1947, wherein an excess of 14 million individuals were dislodged and moved to India and Pakistan separately, contingent upon their strict beliefs. The assessment portrays the movement pattern and related impacts on the migration just as the country is on the loose.

This paper examines the impact of the COVID-19 pandemic on migration within India. Furthermore, it aims to shed light on the vulnerability of India’s internal migrants in terms of their mobility, gender, and mental health. It critically analyses the limitations of public policy in addressing migrants and suggests recommendations for the way ahead. In India, COVID-19 was a misfortune in which transient workers were regularly slandered and unfairly faulted for spreading sickness. However, as a matter of fact, they were one of the most

affected groups. The pandemic's impact on India's domestic migration was extreme, and the poor and marginalized were the most brutal hit. Migrants died due to reasons ranging from starvation, suicides, exhaustion, road and rail accidents, police brutality, and denial of timely medical care [1]. Regardless of the volume of business, all business entities were forced to stop, resulting in job losses in most sectors. This labor market shock has deeply impacted internal migrants. In India, the pandemic precipitated a severe 'crisis of mobility,' with migrant laborers in many major cities seeking to return to their hometowns. During the first lockdown, after the declaration of the 21-day-country-wide lockdown because of COVID-19 in India, there was an unexpected assembling of tens of thousands of migrant laborers from across the Delhi city, walking towards transport terminals to reach their home villages, towns in Uttar Pradesh, Bihar, and different states. The lockdown announcement triggered mass exodus and reverse migrations of unskilled and semi-skilled laborers from major urban cities who walked back to their villages without food and money. Few women gave birth to children on the road and continued walking with the newborn, while few died on the way walking in the scorching heat, with no food and water availability¹. This reverse migration of millions of migrant workers to their native villages had a very adverse impact on their physical, mental, and economic wellbeing. An estimate putting together the numbers of short-term seasonal/circular and long-term occupationally vulnerable workers gives us about 128 million workers whose livelihoods may have been adversely impacted with the onset of COVID-19 [2]. At first, government authorities had halted all the public transportation and emphasized 'staying at home,' needed to decide to permit individuals to arrive at transport terminals and city borders and organized many modes of transport into service.

Further, the Central government asked State governments to take measures to forestall a mass transient of migrant laborers in the wake of the public lockdown. A mass departure of migrant laborers from urban communities in a few states to their towns raised worries that the COVID-19 episode turned into a humanitarian crisis. Drawn by the gravity of the issue, the public authority dispatched another plan, in particular "Migrant Workers Return Registration." This current plan's primary maxim is to check the number of everyday workers and transient laborers stalled out in different states. This scheme also directed to provide them with 14 days of quarantine places after they arrived at the places where they grew up. Approximately 1.45 million migrants who originated in Uttar Pradesh filled the form under "Migrant Workers Return Registration" to reach back their hometown in Uttar Pradesh². State governments the nation over dispatched their entrances and amassed the information of their kin (day-by-day workers and transient laborers) so they could be moved to the places where they grew up without any problem. An enormous number of transports were orchestrated their highway development. The Indian Railways likewise presented Shramik special trains for migration laborers, sightseers, pioneers, understudies, and others. In April–May 2021, as COVID-19 roared back in India, migrant workers who had just started to resettle in the cities they left during last year's outbreak are packing to return to their villages again.

There is a fear that COVID-19 restrictions in India can take a premium human cost that expands well past brief profit misfortunes for jobless laborers. The investigations on prior

¹ India's Migrants Flee to Their Villages as Covid-19 Prompts New Lockdown // The Wall Street Journal. 14.04.2021. URL: <https://www.wsj.com/articles/indias-migrants-flee-to-their-villages-as-covid-19-prompts-new-lockdown-11618392602> (accessed on 15.04.2021).

² 14.75 lakh migrant workers register as UP govt plans to employ them in MSMEs, other industries // The Economic Times. Newspaper. 26.05.2020. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/14-75-lakh-migrants-workers-register-as-up-govt-plans-to-employ-them-in-msmes-other-industries/articleshow/76012686.cms> (accessed on 01.06.2020).

downturns propose that the work misfortune during a plunge sometimes brings about long-haul unemployment and wage difficulties, crumbling the soundness of jobless laborers and expanding destitution. These effects are generally alarming for low-pay families, which are less very much situated to adapt to profit misfortunes during a downturn, have no elective income, and have no federal retirement aide accessible [3]. Migrant laborers comprise a colossal portion of such a vulnerable population. In this article, we will discuss some of the significant issues concerning the impact of a pandemic like COVID-19 on the migrant population using the literature accessible on migration, scientific studies, newspaper reports, survey data issued by the government of India, comparing the surveys based on the latest data available of census 2011.

Effect on Labor

There have been confirmations in the past about what a downturn means for the labor force. During the worldwide monetary emergency of 2008–2009, an expected 22 million individuals had lost their positions, as per the International Labor Organization (ILO). In the same way as other nations, India needed to confront the downturn in 2009. An investigation conducted by UNDP [4] uncovered a few realities about what the downturn meant for the transient specialists in India. As indicated by UNDP, work misfortune was around 40,000 from the designing sector, 100,000 from pearls and adornments, and 500,000 from clothing. Most of these business industries were mainly situated in Gujarat, Ludhiana and Tirupur. Around 20,000 development laborers lost their positions in the Gulf coast region. Such work misfortunes were more seen in the unorganized sectors. The downturn of 2009 recommended that cutting back antagonistically influences the individuals utilized in unorganized ventures and those utilized in collaborative undertakings, however, whose business contracts are casual [4].

Another investigation on the effect of the downturn in Kerala [5] showed that more than one-fifth of the total displaced people got back because they lost their positions because of the monetary emergency, while another 3.3 percent came because they were necessarily localized. Another 11.5 percent of the migrants announced that they got back because their agreement had terminated and was not restored. Including all, the all-out level of exiled people who got back attributable to the monetary downturn was around a day and a halfpenny (around 63,000 wanderers) in the territory of Kerala. COVID-19 has all the earmarks of being more genuine than what we looked at in the 2009 downturn. The ILO has assessed that up to 25 million individuals may get jobless worldwide because of the effect of COVID-19, running between 5.3 million occupation misfortunes on a 'low situation' and 24.7 million on a 'high situation'³. The effect may vary from one country to another. During the pinnacle of the COVID-19 in Wuhan, very nearly 5 million individuals in China lost their positions in January and February 2020⁴. A review from the Angus Reid Institute tracked down that 44% of Canadian families have encountered some sort of occupation 29km fortune⁵. Almost 900,000 laborers lost their positions in Spain since it went into lockdown

³ ILO World Social Protection Database (WSPDB) // International Labour Organization [site]. URL: <https://www.social-protection.org/gimi/WSPDB.action?id=15> (accessed on 05.06.2021).

⁴ Cheng E. Roughly 5 million people in China lost their jobs in the first 2 months of 2020 // CNBC. Television channel. 16.03.2020. URL: <https://www.cnbc.com/2020/03/16/china-economy-millions-lose-their-jobs-as-unemployment-spikes.html> (accessed on 05.06.2021).

⁵ COVID-19: Canada layoff tracker // Maclean's. Magazine. 30.04.2020. URL: <https://www.macleans.ca/economy/covid-19-canada-layoff-tracker/> (accessed on 05.06.2021).

in mid-March 2020⁶. In March 2020, more than 10 million Americans lost their positions and applied for government help⁷. As per the early gauges, many transient laborers were left jobless in India before the finish of March 2020 because of the lockdown⁸.

Patterns of Internal migration in India

By and large, financial emergency in the objective diminishes the number of migrants, lessens settlements, and disturbs migration systems [6]. According to the Economic Survey 2016–2017, more than 9 million individuals relocate yearly inside the country, and most of such migration is for jobs, education, or marriage. While Delhi, followed by Mumbai, is the top destination city for migration, numerous individuals are moving to the urban areas in the South of India, like Bangalore, Chennai, and so forth. The most significant number of these transients sets off from Uttar Pradesh, Bihar, West Bengal, and Assam. The Census 2011 information shows that, in India, a vast extent of relocation of the laborers is within the district and to different locale intrastate (Figure 1). Around one-fourth of the whole movement is interstate. The relocation of laborers is more in metropolitan regions because of the accessibility to better life chances.

Global movement establishes around 2.6 percent of the complete relocation⁹. According to ILO 2018 report, more than 30 million Indians abroad, with more than 9 million Indian migrants amassed in the GCC locale (presently known as the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf). More than 90% of Indian migration laborers, most low- and semi-talented specialists, work in the Gulf area and Southeast Asia. The commitment of migration laborers, both profoundly talented and low gifted, has prompted India to turn into the top beneficiary of settlements on the planet, with over US\$62.7 billion remittances received in 2016¹⁰.

Internal migrants structure a pivotal piece of India's economy. The Economic Survey 2016–2017 assessed an expected 100 million inward migrations in India, which make up around 20% of the all-out labor force. They contribute an expected 10 percent of India's monetary yield¹¹ and assume a significant part in its economy. Large numbers of the internal transient migration from less fortunate states, for example, Bihar and Uttar Pradesh in the north to work in the modern centers of more created states like Gujarat and Maharashtra in the south, or to the metro urban communities.

As indicated by Census 2011, around 65 million migrant laborers worked in different occupations, barring cultivators and farming workers (Table 1). As per word-related classification, the investigation of non-farming migration laborers shows that many are

⁶ Keeley G. Spain sees historic rise in unemployment as nearly 900,000 lose jobs since coronavirus lockdown // Independent. Online newspaper. 02.04.2020. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/spain-coronavirus-lockdown-unemployment-job-loss-update-a9442146.html> (accessed on 05.06.2021).

⁷ Weissmann J. 6.6 Million Americans Filed for Unemployment Last Week // Slate. Online magazine. 02.04.2020. URL: <https://slate.com/business/2020/04/unemployment-jobs-numbers-economy-coronavirus.html> (accessed on 05.06.2021).

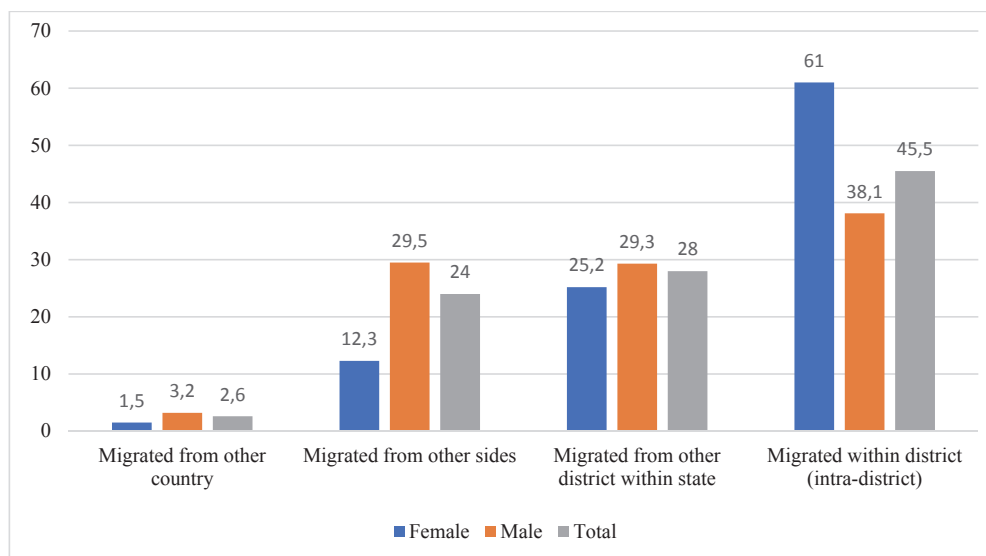
⁸ Hungry, desperate: India virus controls trap its migrant workers // Al-Jazeera. Television news channel. 02.04.2020. URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2020/4/2/hungry-desperate-india-virus-controls-trap-its-migrant-workers> (accessed on 05.06.2021).

⁹ 2011 Census Data // Office of the Registrar General & Census Commissioner, India [site]. URL: <https://censusindia.gov.in/2011-common/censusdata2011.html> (accessed on 10.06.2021).

¹⁰ ILO World Social Protection Database (WSPDB).

¹¹ Hungry, desperate: India virus controls trap its migrant workers.

occupied with creating and related exchanges or as plant and machine administrators and constructing agents.

Fig. 1. Distribution of migration workers in India by type of migration, 2011, %

Source: 2011 Population Census¹²

Table 1.

Subsector-wise industrial employment trends in India, 2018

Sector	Number (Mln)	Percentage
Manufacturing sector		
Food and beverages, tobacco products	9.2	16.3
Textiles, wearing apparel	18	31.9
Leather, wood, paper products, printing	5.8	10.3
Petroleum products, chemical products	1.5	2.7
Rubber and plastics, non-metallic products	5.1	9.0
Basic metals, fabricated metals	4.6	8.2
Machinery equipment, electric and electronic machinery	4.0	7.1
Motor vehicles and other transportation	1.5	2.7
Furniture, recycling, jewellery and sports goods	6.8	12.1
Manufacturing total	56.4	100.0
Non-manufacturing sector-		
Mining and quarrying	2.0	3.4
Electricity, water, gas	2.8	4.8
Construction	54.3	92.2
Non-manufacturing total	58.9	100.0

Source: [7].

¹² 2011 Census Data.

The migration information of 2011 Census additionally showed that an enormous number of transients are showing up in various metropolitan zones, especially metro urban communities from various states. For example, in Delhi, an enormous extent of migration is coming from Uttar Pradesh, Bihar, Haryana, Uttranchal, Rajasthan and Punjab. They withdraw from far off towns looking for work in huge urban areas to help families whom they for the most part abandon. In Delhi, around 39% of the transients came from Uttar Pradesh alone. Bihar likewise had around 12% offer in the all-out movement to Delhi.

A new report by the Centre for Sustainable Employment (Bangalore) [7] assessed that around 115.3 million individuals are occupied with mechanical work, of which the assembling area business represents 56.4 million, while the excess 58.9 million are in the non-assembling work (Table 1). In the assembling area, the biggest extent of work is in materials and attire, trailed by food and refreshments. A vast dominant part (92%) of the individuals who are working in non-assembling business are occupied with development work. Around 144.4 million individuals are utilized in the assistance area. Of these, more than one-fourth are occupied with retail exchange aside from engine vehicles (Table 2). Land transport represents around 15% of the complete assistance area. Almost 6% of the absolute individuals are utilized in inns and cafés, while around 12% of the all-out individuals in assistance area are occupied with the instruction area.

Table 2.

Sub-sector wise service employment trends in India, 2018

Sub- sector	Number (mln)	Percentage
Sale, maintenance and repair of motor vehicles	3.6	2.5
Wholesale trade except motor vehicles	6.1	4.2
Retail trade except motor vehicles	37.3	25.7
Hotels and restaurants	8.7	6
Transport and communication	27.7	19.2
Financial intermediation, insurance and pension funding, activities auxiliary to financial intermediation	4.8	3.4
Education	17.5	12.2
Public administration and defense	7.5	5.2
Renting of machinery/equipment, computer and related activities	3.5	2.4
Health and social work	5.6	3.9
Other social services (art, entertainment, R&D)	16.5	11.4
Total service sector employment	144.4	100

Source: [7].

Considering that the enormous urban communities in India have countless transient specialists coming from various states, it is also essential to comprehend under what conditions they work. In the investigation, assessed that around 260 million individuals are working in the non-ranch area [7]. More than 101 million individuals are working in the unorganized sectors, which is around 71% of the individuals working in the non-ranch area, as demonstrated in Table 3. A vast lion's share of the laborers occupied with non-ranch business is working in the casual (83.5%) and the private areas (87%). The extent of individuals working in unorganized, casual, and private areas was greater regardless of whether they were occupied with assembling, non-assembling, or administration areas.

Table 3.

Types of employment in the non-farming sector in India, 2018, number in million

	Organized	Unorganized	Formal	Informal	Government	Private
Manufacturing	18.1	38.4	8.7	47.7	1.2	55.3
Non- manufacturing	15.4	43.5	3.1	55.9	6.3	52.7
Services	43.2	101.3	31	113.4	26.4	118.0

Source: [7].

A report introduced by the public statistical office of National Statistical Office, in [8] uncovered that among standard salaried representatives in the non-agribusiness area, almost 71% had no composed occupation contract, and such extent was higher among guys than females (Table 4). Around 54% of customary salaried representatives in the non-agribusiness area were not qualified for paid leave. Besides, almost 50% of them were not qualified for any government-backed retirement advantage.

Table 4.

Employment situation in India, 2018, % of salaried employees

Items	Male	Female	Total
Have no written contract	71.1	72.3	66.8
Have no eligibility for paid leaves	54.2	55.2	50.4
Have no eligibility for social security benefits	49.6	49.0	51.8

Source: [8].

The Sarvekshana report likewise showed that more than 68% of the laborers in non-agribusiness areas were occupied with the casual area. The portion of casual area among male laborers was 71%, while the relating figure for females was 55%. Thus, the casual area comprises a vast extent of the absolute labor force in the country.

The most significant effect on the little and medium business, especially in retailing, the migration industry and transportation, and so on the Confederation of Indian Industry (CII) showed that the more significant part of the migration industry and neighborliness industry can go wiped out with a potential loss of an enormous number of occupations if recuperation in the business extends past October 2020. It would likewise influence the independently employed workers. The new companies, which are on developed stage, would likewise be influenced, as their interest will probably get following the lockdown. For one year, any unnecessary recruiting will back off in any business, as the corporates will adopt a moderate strategy towards work and development. As indicated by the Retailer Association of India¹³, around 40 million individuals in the casual area and 6 million individuals in the conventional area are used by the retail area alone. Indeed, even in the conventional area, around 3–4 million individuals are used on a legally binding premise. Thus, if there should arise an occurrence of COVID-19 circumstance additionally, an enormous number of migration laborers are at impending danger of losing their present place of employment, for a brief time or forever. The danger is significantly more remarkable for the individuals working in the unorganized sectors, those who do not have essayist contracts or those

¹³ Nahata P. Coronavirus Impact: Fear of Contract Job Losses Prompt Cash Transfer Calls. Bloomberg Quint. Indian news media. 19.03.2020. URL: <https://www.bloombergquint.com/business/fear-of-contract-job-losses-prompt-cash-transfer-calls> (accessed on 15.06.2021).

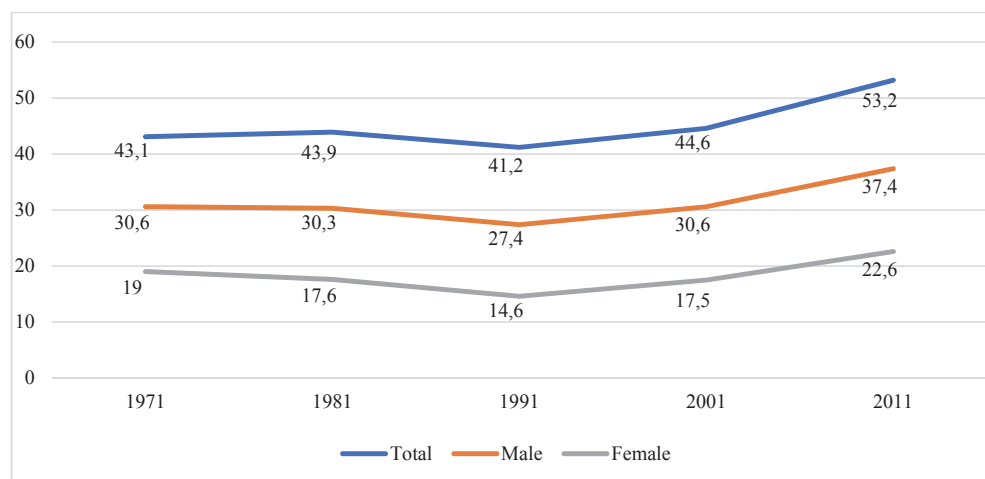

whose agreements are on the verge of termination. The lockdowns and resulting downturn will probably hit contractors across a considerable lot of these businesses initially.

Gender-based

Stories of the COVID-19 battles of Indian transients have either been overlooked or downplayed from the gender orientation viewpoint. The experience and effect of COVID-19 on women migrant laborers are pretty similar to their male counterparts in the course of migration.

While women outnumber men in internal migration in India (Figure 2), it is distinguished as a component of a marriage or associational migration. This generalization is one of the inborn purposes behind the invisibility of female migrants. It is clear that marriage and related migration as a component of the social act of patri-locality and expanded care work liabilities are the main reasons behind most women pulling out from the workforce. Nonetheless, the functional status of women after marriage migration is exceptionally misjudged and misestimated because numerous women report marriage as the justification of relocation, although they promptly go into work in the recently migrated region. Similarly, a study reveals that the movement of women migrants is oriented towards struggle with social, economic, and political forces along with the policies that influence internal migration patterns and their outcomes for women.

Fig. 2. Internal migration and gender patterns in India, 1971–2011, %

Source: [9]

Each calamity has an unequal gender orientation sway. According to a survey, within two months of the lockdown during the first wave, four in each ten working women lost their positions, which are more than 17 million. The reverse migration movement due to the overnight loss of occupation of travelers can slow down the economy for 15 years¹⁴, change

¹⁴ Nair S. K. Reverse migration to villages has set economy back by 15 years, says JNU professor // The Hindu. Newspaper. 25.05.2020. URL: <https://www.thehindu.com/business/Economy/reverse-migration-to-villages-has-set-economy-back-by-15-years-says-jnu-professor/article31671389.ece> (accessed on 15.06.2021).

the elements of advancement, and reset relocation conditions for women. The destined to-be-expected extraordinary worldwide financial downturn resulted in the cutback of jobs and widened gender gaps up to an exacerbated level.

Now, it is crucial to analyze all the categories of the predominant vulnerability in the women's case. The narratives have failed to capture the issues faced by single women labor migrants. The so-called standard customs and norms devalue women working outside the domestic boundary. The most silent in this narrative is the single women who moved from rural to urban areas. Many women are working, ranging from live-in domestic help to women working at construction sites, bricks kilns as farm laborers, salesgirls, waitresses. To a lot among these women concerning to North-East of India were targeted and harassed for their looks. Their workplaces were considered the danger zones for COVID-19 infections. They lost their jobs permanently, and their return and struggle were not covered in the media. On the other hand, women migrants who chose to stay back at their place of employment are working with a massive fall in their wages¹⁵ and missing out from the government's COVID-19 relief programs¹⁶.

Women migrants who were visibly taken into accounts were the ones who migrated with their spouses and children. The media has extensively reported many men and women walking hundreds of kilometers back to their native land carrying children. Few women gave birth on the way; few continued walking with the newborns, some died on the way [10]. A considerable number of them tested COVID positive. There were unfortunate incidents of trains running over them, killing 16 migrant laborers, sleeping on the railway track, and tired of walking¹⁷. Many women died on the Shramik railway.

The government takes policies

The public authority concerning migration took steps during the lockdown Measures taken by the public authority to help migrants remember from March 28. The focal government-approved states to utilize the State Disaster Response Fund to give convenience to voyaging migration. States were encouraged to set up help camps along interstates with clinical offices to guarantee individuals stay in these camps while the lockdown is set up.

Transportation

Between May 1 and June 3, Indian Railways ran 4,197 Shramik trains. More than 5.8 million transients were moved through such special trains, and 4.1 million were moved through road transport. The basic information delivered by the Central Information Commission following a rap from the CLC reported 2,617,218 migration laborers spread the nation over. Chhattisgarh has the most significant number of laborers, which accounted around 10.85 lakh, followed by Kerala, accounted 2.86 lakh, Maharashtra, accounted 2.01 lakh, Tamil Nadu, accounted 1.93 lakh, and Andhra Pradesh, accounted 1 lakh.

¹⁵ Thomas C., Jayaram N. Pandemic Crisis: 'Migrant Home-Based Women Workers Work 8 Hours/Day For Rs 10-15' // IndiaSpend. Data journalism initiative. 23.07.2020. URL: <https://www.indiaspend.com/pandemic-crisis-migrant-home-based-women-workers-work-8-hours-day-for-rs-10-15/> (accessed on 25.06.2021).

¹⁶ Chief Minister's Distress Relief Fund-COVID CARE FUND // Relief Commissioner Office Govt of Uttar Pradesh [site]. URL: <https://rahat.up.nic.in/upcovidcarefund.aspx> (accessed on 25.06.2021).

¹⁷ Indian migrant deaths: 16 sleeping workers run over by train // BBC. British Broadcasting Corporation website. 08.05.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-india-52586898> (accessed on 25.06.2021).

Food Distribution

The Indian government reported the Pradhan Mantri Garib Kalyan Package (PMGKB), a \$22.6 billion help bundle, in March 2020 for migrants. On April 1, the Ministry of Health and Family Affairs guided state governments to set up alleviation camps for migrants with plans for food, sterilization, and clinical benefits. On May 14, under the second tranche of the Aatma Nirbhar Bharat Abhiyaan, the Finance Minister declared that free food grains would be given to migrants who do not have a proportion card for two months. The action is required to profit 80 million transient laborers and their families. The Finance Minister additionally proclaimed that the One Nation One Ration card was executed by March 2021 to give convenient advantages under the PDS. This permitted admittance to proportion from any Fair Price Shop in India to migration. The World Bank reported \$1 billion in financings to accelerate social security support, to a limited extent through the PMGKB. This help would work close by prior measures like the Public Distribution System (PDS), which covers 800 million individuals, and Direct Benefit Transfers (DBT). This money infusion could help address one of the critical difficulties confronting India's piecemeal and lopsided social insurance programs – insufficient subsidizing. India's spending on open social assurance barring wellbeing is only 1.3% of the GDP 19. The government reported an extra 5kg of wheat or rice per individual on the Public Distribution System rundown, and 1kg of heartbeats per PDS family, for a very long time, and Free Liquefied Petroleum Gas chambers for 86 million Ujjwala conspire recipients (who are all Below Poverty Line families) for a very long time.

The Aatma Nirbhar Bharat Abhiyaan likewise dispatched a plan for Affordable Rental Housing Complexes for Migrant Workers and Urban Poor to give affordable rental lodging units under PMAY. The plan intends to utilize existing lodging stock under the Jawaharlal Nehru National Urban Housing Mission (JnNURM) just to persuade public and private organizations to assemble new reasonable houses for lease. In addition, additional assets have been dispensed for the credit associated endowment plot under PMAY for center pay groups. Since lodging is a state subject, there is variety in the approach of States towards moderate housing.21 5.4. Monetary guide: Some state governments (like Bihar, Rajasthan, and Madhya Pradesh) reported onetime money moves for returning migration laborers. UP government pronounced an upkeep stipend of Rs 1,000 for returning transients who were needed to isolate. The legislature of India declared Rs.500 each month, for a very long time, to an expected 200 million Jan Dhan Yojana (JDY) female record-holders (half of them are held by ladies), and money moved Rs.2000 to 87 million ranchers under the PM Kisan conspire. An exgratia installment of Rs.1000 to helpless senior residents, widows, and disabled people. Guarantee free credit of up to Rs. 2 million for female self-improvement gatherings.

MNREGA scheme benefits

During the pandemic emergency, the Mahatma Gandhi National Rural Employment Scheme (MGNREGS) ensured to create employment and job generation in rural India. Central Statistical Organization (CSO) indicated that the third development gauge of India's Gross Domestic Product (GDP) for 2019–2020 remained at Rs. 47 lakh crore, of which 17% is procured by flexible work, 21% by standard compensation representatives, and 62 percent without help from anyone else utilized laborers. The lockdown will influence every one of these specialists unexpectedly. As indicated by the Periodic Labor Force Survey (PLFS) information for 2017, 25 percent of all-out specialists in India are easygoing workers (around 93 million individuals), procuring about Rs 1,754 every week. Another 23% are

standard breadwinners who get an average of Rs 4,063 every week. The rest, 52% specialists, are independently employed who acquire about Rs 3,460 every week. The total lockdown will influence easygoing workers the most. It is assessed that the Indian economy will confront a pay loss of Rs 1.7 lakh crore each week during lockdown¹⁸. The legislature of India expanded «rustic business ensure» everyday compensation, from Rs.182 to Rs.202 for MNREGA laborers. In April 2020, just 3.4 million families were utilized in the MNREGA, contrasted with 17 million in April 2019. An extra \$5.33 billion to be dispensed to MNREGA work, well beyond the previous spending assessment of \$8.13 billion for the fiscal year 2020-21. Essentially, it appears to be that the Jan Dhan Yojana (JDY) accounts were not open to the more significant part of their holders either because they leave excessively far from the closest financial point or in light of private matters. The legislature of India reported a subsequent help plan which addressed 10% of India's GDP – that is, Rs.20 trillion, or \$270 billion; however, it was not of much assistance to transients.

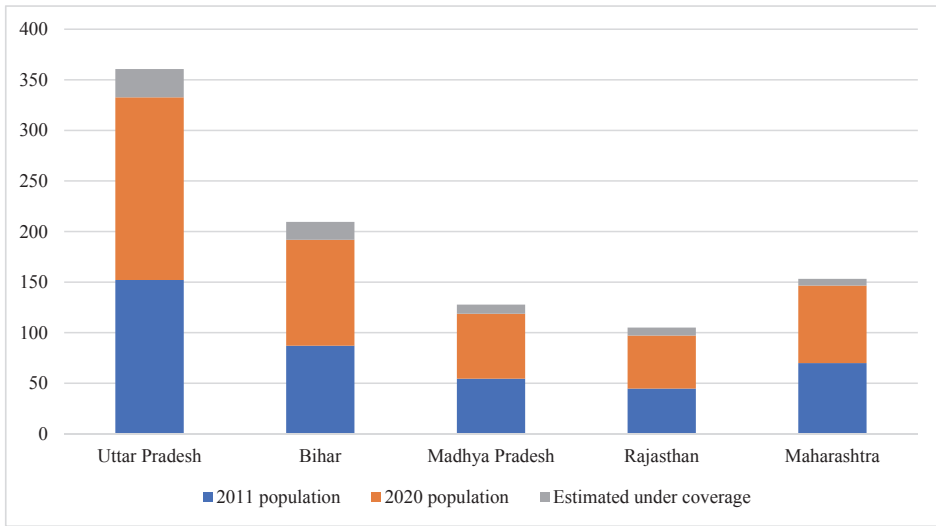
Challenges faced to available policies

First of all, the epidemic showed that the government of India had limited resources to be able to implement the lockdown. Further, there were severe flaws in the policies issued, and availing them was out of reach for many migrants. After implementing a sudden lockdown under the relief scheme for migrants, the government doubled the ration quota for all poor people enrolled under PDS (Public Distribution scheme). The PDS is generally can be availed via a ration card. Since many of these poor migrants did not have one, and they could not avail the scheme. Alternatively, they simply excluded from government counting as per the number of ration cards issued. According to a survey report, out of 11000 migrants, 70% could not avail cooked ailments, and as many as 96% could not avail the PDS scheme. Several experts argue that many migrants were not taken into account due to a lack of accurate data on internal migrants, making it impossible to direct policies for all. Critics argue that over 100 million people were excluded from the coverage due to dependency on the 2011 census report for calculating state-wise coverage of the National Food Security Act¹⁹. While the most significant gap was felt in the State of Uttar Pradesh and Bihar (Figure 3).

At least 28 million people from Uttar Pradesh and 18 million people from Bihar were excluded from the counting of the National Food Security Act, which we clearly see in the table above. Jan Dhan Aadhaar Mobile (Aadhar is a unique identification card for Indian citizens, connected with the bank, phone no, email, and address), under the online Subsidy Jan Dhan Yojana, the government aimed to transfer the direct benefit to the account holders without any cut-outs. It turned out that many of these accounts are inactive or a zero-balance account. Or the mobile number was not connected with the Aadhaar card of these migrants. Digital literacy, factors such as non-accessibility of mobility, or other institutional facilities such people were left out from availing the benefits of the cash transfer scheme.

¹⁸ Coronavirus outbreak will set back India's growth recovery // The Economic Times. Newspaper. 17.03.2020. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/outbreak-will-set-back-indias-growth-recovery/articleshow/74663633.cms> (accessed on 25.06.2021).

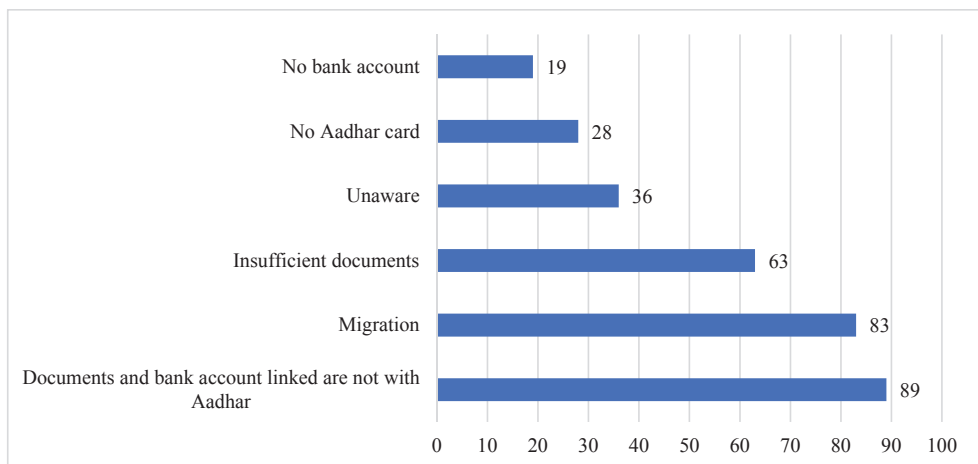
¹⁹ Outdated census data deprives over 10 crore of PDS: economists // The Hindu. Newspaper. 15.04.2020. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/outdated-census-data-deprives-over-10-crore-of-pds-economists/article31350648.ece> (accessed on 25.06.2021).

Fig. 3. Estimated population covered and uncovered by the Public Distribution System in Indian States, 2020, hundred thousand people

Source: based on the data by economists J. Dreze, and R. Khera²⁰

While critically examining the policies aiming to provide benefits to women, found a lack of intersectional approach. A few of the blind spots and the common problems were no Bank accounts, Unique identification cards (Aadhar cards), or insufficient documents unmarked these poor migrants from availing of the scheme. Data on transgender communities are not available officially separately. Such migrants were usually neither taken under the accounts of government programs nor their home provided them any identity.

Fig. 4. Reasons for not availing government schemes at the time of lockdown, %

Source: [11]

²⁰ Ibidem.

Validation of this can be assessed by the report made by the ActionAid committee in the year 2020 on taking into account 177 returnee migrants from the state Bihar. Moreover, it was found that 89% of the time, these migrants could not take any benefits from the government scheme due to the non-linkage of their Aadhar cards with their bank accounts (Figure 4). And fewer times due to no self-awareness. While these gaps were wider among women migrants.

Conclusion

This paper gives a holistic view of the migration crisis which occurred in India with the outbreak of noble COVID-19 by examining the conditions of the internal migrants. The lockdown hit rural migrants the most. They fronted social pressure, went through degradation of health and wellbeing, loss of livelihood, stigmatization. Furthermore, this paper also gives evidence of the failure of a proper system in the country, which already existed before the outbreak, as many migrants lack Unique Identification Cards. Such were excluded from the benefits. The government made an effort to help these migrants, it came late, and many lives were lost by then. The government however on the need to prioritize internal migration in policymaking additionally needs to be incremented. There is a further need to alter the derogatory perception towards internal migrants.

References

1. Guha P., Islam B., Hussain M. A. COVID-19 Lockdown and Penalty of Joblessness on Income and Remittances: A Study of Inter-State Migrant Labourers from Assam, India. *Journal of Public Affairs*. 2020. e2470. DOI: <https://doi.org/10.1002/pa.2470>.
2. Vasudevan G., Singh S., Gupta G., Jalajakshi C. K. MGNREGA in the Times of COVID-19 and Beyond: Can India do More with Less? *Indian Journal of Labour Economics*. 2020. No. 63. Pp. 799–814. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41027-020-00247-0>.
3. Papademetriou D. G., Sumption M., Terrazas A., Burkert C., Loyal S., Ferrero-Turrión R. *Migration and Immigrants Two Years after the Financial Collapse: Where Do We Stand?* Washington, DC: Migration Policy Institute, 2010. 127 p.
4. Kumar R. R., Debroy B., Ghosh J., Mahajan V., Prabhu K. S. *Global financial crisis: Impact on India's poor – Some initial perspectives*. United Nations Development Programme (UNDP) India, 2009. 58 p.
5. Zachariah K. C., Rajan S. I. *Impact of the Global Recession on Migration and Remittances in Kerala: New Evidence from the Return Migration Survey (RMS) 2009*. Working paper 432. Kerala, India: Centre for Development Studies (CDS), 2010. 83 p.
6. Curran S. R., Meijer-Irons J., Garip F. Economic Shock and Migration: Differential Economics Effects, Migrant Responses, and Migrant Cumulative Causation in Thailand. *Sociology of development (Oakland, California)*. 2016. Vol. 2. No. 2. Pp. 119–157. DOI: <https://doi.org/10.1525/sod.2016.2.2.119>.
7. Mehrotra S., Parida J. K. *India's Employment Crisis: Rising Education Levels and Falling Non-agricultural Job Growth*. Centre for Sustainable Employment Working Paper No. 23. Bangalore: Azim Premji University, 2019. 22 p.
8. *Sarvekshana*. Journal of National Statistical Office, Ministry of Statistics and Programme Implementation. 2019. Vol. No. PDOS 57XXXV No. 1&2. Issue 107. 79 p. ISSN: 2249-197X.
9. Mahapatro S. R. Internal Migration: Emerging Patterns // *Handbook of internal migration in India* / ed. S. I. Rajan and M. Sumeetha. New Delhi: Sage Publications, 2019. Pp. 80–92. ISBN: 9353285607.
10. Singh S. K., Patel V., Chaudhary A., Mishra N. Reverse Migration of Labourers Amidst COVID-19. *Economic and Political Weekly*. 2020. Vol. 55. No. 32–33. Pp. 25–29.
11. Sapkal R. S., Shandilya D., Majumdar K., Chakraborty R., Suresh K. T. *Workers in the Time of COVID-19*. Round I of the National Study on Informal Workers. New Delhi: ActionAid Association, 2020. 91 p.

Bio note:

Shraddha Agarwal, Postgraduate Student, Researcher, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia), Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: agshraddha.8@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-3960-4832.

Received on 29.06.2021; accepted for publication on 02.09.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ВОЗВРАТНАЯ МИГРАЦИЯ В ИНДИИ КАК НОВЫЙ ВЫЗОВ ПАНДЕМИИ COVID-19

Агарвал Шраддха

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: agshraddha.8@gmail.com

Для цитирования: Агарвал Шраддха. Возвратная миграция в Индии как новый вызов пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 115–128. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.9>.

Аннотация. Пандемия COVID-19 оказала серьезное воздействие на развивающиеся страны. Согласно докладу Организации Объединенных Наций «Мировая экономическая ситуация и перспективы», по состоянию на середину 2021 г. этот глобальный кризис явно усугубил бедность и неравенство внутри страны, и ожидается, что он вызовет долгосрочные серьезные последствия для рынков труда и обратит вспять прогресс в борьбе с нищетой и неравенством доходов во многих странах. Ситуация в Индии в этом плане является сложной. Статья посвящена оценке влияния пандемии COVID-19 на внутреннюю миграцию. Быстрое распространение пандемии стало потрясением для всех стран мира и привело к всеобщей изоляции, которая ограничила мобильность, деловую активность и социальные коммуникации. В Индии пандемия спровоцировала чрезвычайную ситуацию в сфере миграции, когда временные трудовые мигранты из многих городских районов стремились вернуться в те места, откуда они прибыли. Их отчаянные попытки попасть домой, используя любые доступные средства, привели к невозможности установить локдаун в нескольких регионах, спровоцировали конфликты с властями, принятие ими скоропалительных решений, смягчение ограничений на перемещения и, в конце концов, вынудили принять незапланированные меры на транспорте. Цель настоящей статьи – определить точки уязвимости внутренних мигрантов в Индии с точки зрения их пола, мобильности и эмоционального благополучия в контексте пандемии. Первая вспышка COVID-19 произошла в Индии в 2020 году, а спровоцированная ей волна обратной миграции стала второй крупной проблемой.

Ключевые слова: миграция, возвратная миграция, социальная защита, трудовое законодательство, гендер, государственная политика.

Сведения об авторе:

Агарвал Шраддха, аспирант, научный сотрудник Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: agshraddha.8@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-3960-4832.

Статья поступила в редакцию 29.06.2021; принята в печать 02.09.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ПОЛИТИКА СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРИБСКОГО БАССЕЙНА В ОБЛАСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Кузнецов Н. Г.

МГИМО МИД России, Москва, Россия

E-mail: nick_smith@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.10>

Для цитирования: Кузнецов Н. Г. Политика стран Латинской Америки и Карибского бассейна в области регулирования образовательной миграции // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 129–139. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.10>.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования политики управления образовательной миграцией в Латинской Америке и Карибском бассейне (ЛАКБ). Основной задачей стала систематизация мер государственной политики стран региона в рассматриваемой области и их классификация на группы экспортеров и импортеров образовательных услуг, а также стран с нейтральной политикой в области регулирования образовательной миграции. В работе были проанализированы четыре группы задач, которые ставят перед собой страны, привлекающие образовательных мигрантов, а также выделена одна дополнительная, комплексная задача по развитию национальных систем высшего образования. В соответствии с уровнем развития и своими политическими приоритетами страны ЛАКБ также оцениваются с точки зрения соответствия применяемых мер тем исходным задачам, которые они ставят перед политикой в области образовательной миграции. В статье обоснован подход к политике стимулирования образовательной эмиграции из развивающихся стран как к импорту образовательных услуг, а также сделаны выводы о целесообразности разработки систем оценки эффективности расходов на реализацию государственной политики в области управления учебной миграцией.

Ключевые слова: миграция, образовательная миграция, Латинская Америка, Карибский бассейн, экспорт образования, Аргентина, Южная Америка, студенты, университеты.

Введение

Образовательная миграция представляет значительный интерес для изучения, поскольку участие в ней принимает наиболее востребованная категория мигрантов – молодое население, имеющее потенциально высокую квалификацию, ищущее возможности для развития и реализации, свободно адаптирующееся к новым условиям, культуре, обществу. Международная образовательная миграция растет высокими темпами: уже в течение ближайших пяти лет численность учебных мигрантов может достичь 7,2 млн человек, а доля иностранных студентов среди всех учащихся продолжает увеличиваться ежегодно.

Рассматриваемый вид миграции совмещает элементы социальной (направлена не на извлечение материальной выгоды, а на удовлетворение потребности в саморазвитии) и экономической (конечным результатом является получение образования, приводящее к росту уровня жизни) миграции, вне зависимости от того, вернется ли мигрант в страну своего происхождения или останется на рынке труда принимающей страны.

Образовательная миграция в Латинской Америке и Карибском бассейне (ЛАКБ) – процесс, который еще находится в процессе становления и трансформации. Во второй половине XX в. регион пострадал от оттока высококвалифицированных специалистов (ВКС), т. н. «утечки мозгов», и в настоящее время выстраивает свою политику

в области образовательной миграции для восстановления человеческого капитала и создания заделов для инновационной экономики.

Актуальность исследуемой тематики заключается в возрастании значимости образования и академической мобильности как одного из элементов экономического развития. В ЛАКБ растет спрос на качественное образование, регион демонстрирует один из самых высоких темпов роста числа иностранных студентов. Страны Латинской Америки стремятся активно развивать национальные системы образования и науки, а также внутрорегиональное сотрудничество и сотрудничество «Юг-Юг».

Согласно современному подходу к изучению образовательной миграции, она позволяет решать четыре блока задач: экономические, демографические, социальные и политические [1]. К экономическим эффектам образовательной миграции относятся рост прямых и косвенных доходов страны, принимающей студентов (плата за обучение и сопутствующие расходы в стране пребывания), а также эффекты от повышения уровня квалификации рабочей силы. Демографические задачи – сокращение естественной убыли и привлечение более молодого населения для принимающих стран, как правило, развитых и с более старым населением, а для развивающихся стран – снижение социальной напряженности, сокращение темпов роста численности населения. Социальные задачи – это развитие совокупного человеческого капитала для той страны, где после завершения учебы окажется образовательный мигрант (он может вернуться на родину или остаться в стране, где закончил учебу). К политическим задачам может относиться повышение международного престижа и влияния страны, экспортирующей свои образовательные услуги.

В соответствии с этим, разрабатывая свою политику управления потоками образовательной миграции, страны Латинской Америки и Карибского бассейна стремятся решить одну из подобных задач. К ним целесообразно добавить еще один блок – развитие собственной образовательной системы. Входящие в него задачи (повышение качества высшего образования в стране, развитие национальной науки, вхождение вузов в ведущие мировые рейтинги университетов и т. д.) могут в той или иной степени относиться к экономическим, социальным и политическим, поэтому их следует выделить отдельно как смешанный тип.

В странах ЛАКБ образовательная миграция, с одной стороны, является инструментом повышения доли квалифицированной рабочей силы среди населения и создания условий для инновационного экономического развития, но с другой стороны – создает опасность «утечки мозгов». Для предотвращения подобных негативных последствий в последние 10 лет во многих странах были разработаны или актуализированы стипендиальные программы, которые стимулируют образование за рубежом с последующим возвращением на родину.

В рамках исследования выявлены актуальные тенденции образовательной миграции в регионе и разработана классификация политики стран ЛАКБ в соответствии с задачами, которые они ставят перед собой. В частности, отмечено, что в Латинской Америке существуют два основных подхода к учебной миграции: стратегия экспорта образовательных услуг (прием иностранных студентов) и стимулирование выезда граждан для получения образования в других странах и их последующего возвращения на родину в качестве высококвалифицированных специалистов, т. е. импорт образовательных услуг. Также сформулировано наличие третьего подхода, т. н. «нейтральной» политики, когда по различным причинам образовательная миграция

находится вне фокуса государственного регулирования, либо нельзя однозначно отнести страну к экспортерам или импортерам образования.

Обзор научной литературы

Теоретические подходы к изучению образовательной миграции, использованные в данной работе, были сформулированы отечественными учеными Л. Л. Рыбаковским, С. В. Рязанцевым [2], Е. Е. Письменной [3; 4] и др. Место образовательной миграции в общей структуре перемещений населения приводится, опираясь на классификацию, разработанную в публикациях данных исследователей. Среди прочего, в их работах привлечение иностранных студентов классифицируется как экспорт образовательных услуг, что позволяет лучше понимать политику стран, продвигающих свое высшее образование за рубежом.

Для учета региональной специфики при подготовке статьи использовались современные португало- и испаноязычные тематические сборники научных статей по проблематикам академической мобильности, квалифицированной миграции, национальных образовательных систем. Отдельно можно отметить работы таких авторов как И. Альфаро (Мексика), исследовавшей квалифицированную миграцию и влияние политики создания т.н. «научных сетей» на экономическое развитие стран региона [5], К. Педоне (Аргентина), С. Соарес Карнейру (Бразилия) заложили методологические основы изучения современной квалифицированной миграции в регионе, а также изучали процессы формирования миграционных потоков, включающих в т.ч. и образовательных мигрантов. [5; 6].

Материалы и методы

Источниками информации об образовательной политике государств, стипендиальных и иных программах поддержки студентов, практике международного сотрудничества стали ресурсы национальных образовательных ведомств стран региона, местных вузов, ассоциаций содействия студентам и т. д. Был осуществлен контент-анализ интернет-страниц указанных учреждений (для каждой страны набор источников информации несколько отличался), на основании которого была разработана классификация стран по направленности государственной политики.

Полученные из разрозненных источников данные также подвергались сравнительному анализу, элементы государственной политики классифицировались с точки зрения задач, решаемых странами региона и используемых для достижения цели методов.

Результаты

Подход к управлению образовательной миграцией как к важному элементу миграционной политики в целом является для Латинской Америки достаточно новым. Начиная с 1980 – 1990-х гг. ряд стран столкнулся с необходимостью выстраивания стратегии по повышению уровня квалификации рабочей силы, однако долгое время их основными задачами являлась репатриация образованных и квалифицированных граждан, занятых в экономиках развитых стран. Тем не менее, отдельные программы по приглашению исследователей в научные учреждения ЛАКБ содержали элементы, направленные на привлечение образовательных мигрантов. Более активно управлением этими потоками государства региона стали заниматься в XXI веке, причем многие конкретные инструменты разрабатываются и корректируются до сих пор.

К факторам, влияющим на выбор между национальным и зарубежным образованием, относят качество образования и его стоимость, размер сопутствующих расходов (проживание, базовые услуги), языковой фактор, географическую близость, связи и схожесть стран (культурную, этническую, религиозную общность), иммиграционную политику принимающей страны, перспективы выпускников на рынках труда. Возможность влиять на эти факторы и тем самым осуществлять управление образовательной миграцией сосредоточена в пяти крупных блоках инструментов.

1. Прямое стимулирование путем предоставления стипендий или учебных кредитов, т. е. воздействие на экономической, один из определяющих факторов.

2. Визовая политика, направленная на установление или снятие барьеров перед образовательными мигрантами. Главным элементом такой политики может считаться разрешение на осуществление трудовой деятельности в период учебы, поскольку необходимость покрывать как минимум расходы на проживание в другой стране ограничивает мобильность молодежи.

3. Интеграционные, культурные, языковые и иные программы, направленные на облегчение адаптации мигрантов.

4. Развитие образовательной системы, повышение качества преподавания в вузах, их связи с рынком труда. Этот пункт можно рассматривать и в широком смысле – инвестиции в образование, реформы университетов; и в узком – непосредственное развитие международного сотрудничества вузов, их интернационализация, вовлечение в глобальную образовательную и научную системы.

5. Рекламные и информационные инструменты, направленные как на повышение имиджа страны приема мигрантов, так и на предоставление информации о доступных для иностранного студента вузах, учебных программах и т. д.

Для дальнейшей классификации стран необходимо также понимать, что данный набор инструментов доступен экспортерам образовательных услуг, в то время как большинство небольших стран ЛАКБ реализуют обратную политику. Они заинтересованы в направлении своих граждан на учебу в другие государства, что можно по аналогии отождествлять с импортом образования. Для таких стран доступными остаются первый блок (стипендиальная политика) и, в узком смысле, четвертый блок (интернационализация собственных образовательных систем, развитие межвузовского сотрудничества для интенсификации академических обменов) инструментов.

На основании проведенного контент-анализа сайтов профильных министерств (образования, науки и т. п.), государственных агентств по развитию, специальных учреждений, в чьем ведении находится процесс выдачи стипендий для обучения за рубежом, крупнейших вузов и других организаций в странах ЛАКБ, участвующих в реализации государственных политик по управлению образовательной миграцией в регионе, страны были разделены на группы в зависимости от проводимой политики – экспорта или импорта образовательных услуг. Следует отметить, что при составлении этой классификации нецелесообразно использовать только статистические данные въездных и выездных образовательных мигрантов, поскольку регион в целом является донором иностранных студентов. Так, например, в Чили фиксируется нетто-отток образовательных мигрантов, однако государственная политика направлена на реализацию стратегии экспорта образовательных услуг. Ключевым критерием является наличие проработанной миграционной и образовательной политики.

Основой для приведенной классификации стала собственная работа автора, в которой для каждой страны региона были проанализированы нормативные доку-

менты, затрагивающие регулирование образовательной миграции, выявлены конкретные инструменты реализации государственной политики в рассматриваемой области управления миграцией [7].

Таблица 1.

Классификация стран ЛАКБ по политике в отношении образовательной миграции

Table 1.

Classification of LAC countries by educational migration policy

Экспортеры образовательных услуг	Импортеры образовательных услуг	Нет активной политики или нейтральная политика
Аргентина Бразилия Венесуэла Коста-Рика Куба Мексика Чили	Багамские острова Барбадос Боливия Гайана Гватемала Гондурас Доминика Колумбия Панама Парагвай Перу Тринидад и Тобаго Эквадор Ямайка	Антигуа и Барбуды Белиз Гаити Гренада (кроме одного вуза) Доминиканская Республика Никарагуа Сент-Винсент и Гренадины Сент-Китс и Невис Сент-Люсия Суринам Уругвай

Источник: составлено автором

Страны с нейтральной или отсутствующей политикой в отношении регулирования образовательной миграции можно разделить на несколько групп:

- малые страны региона, для которых проработка подобной политики не входит в число приоритетных задач (Антигуа и Барбуды, Белиз, Гренада, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Суринам);
- более развитые страны региона (Доминиканская Республика и Уругвай), достаточно вовлеченные в международную образовательную миграцию без дополнительного стимулирования;
- наименее развитые страны региона (Гаити и Никарагуа), не способные проводить политику в области образовательной миграции по экономическим причинам.

Страны-экспортеры образовательных услуг в Латинской Америке, как правило, используют далеко не весь спектр инструментов, направленных на привлечение иностранных студентов. Общей проблемой являются визовые ограничения: студенческие визы в этих странах запрещают осуществлять трудовую деятельность – в Бразилии, Мексике и Чили студент может получить специальное разрешение, если его работа связана с академической специализацией.

Страны-экспортеры значительно отличаются друг от друга, однако их условно можно разделить на несколько групп:

- Аргентина. Выраженный региональный лидер, наиболее комплексно использующий инструменты политики в области управления миграцией, претендующий на конкуренцию с ведущими мировыми экспортерами образования. Страна исторически обладает одной из наиболее развитых и востребованных в регионе образовательных систем. Главной особенностью аргентинского образования является бесплатный доступ населения к нему, включая высшее (только в государственных

Таблица 2.

Использование странами-экспортерами высшего образования различных инструментов управления образовательной миграцией

Table 2.

Educational migration management tools used by higher education exporting countries

Страна	Стипендиальная политика	Визовая политика	Интеграционные программы	Развитие межвузовского сотрудничества	Реклама, информационные инструменты
Аргентина	Бесплатное образование, государственные и университетские программы. Стратегия «лидера» региона	Либеральная, запрет на работу по студенческой визе	В рамках программы «Study Buenos Aires» и в отдельных вузах	Отдельные университеты	Дипломатический канал, сайт «Глобальный кампус», продвижение программы «Study Buenos Aires»
Бразилия	Две ключевые стипендиальные программы. Цель политики – точечное привлечение талантов.	С 2017 г. разрешено работать, если это связано с академической специализацией	Внутри университетов	Отдельные университеты	Дипломатический канал, незначительная активность
Венесуэла	Заявлена рекордная программа стипендий	Запрет на работу по студенческой визе	Да, с элементами политической пропаганды	Ограничено	Публичные заявления руководства страны
Коста-Рика	Привлечение образовательных мигрантов на короткий срок	Либеральная	В силу специализации – отсутствуют	Отдельные университеты	Агентство «PRO-COMER», сайты университетов
Куба	Активное привлечение студентов, политический подтекст	Рестриктивная	Да, с элементами политической пропаганды	Ограничено	Дипломатический канал
Мексика	Специализация на Центральной Америке и Карибском бассейне	Можно работать по студенческой визе, если это связано с академической специализацией	Внутри университетов	Политика интернационализации университетов	Агентство по международному сотрудничеству
Чили	Активная стипендиальная политика. Цель политики – точечное привлечение талантов	Можно работать по студенческой визе, если это связано с академической специализацией	Внутри университетов	Политика интернационализации университетов	Агентство по международному сотрудничеству

Источник: составлено автором

учебных заведениях). Аргентина является страной приема образовательных мигрантов. В 2018 г. там учились 109 266 иностранных студентов¹, что составляло 57% всех

¹ UIS Statistics // UNESCO Institute for Statistics [site]. URL: <http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?queryid=172> (accessed on 11.05.2021).

иностраннных студентов, обучающихся в Латинской Америке и Карибском бассейне. По данному показателю Аргентина заняла 11-е место в мире, обогнав Италию и Нидерланды.

- Бразилия, Чили, Мексика. Крупные страны притяжения образовательной миграции, имеющие свою «специализацию» (португалоговорящие страны для Бразилии, Центральная Америка для Мексики, андские страны для Чили). Указанные страны точечно работают на привлечение талантливой молодежи в качестве потенциальных ВКС и не ставят задачу значительно увеличить число образовательных иммигрантов. Эти страны (наряду с Аргентиной) также располагают наиболее развитыми образовательными системами, вовлеченными в международную академическую мобильность.

- Куба и Венесуэла. Ярko выраженный политический подтекст политики управления образовательными мигрантами, сказывающийся и на выборе стран, с которыми они сотрудничают, и на специфике интеграционных программ для студентов.

- Коста-Рика. Не является страной массового приема образовательных мигрантов, однако стремится реализовать политику экспорта образовательных услуг, в т. ч. за счет своего расположения и климата. Стратегия предусматривает привлечение мигрантов на короткий срок и ставит перед собой чисто экономические задачи.

Говоря об импортерах образовательных услуг, следует разделить страны из списка на две большие группы. Первая из них – государства, поставившие перед собой задачу по повышению квалификации населения путем подготовки наиболее талантливой молодежи за рубежом. К ним можно отнести Багамские острова, Барбадос, Боливию, Гайану, Гватемалу, Гондурас, Доминику, Панаму, Парагвай, Тринидад и Тобаго. Общим для них является понимание неготовности образовательной системы к обеспечению внутренних потребностей страны. Среди них выделяются Гайана и Гватемала, реализующие стипендиальные программы дистанционного онлайн-обучения. Формально снижая число мигрантов, такой механизм позволяет повысить спрос на импорт образовательных услуг, поскольку вовлекает большее число участников.

Другим типом стран являются более крупные Колумбия, Перу, Эквадор и Ямайка. Задачами, которые ставят перед собой эти государства, являются развитие образовательной системы внутри страны до того уровня, на котором они могли бы обеспечивать подготовку и воспроизводство квалифицированных специалистов. В рамках достижения данных целей государства стимулируют выезд своих граждан для развития их потенциала и его последующего применения в стране, в первую очередь – внутри самих вузов. Таким образом, эти страны можно классифицировать как страны переходного типа.

Несмотря на то, что Латинскую Америку и Карибский бассейн традиционно объединяют в единый макрорегион на основании языковых, этнических, религиозных и других особенностей, при оценке образовательной миграции в регионе удается проследить четкое географическое разделение. Для стран Южной Америки характерны миграционные потоки внутри континента, а за его пределами Северная Америка и континентальная Европа оказываются приблизительно равными точками притяжения. Для Центральной Америки и Карибского бассейна характерна образовательная миграция в США, Канаду и Великобританию. В качестве «второго выбора» испаноязычные страны Центральной Америки концентрируют миграционные по-

токи вокруг Мексики, а страны Карибского бассейна образуют единое, преимущественно англоязычное, пространство.

Обсуждение

Анализ национальных политик стран ЛАКБ в области управления образовательной миграцией указывает на несколько факторов, ограничивающих возможность исследований. Ключевой проблемой является недостаток официальной информации, как статистической, так и нормативно-правовой. За редким исключением образовательная миграция напрямую не упоминается в нормативных актах рассматриваемых стран, а выводы о политике в данной области приходится делать исходя из использования государственными учреждениями конкретных инструментов управления перемещением населения с целью получения образования.

Качество статистической информации также страдает, однако для этого есть объективные причины – возможность безвизового въезда между большинством государств региона, что позволяет некоторым учащимся, не покидающим пределов ЛАКБ, не регистрировать свое длительное пребывание в другой стране, либо не указывать причину переезда. Следует отметить, что с проблемой учета иностранных учащихся сталкивается большинство стран мира, поскольку базы данных вузов и органов, учитывающих миграцию населения, устроены совершенно по-разному.

Обращает на себя внимание и то, что ни одна из стран региона не публикует в явном виде исследования эффективности своих стипендиальных программ, кроме числа выданных стипендий и израсходованных средств. Отсутствие четких критериев делает невозможным объективную оценку целесообразности реализации той или иной программы. Создание измеримых показателей эффективности должно стать задачей по развитию политики управления образовательной миграцией в ближайшее время.

Последний вывод можно легко перенести и на российские реалии. Поставленная в рамках национального проекта «Образование» задача по увеличению численности иностранных студентов до 470 тыс. человек является достаточно амбициозной, но выполнимой с учетом мировых тенденций глобализации образования. Вместе с тем решение данной задачи не может рассматриваться отдельно от экономической, демографической и миграционной политики в целом, а оценка расходов на это средств должна соотноситься с потенциальными выгодами от привлечения такого количества иностранных учащихся.

Заключение

Число образовательных мигрантов в мире ежегодно возрастает, причем доля иностранцев в общем числе учащихся также постоянно увеличивается – образование становится более открытым и глобальным. Развивая образовательное сотрудничество, страны решают четыре блока задач: экономические, демографические, социальные и политические. Страны Латинской Америки и Карибского бассейна находятся на разных стадиях своего социально-экономического развития, что находит отражение и в задачах их образовательной политики. В результате исследования выявлены существенные различия в подходах государств региона к управлению потоками образовательных мигрантов. Страны можно разделить на три группы: экспортеры образовательных услуг (страны приема мигрантов), импортеры услуг (страны отправления мигрантов) и нейтральные государства, где в силу нехватки ресурсов

проблемы высшего образования отходят на второй план, а активной политики в этой сфере де-факто не проводится. На основе такого разделения разработана классификация стран региона в соответствии с их политикой регулирования образовательной миграции, дана оценка применяемым методам.

Обоснован подход к политике стимулирования выездной образовательной миграции как к импорту образовательных услуг по аналогии с политикой привлечения иностранных студентов, трактуемой как экспорт образования. Подобный подход позволяет обосновать для развивающихся стран необходимость выделения значительных объемов денежных средств на получение отдельными гражданами высшего образования за рубежом, несмотря на длительность самого процесса и отсутствие гарантированной измеримой отдачи от этих инвестиций.

В ходе исследования в качестве регионального лидера в международной академической мобильности выделена Аргентина. Успех ее политики продвижения за рубежом позволил в 2019 г. занять 11-е место в мире по числу иностранных студентов и войти в круг стран, заметных на мировом рынке образования. Данное государство проводит наиболее комплексную политику управления образовательной миграцией, однако ведущую роль играет исторически сложившаяся ситуация с предоставлением в Аргентине бесплатного высшего образования в т. ч. для иностранцев. Тем не менее, Аргентина является единственной страной на континенте, которая оценивает в т. ч. и прямой экономический эффект от притока студентов.

Удалось проследить четкое географическое разделение региона на два субрегиона. Континентальная Южная Америка за последние годы прошла большой путь от группы стран, страдающих от «утечки мозгов», до единого пространства, в т. ч. миграционного, что подтверждает повышение доли образовательной миграции внутри региона. Если раньше большая часть студентов стремилась уехать в США или ЕС, то сейчас страны Южной Америки самостоятельно принимают большую часть мигрантов из соседних государств.

Выявлен новаторский подход отдельных стран (Гайана и Гватемала), субсидирующих онлайн-образование своих граждан, что позволяет эффективнее расходовать ресурсы и удерживать население от образовательной эмиграции, чтобы не задействовать административные или экономические механизмы по их последующему возвращению в страну. Причем акцент на это был сделан еще до пандемии COVID-19, когда онлайн-образование стало гораздо более представленным на мировом рынке.

Список литературы

1. Митин Д. Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 3. С. 123–134.
2. Рязанцев С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. – М.: Формула права, 2007. – 576 с. ISBN: 978-5-8467-0049-9.
3. Письменная Е. Е. Особенности учета учебной миграции в России и за рубежом // Народонаселение. 2009. № 2 (44). С. 80–85.
4. Письменная Е. Е. Социальные последствия учебной иммиграции в Россию (вопросы теории и методики исследования): диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Институт социально-политических исследований Российской академии наук. – Москва, 2009. – 328 с.
5. Международная организация по миграции [Organización Internacional para las Migraciones]. Квалифицированная миграция и развитие: вызовы для Южной Америки [Migración Calificada y Desarrollo: desafíos para América del Sur]. Миграционные тетради № 7 [Cuadernos Migratorios № 7]. – Буэнос-Айрес: Международная организация по миграции. Региональный офис для стран Латинской

Америки, 2016. – 285 с.

6. Квалифицированная миграция в Латинской Америке: новые теоретико-методологические перспективы и вызовы [La migración cualificada en América Latina: nuevas perspectivas teóricas-metodológicas y desafíos]. Периплос. Журнал миграционных исследований [Periplos. Revista de Investigación sobre Migraciones]. 2018. Т. 2. № 1. 147 с.

7. Кузнецов Н. Г. Экспорт образовательных услуг и образовательная миграция в странах Латинской Америки и Карибского Бассейна: выпускная квалификационная работа на соискание степени магистра по направлению подготовки 38.04.01 «Экономика» / МГИМО МИД России. – Москва, 2021.

Сведения об авторе:

Кузнецов Никита Григорьевич, аспирант МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nick_smith@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-0186-0208.

Статья поступила в редакцию 24.08.2021; принята в печать 22.10.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

POLICIES IN REGULATING EDUCATIONAL MIGRATION IN LATIN AMERICA AND THE CARIBBEAN COUNTRIES

Nikita G. Kuznetsov

MGIMO University, Moscow, Russia

E-mail: nick_smith@mail.ru

For citation: Nikita G. Kuznetsov. Policies in Regulating Educational Migration in Latin America and The Caribbean Countries. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No 4. Pp. 129–139. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.10>.

Abstract. The article presents the results of a study on educational migration management policies in the countries of Latin America and the Caribbean (LAC). The main task was to systematize the state policy measures of the countries of the region in this area and classify countries into groups of exporters and importers of educational services, as well as countries with a neutral policy in the field of regulating educational migration. The paper analyzed four groups of tasks set by countries that attract educational migrants, and identified one additional, comprehensive goal for the development of national higher education systems. In accordance with the level of development and their political priorities, the LAC countries are also evaluated in terms of the compliance of the applied measures with the initial tasks that they set for the policy in the field of educational migration. The article substantiates the approach to the policy of stimulating educational emigration from developing countries as an import of educational services and draws conclusions about the feasibility of developing systems for evaluating the effectiveness of expenditures on the implementation of state policy in the field of educational migration management.

Keywords: migration, educational migration, Latin America, the Caribbean, exports of education, Argentina, South America, students, universities.

References

1. Mitin D. N. Educational Migration: The Notion, Problems and Ways of Solution. *RUDN Journal of Political Science*. 2010. No. 3. Pp. 123–134. (In Russ).
2. Ryazantsev S. V. *Trudovaya migratsiya v stranakh SNG i Baltii: tendentsii, posledstviya, regulirovaniye* [Labor Migration in the CIS and Baltic Countries: Trends, Consequences, and Regulation]. Moscow: Formula Prava Publishing House, 2007. 576 p. ISBN: 978-5-8467-0049-9. (In Russ).
3. Pismennaya E. E. Specifics of the Students' Migration Registration in Russia and Abroad. *Narodonaselenie (Population)*. 2009. No. 2 (44). Pp. 80–85. (In Russ).
4. Pismennaya E. E. *Sotsial'nyye posledstviya uchebnoy immigratsii v Rossiyu (voprosy teorii i metodiki issledovaniya)* [Social Consequences of Educational Immigration to Russia (Problems of Theory and Research Methodology): dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences / Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2009. 328 p. (In Russ).
5. Organización Internacional para las Migraciones [International Organization for Migration]. *Migración Calificada y Desarrollo: Desafíos para América del Sur* [Skilled Migration and Development:

Challenges for South America]. Cuadernos Migratorios № 7 [Migratory Notebooks No. 7]. Buenos Aires: International Organization for Migration. Regional Office for South America, 2016. 285 p. (In Spanish).

6. La Migración Cualificada en América Latina: Nuevas Perspectivas Teóricas-Metodológicas y Desafíos [Skilled migration in Latin America: new theoretical-methodological perspectives and challenges]. *Periplos. Revista de Investigación sobre Migraciones* [Periplos. Journal of Migration Research]. 2018. Vol. 2. No. 1. 147 p. (In Spanish).

7. Kuznetsov N. G. *Eksport obrazovatel'nykh uslug i obrazovatel'naya migratsiya v stranakh Latinskoy Ameriki i Karibskogo Basseyna* [Export of educational services and educational migration in Latin America and the Caribbean]: thesis for the degree of Master of Economics / MGIMO University. Moscow, 2021. (In Russ).

Bio note:

Nikita G. Kuznetsov, Postgraduate Student, MGIMO University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nick_smith@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-0186-0208.

Received on 24.08.2021; accepted for publication on 22.10.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ИНФЕКЦИОННЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ СРЕДИ МИГРАНТОВ В СТРАНАХ СУБРЕГИОНА БОЛЬШОГО МЕКОНГА ДО ПАНДЕМИИ COVID-19

Сюнякова Д. А.

*Центральный научно-исследовательский институт организации
и информатизации здравоохранения Министерства здравоохранения
Российской Федерации, Москва, Россия
E-mail: dilsun51@mail.ru*

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.11>

Сюнякова Д. А. Инфекционные заболевания среди мигрантов в странах субрегиона Большого Меконга до пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 140–151. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.11>

Аннотация. Миграционные проблемы, в том числе влияние потоков мигрантов на состояние общественного здоровья населения принимающей страны и инфекционные заболевания, завозимые мигрантами, в настоящее время вызывают большие дискуссии. Цель настоящего исследования – проанализировать данные о распространенности инфекционных болезней среди мигрантов и меры по снижению инфекционной заболеваемости, принимаемые в странах субрегиона Большого Меконга, также относимые Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) к регионам Юго-Восточной Азии и Западной части Тихого океана. Материалами исследования послужили отчеты, доклады, статистические материалы, программные документы Всемирной организации здравоохранения, Международной организации по миграциям и другие публикации. Для анализа ситуации с инфекционными заболеваниями среди мигрантов были отобраны материалы, содержащие информацию и статистику об инфекционных заболеваниях в странах субрегиона Большого Меконга (Китай, Таиланд, Камбоджа, Лаос, Вьетнам), поскольку именно в этих странах миграционные потоки очень интенсивны, и проблема передачи инфекционных заболеваний от мигрантов к населению принимающих стран является весьма актуальной. Несмотря на дефицит имеющейся статистической информации об уровне инфекционной заболеваемости среди мигрантов в странах регионов ВОЗ Юго-Восточной Азии и Западной части Тихого океана, а также разную миграционную и социальную политику в этих странах, полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что проводимые специальные программы и мероприятия для снижения заболеваемости среди мигрантов дают положительные результаты. Проведение скрининга и тестов на инфекционные заболевания у мигрантов, а также соответствующая социальная политика в плане предоставления универсального медицинского страхования для беженцев и мигрантов позволили бы своевременно диагностировать инфекционные заболевания у мигрантов и таким образом способствовать снижению уровня их заболеваемости и, соответственно, уровня заболеваемости постоянного населения принимающих стран.

Ключевые слова: здоровье мигрантов; инфекционные заболевания среди мигрантов; страны регионов ВОЗ Юго-Восточной Азии и Западной части Тихого океана.

Введение

Количество международных мигрантов в мире растет. В 2020 г. оно составило 281 млн человек (3,6% населения мира), из которых 164 млн являются трудовыми мигрантами. Индия продолжает лидировать в списке стран происхождения международных мигрантов, живущих за рубежом (17,5 млн), за ней следуют Мексика и Китай (11,8 млн и 10,7 млн соответственно) [1].

Миграционные проблемы, в том числе влияние потоков мигрантов на состояние общественного здоровья населения принимающей страны и значимость инфекционных заболеваний, завозимых мигрантами, в настоящее время вызывают большие дискуссии и еще недостаточно изучены ввиду отсутствия достоверной статистической информации.

Понятие «международные мигранты» охватывает целый ряд различных подгрупп, включая тех, кто принял решение мигрировать добровольно (например, экономические мигранты – переезжающие в поисках работы и заработка, образо-

вательные мигранты, семейные мигранты – сменившие место жительства ради воссоединения с родственниками, и т. д.), и тех, кто был вынужден мигрировать из-за военных конфликтов, преследования или экологических катастроф, которых называют вынужденными мигрантами.

В проекте Глобального плана действий Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) на 2019–2023 гг. по укреплению здоровья беженцев и мигрантов в принимающих странах среди приоритетных направлений названа поддержка диагностического потенциала для выявления вспышек инфекционных заболеваний и реагирования на них путем усиления эпиднадзора, стратегической готовности и введения необходимых вакцин; доступа к службам неотложной медицинской помощи, безопасным лекарствам и медицинским продуктам, эффективным, доступным для всех по цене высококачественным лекарственным средствам. Все эти виды деятельности должны осуществляться в странах в рамках всеобъемлющей национальной политики и стратегий в области здравоохранения, которые соответствуют международно-правовой ответственности и обязательствам, связанным с Международными медико-санитарными правилами (2005 г.), уделяя при этом внимание надлежащему применению антибиотиков и профилактике противомикробной устойчивости [2].

По последним оценкам в регионе ВОЗ Юго-Восточной Азии и Западной части Тихого океана находится 5 млн международных мигрантов, в том числе 4,9 млн – в Таиланде (из них 3,9 млн являются трудовыми мигрантами из Камбоджи, Лаосской Народно-Демократической Республики, Мьянмы и Вьетнама) [2].

В регионах ВОЗ Юго-Восточной Азии и Западной части Тихого океана среди беженцев и мигрантов наиболее распространены такие инфекционные заболевания, как туберкулез, малярия, лихорадка денге, ВИЧ-инфекция, гепатиты В и С, корь и краснуха.

Цель настоящего исследования – проанализировать данные о распространенности инфекционных болезней среди мигрантов и принимаемые в странах регионов ВОЗ Юго-Восточной Азии и Западной части Тихого океана меры, направленные на снижение инфекционной заболеваемости.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили отчеты, доклады, статистические данные, программные документы Всемирной организации здравоохранения, Международной организации по миграциям и другие публикации.

Для анализа ситуации с инфекционными заболеваниями среди мигрантов из таких публикаций были выбраны материалы, содержащие информацию и статистику об инфекционных заболеваниях в странах регионов ВОЗ Юго-Восточной Азии и Западной части Тихого океана (Китай, Таиланд, Камбоджи, Лаос, Вьетнам, входящих также в группу стран субрегиона Большого Меконга), поскольку именно в этих странах миграционные потоки очень интенсивны, и проблема с передачей инфекционных заболеваний от мигрантов населению принимающих стран является весьма актуальной.

Результаты

Основные инфекционные заболевания населения в регионе

Туберкулез легких является самым распространенным инфекционным заболеванием среди беженцев и мигрантов в странах регионов ВОЗ Юго-Восточной Азии и Западной части Тихого океана. Например, в списке 30 стран с высоким бременем туберкулеза, в соответствии с определением ВОЗ, в период с 2016 по 2020 гг.

находились следующие страны этих регионов ВОЗ: Бангладеш, Вьетнам, Индия, Индонезия, Камбоджа, Китай, КНДР, Мьянма, Папуа Новая Гвинея, Таиланд и Филиппины. В списке стран с высоким бременем туберкулеза с множественной лекарственной устойчивостью были Бангладеш, Вьетнам, Индия, Индонезия, Китай, КНДР, Мьянма, Папуа Новая Гвинея, Таиланд и Филиппины. В список стран с высоким бременем туберкулеза, сочетанного с ВИЧ-инфекцией, были включены Индия, Индонезия, Китай, Мьянма. Папуа Новая Гвинея и Таиланд. Среди заболевших туберкулезом немалую долю составляли мигранты [3].

Лихорадка денге, вызываемая несколькими флавивирусами, ежегодно приводит к 50–100 млн случаев заболевания, включая 24 тыс. случаев смерти от геморрагической лихорадки денге. За последние 60 лет частота, распространение и клиническая тяжесть лихорадки денге резко возросли. Например, в Юго-Восточной Азии количество случаев заболевания увеличилось с 1950-х гг. почти в 20 раз. В настоящее время более двух пятых населения мира живет в районах, потенциально подверженных риску распространения лихорадки денге. Наряду с ростом населения, другие причины также сыграли свою роль в увеличении данного показателя: например, неконтролируемая урбанизация привела к неадекватному управлению водоснабжением и отходами, в результате чего крупные хранилища воды становятся средой обитания для личинок комаров – переносчиков лихорадки денге¹.

Кроме того, воздушное сообщение между странами привело к импорту новых серотипов вируса лихорадки денге. Считается, что воздействие на человека нескольких серотипов вызывает более серьезные иммунные реакции. Также туризм ставит под угрозу жителей эндемичных для лихорадки денге стран. В некоторых исследованиях было подсчитано, что до 8% путешественников, возвращающихся домой из регионов, где распространена лихорадка денге, страдают данным заболеванием. К увеличению заболеваемости могут привести и антропогенные изменения в окружающей среде, такие как строительство новых плотин [4].

От малярии *Falciparum* ежегодно умирает около одного млн человек, в основном дети. Несмотря на согласованные усилия по искоренению и профилактике малярии после окончания Второй мировой войны, заболевание остается распространенным во многих регионах мира. Процессы глобализации в начале XXI в. способствуют росту заболеваемости малярией в некоторых районах. Во многих странах с низким уровнем дохода наряду с экономическими проблемами, гражданские и международные конфликты привели к прекращению программ по борьбе с комарами, что вызвало катастрофические последствия в плане распространения малярии².

Процессы глобального потепления, способствующие расширению диапазона широт, где передается малярия, а также растущее число туристов из стран с высоким уровнем дохода в эндемичных по малярии районах подвергает риску заражения малярией все больше людей. В настоящее время наблюдается очень высокая устойчивость паразитов к противомаларийным препаратам, включая множественную лекарственную устойчивость, а вирус малярии *Falciparum* почти повсеместно устойчив к хлорохину.

---

¹ Денге и тяжелая денге // Всемирная организация здравоохранения [сайт]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/dengue-and-severe-dengue> (дата обращения: 15.08.2021).

² Nội dung toàn văn Law No. 81/2006/QH11 of November 29, 2006, on residence // Vanbanphapluat.co. Legal documents website. URL: <https://vanbanphapluat.co/law-no-81-2006-qh11-of-november-29-2006-on-residence> (accessed on 21.08.2021).

Основные сведения о заболевших и излечившихся от малярии ежемесячно передаются в единую базу данных программы ВОЗ по ликвидации малярии. Эта база дает возможность национальным программам по борьбе с малярией в субрегионе Большого Меконга отслеживать свой прогресс и одновременно наблюдать ситуацию с малярией в соседних странах. Еще раз напомним: к странам субрегиона Большого Меконга (СБМ) относятся Китай, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд и Вьетнам, которые входят также в группу стран регионов ВОЗ Юго-Восточной Азии и Западной части Тихого океана.

Согласно статистике, в 2020 г. в странах СБМ было зарегистрировано 76 689 подтвержденных случаев заболеваний малярией, из которых 1 148 (1,5%) случаев – среди мигрантов при неизменном уровне миграции в этом регионе (см. табл. 3)³.

Роль миграционных процессов в распространении инфекционных болезней и доступ к системам здравоохранения

В регионе ВОЗ Юго-Восточной Азии самой крупной страной, принимающей беженцев и мигрантов, является Таиланд (в 2019 г. в страну прибыли свыше 3,6 млн мигрантов), а в Западной части Тихого океана – Малайзия (более 3,4 млн) (см. табл. 1). В основном, люди, приезжающие на заработки в качестве мигрантов, имеют хорошее здоровье, способность и возможность выехать за рубеж, тем не менее им также требуется медицинское обслуживание.

Таиланд принимает большое количество мигрантов, в основном из соседних стран. В стране проживает, по разным оценкам, около 3–4 млн мигрантов, из которых около 1,5 млн человек пересекли границу без легально зарегистрированных документов [5]. Мигранты регистрируются в правительстве в соответствии с полисом «универсального обслуживания», однако незарегистрированные мигранты и лица без гражданства не имеют права на медицинское обслуживание [5].

Таблица 1.

Международные передвижения мигрантов по странам выбытия и прибытия в субрегионе Большого Меконга и Малайзии (2019 г.)

Table 1.

International movements of migrants by countries of origin and destination in the Greater Mekong Subregion and Malaysia (2019)

Страна назначения	Страна происхождения							
	Всего	Камбоджа	КНР	Лаос	Малайзия	Мьянма	Таиланд	Вьетнам
КНР	1 030 871				6 461		16 012	29 612
Камбоджа	78 649		1 614	276	182	55	32 758	38 744
Лаос	48 275	3 634	14 205			3 005	3 490	20 076
Малайзия	3 430 380	16 166	11 864			345 947	15 580	99 875
Мьянма	75 998		34 893					
Таиланд	3 635 085	689 451	77 581	934 936	1 369	1 858 735		7 350
Вьетнам	76 104	1 035	3 141	7 272	133	11 695	12 077	

Источник: *International Migration*⁴

³ Data and Research // International Organization for Migration [site]. URL: <https://www.iom.int/data-and-research> (accessed on 16.08.2021).

⁴ International Migration // Population Division / Department of Economic and Social Affairs / United Nations [site]. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/index.asp> (accessed on 18.08.2021).

В 2014 г. правительство Таиланда ввело многосекторальную политику в отношении мигрантов, координируемую через министерства внутренних дел, труда, здравоохранения и иммиграции.

Мигранты, имеющие разрешения на работу, полностью охвачены тайской системой социального обеспечения. Анализ данных показал, что с апреля по июль 2016 г. 1 146 979 человек, т. е. 33,7% от общего числа предполагаемых рабочих мигрантов, насчитывающих 3 400 787 человек, подали заявления, прошли скрининг и были включены в систему медицинского страхования мигрантов (см. табл. 2) [6].

Таблица 2.

Результаты проверки здоровья при регистрации в системе медицинского страхования мигрантов в Таиланде с 1 апреля по 2 августа 2016 г.

Table 2.

Health check results when registering with the migrant health insurance system in Thailand from 1 April to 2 August 2016

Результаты	Количество мигрантов
Целевая численность мигрантов, охваченных медицинским страхованием, на 2016 г.	3 400 787
Подали заявку для регистрации и проверки здоровья (4 месяца в 2016 г.)	1 147 889
Проверены и зачислены в программу медицинского страхования мигрантов	1 146 979
Не нуждаются в лечении	1 138 066
Проходили лечение от инфекционных заболеваний, в т. ч.:	6 897
Туберкулез легких	4 929
Сифилис	1 913
Лимфатический филяриатоз	50
Лепра (проказы)	5
Другие (как, например, гельминтоз, анемия, недоедание)	2 016
Проверены и оценены как не пригодные для работы: вернулись обратно в страну происхождения ³	910

Источник: [6]

Из них 1 146 979 человек (33,7%) были зачислены в программу медицинского страхования мигрантов; 6 897 (0,6%) проходили лечение от инфекционных заболеваний (в т. ч. 4 929 от туберкулеза легких). Еще 910 мигрантов (0,1%) были оценены как не пригодные для работы (из-за злоупотребления психоактивными веществами, сифилиса третьей стадии, симптоматической проказы или лимфатического филяриатоза) и вернулись обратно в страну происхождения без лечения. Все дети, а не только участники системы медицинского страхования мигрантов, имели право на полный охват иммунизацией через одну и ту же систему расширенной программы иммунизации граждан Таиланда. Несмотря на это достижение, уровень использования медицинских услуг среди участников медицинского страхования остается низким [6]. В соответствии с определением ВОЗ, в период с 2016 по 2020 гг. Таиланд входил в список 30 стран с высоким бременем туберкулеза, туберкулеза с множественной лекарственной устойчивостью и туберкулеза, сочетанного с ВИЧ [7]. В 2020 г. в Таиланде

³ Из-за наркотической зависимости и токсикомании, алкоголизма, сифилиса (3-я стадия), симптоматической проказы и лимфатического филяриатоза.

было зарегистрировано 4 004 случая заболевания малярией, из которых 715 было завезено мигрантами (см. табл. 3) [8].

Вьетнам является страной, преимущественно отправляющей мигрантов. В среднем около 100 тыс. рабочих ежегодно выезжают из Вьетнама для работы в других странах. Характеристики вьетнамских мигрантов и характер миграции может различаться в зависимости от принимающих стран. В более чем 40 странах и территориях насчитывается около 500 тыс. вьетнамских рабочих по крайней мере 30 различных профессий [9]. В 2016 г. около 126 тыс. вьетнамских мигрантов работали по контрактам с фиксированным сроком в 28 странах. Мигранты были определены как уязвимые группы населения, сталкивающиеся с проблемами в доступе к медицинской помощи во Вьетнаме и странах назначения [9].

Вьетнам разработал национальные законы и политику, предусматривающую доступ к медицинской помощи среди мигрантов. В то время как некоторые национальные законы и политика облегчают доступ к медицинской помощи для мигрантов, Закон о резиденции (2006 г.)⁶ и Закон о медицинском страховании (2014 г.) [9] могут ограничивать доступ к медицинскому обслуживанию для внутренних и зарубежных мигрантов, поскольку доступ к медицинскому обслуживанию зависит от места проживания. Мигранты являются также целевой группой национальных стратегий, связанных с туберкулезом, малярией и ВИЧ, для профилактики, выявления и лечения этих трех заболеваний. В принципе, диагностика и лечение туберкулеза, малярии и ВИЧ-инфекции бесплатны для всех граждан Вьетнама. Однако краткосрочные резиденты и мигранты без документов должны платить за эти услуги, если они не зарегистрированы в национальной информационно-справочной системе.

Основными инфекционными заболеваниями среди мигрантов во Вьетнаме являются ВИЧ, малярия и туберкулез. ВИЧ распространяется среди мигрантов в результате совместного с партнерами использования инъекционного инструментария и непостоянного использования барьерных средств контрацепции во время половых контактов с секс-работниками. Кроме того, ограничен доступ к услугам по профилактике ВИЧ [10].

Также распространенной проблемой здравоохранения, с которой сталкиваются мигранты во Вьетнаме, является малярия, что объясняется ограниченными знаниями о профилактике малярии и задержках в обращении за медицинской помощью среди мигрантов [9]. В 2020 г. во Вьетнаме был зарегистрирован 1 421 случай заражения малярией, из которых 303 случая завезены мигрантами (см. табл. 3) [8]. Из-за высокого уровня мобильности мигранты, инфицированные малярийными паразитами, могут столкнуться с трудностями для завершения лечения в том же медицинском учреждении. Неполное же завершение курса лечения малярии увеличивает риск развития лекарственно-устойчивой малярии.

Система общественного здравоохранения сталкивается с проблемами при оценке эпидемиологической ситуации развития малярии из-за незарегистрированных случаев из частного сектора здравоохранения и неавторизованных аптек, назначающих лечение малярии. Одной из распространенных причин недостаточного использования услуг по профилактике и лечению малярии среди мигрантов является отсутствие необходимого статуса проживания. Мигранты, как правило, живут в районах, где медицинские пункты находятся далеко от домов. Кроме того, отсутствие информации о том, как получить доступ к долговременным инсектицидам, обработанным

⁶ Nội dung toàn văn Law No. 81/2006/QH11 of November 29, 2006, on residence.

специальными инсектицидами сетям и сеткам для гамака, а также об использовании разных методов отпугивания комаров (благовония от комаров и спреи от насекомых) и недостаточные знания о малярии и ее профилактике также остаются опасными для заражения факторами [9].

Таблица 3.

Заболееваемость малярией в странах субрегиона Большого Меконга в 2020 г.

Table 3.

Malaria incidence in the Greater Mekong Subregion in 2020

Страны	Камбоджа	Китай	Лаос	Мьянма	Таиланд	Вьетнам
Количество проведенных тестов	850 805	113 245	576 503	3 611 814	781 977	1 811 387
Количество подтвержденных случаев	9 490	137	3 505	58 132	4 004	1 421
Завозные случаи	0	130	0	-	715	303

Источник: [8]

Другое инфекционное заболевание, распространенное в общинах мигрантов, – туберкулез. В 2016 г. Вьетнам был одной из 30 стран мира с высоким бременем туберкулеза [3]. Согласно Докладу ВОЗ о борьбе с туберкулезом в мире за 2019 г., во Вьетнаме в 2018 г. было зарегистрировано 102 171 новых случаев заболевания туберкулезом [11]. Несмотря на имеющиеся скудные данные о туберкулезе среди мигрантов, очевидно, что такие уязвимые группы населения имеют высокий риск заражения туберкулезом. В процессе миграции бедность, плохие и опасные условия труда, ограниченный доступ к медицинским услугам и социальная изоляция являются важными факторами, повышающими риск заражения и передачи туберкулеза [11].

Камбоджа предоставляет зарегистрированным мигрантам защиту в соответствии с трудовым законодательством. В Камбодже трудовое право, охватывающее всех работников независимо от их гражданства, за исключением домашней прислуги, утверждает, что работодатели «должны оказывать первичную медицинскую помощь своим работникам»⁷. Профессиональные заболевания и несчастные случаи, связанные с работой, также должны покрываться работодателями, которые должны предоставлять своим работникам медицинскую помощь, включая лечение и госпитализацию, а также компенсацию в случае временной или постоянной нетрудоспособности. Кроме того, работодатели обязаны покрывать расходы, связанные с химиопрофилактикой или вакцинацией против эпидемий. Камбоджа входит в список 30 стран ВОЗ с высоким бременем туберкулеза. Заболееваемость малярией, которая также распространена среди мигрантов, в 2020 г. составила 9 490 подтвержденных случаев (см. табл. 3) [3; 8].

В Лаосской Народно-Демократической Республике Закон о труде, применяемый ко всем работникам, включая иностранцев, содержит специальный раздел о труде мигрантов, который предоставляет правовую защиту иностранным рабочим в соответствии с законами Лаоса⁸. В случае профессиональных заболеваний и (или) не-

⁷ Cambodia Labour Law // Cambodia Law Services [site]. URL: <http://www.metheavy.com/File/Media/CAMBODIA%20LABOURLAW.pdf> (accessed on 05.09.2021).

⁸ Lao People's Democratic Republic Labor Law (Amended) No. 43/NA // International Labour Organization [site]. URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/MONOGRAPH/96369/113864/F1488869173/LAO96369Eng.pdf> (accessed on 05.09.2021).

счастливых случаев на работе, работодатели должны принимать ответственность за лечение и нести реабилитационные расходы.

Одним из инфекционных заболеваний, распространенных как среди местного населения, так и среди мигрантов в Лаосе является малярия. Последняя крупная вспышка малярии в стране произошла в период с 2011 по 2014 гг.; только в 2014 г. было зарегистрировано более 50 тыс. случаев малярии.

Благодаря ряду улучшений в системах управления данными о малярии, которые обеспечили возможность страны эффективно выявлять случаи малярии и принимать ответные меры, произошел огромный сдвиг в сторону уменьшения заболеваемости. В стране не регистрировалось случаев смерти от малярии в течение последних двух лет, а в 2020 г. был зафиксирован рекордно низкий уровень заболеваемости – 3 505 случаев⁹.

В старой системе эпиднадзора на выявление вспышек уходило до шести месяцев. Сегодня о случаях заболевания малярией, выявленных в 84% всех районов страны, сообщается в режиме, близком к реальному времени.

В Китае сформировался класс рабочих-мигрантов из сельских регионов, переезжающих на работу в города; их количество, по данным статистики за 2014 г., достигло 274 млн (около 20% всего населения и 36% рабочей силы)¹⁰. Это самая масштабная трудовая миграция в мире. Рабочие-мигранты (по-китайски – *pongmíngōng*, буквально – крестьянин-рабочий), как правило, ущемлены в гражданских правах, большинство не имеют городской прописки. Система прописки исключает сельских мигрантов из важнейших сетей социального обеспечения, которыми пользуются горожане.

Мигранты в Китае имеют неравный доступ к основным услугам общественного здравоохранения, и главным препятствием для выполнения национальных правил базового общественного здравоохранения является их высокая мобильность. Достижение базового уровня безопасности здоровья мигрантов будет иметь прямое влияние на эффективность новых медицинских реформ в стране и на выполнение Плана «Здоровый Китай 2030», в котором предусматривается сосредоточить внимание на сельских районах и первичной медико-санитарной помощи, выравнивании уровня медицинских услуг для городского и сельского населения. Особое внимание уделяется уравниванию основных услуг общественного здравоохранения для мигрантов и местных жителей, а также достижению цели «здоровье для всех и все для здоровья» [12].

Несмотря на низкий уровень доступа к основным услугам общественного здравоохранения, охват мигрантов вакцинацией для профилактики инфекционных заболеваний, в основном достиг национального стандарта. В остальном (ведение медицинских карт, предоставление услуг по санитарному просвещению и медицинскому освидетельствованию), мигранты имеют умеренный уровень охвата. Для обеспечения необходимых фондов используется метод оплаты, называемый «сначала – предоплата, после – расчет», при котором правительство выделяет из бюджета определенные средства на обслуживание базового уровня, например, на общественные больницы. Отдел обслуживания базового уровня сначала использует деньги, а потом

⁹ Towards zero: harnessing data to eliminate malaria in the Lao People's Democratic Republic // World Health Organization [site]. URL: <https://www.who.int/news-room/feature-stories/detail/towards-zero-harnessing-data-to-eliminate-malaria-in-the-lao-people-s-democratic-republic> (accessed on 25.04.2021).

¹⁰ Миграция в Китае // Migrocenter. Livejournal. Блог-платформа. 19.08.2017. URL: <https://migrocenter.livejournal.com/325921.html> (дата обращения: 20.08.2021).

производит расчеты. Однако из-за высокой мобильности мигрантов местные органы власти не могут полностью отследить их перемещения, что затрудняет достижение равного уровня доступа к основным услугам общественного здравоохранения.

Обсуждение: трансграничные программы по контролю заболеваемости

Провинция Юньнань на юго-западе Китая граничит с Мьянмой, Лаосской Народно-Демократической Республикой и Вьетнамом. Есть 18 официальных и 643 неофициальных пунктов въезда в Юньнань, и ежегодная численность мигрантов и мобильного населения составляет 14 млн человек [7]. Тем не менее, заболеваемость малярией в Юньнани резко сократилась за последние два десятилетия. Большинство случаев малярии, зарегистрированных в Юньнани в 2012 г., были завезены в основном из Мьянмы, а также из Камбоджи, Лаосской Народно-Демократической Республики и Таиланда. В 2020 г. из 137 зарегистрированных случаев заболевания малярией 130 было завезено мигрантами (см. табл. 3) [8].

Трансграничная совместная программа по профилактике и борьбе с малярией началась в 2005 г. и финансируется Министерством здравоохранения Китая. Эта программа поддерживает совместные программы профилактики и контроля в Китае – Мьянме, Китае – Лаосской Народно-Демократической Республике и пограничных районах Китая – Вьетнама. Мероприятия включают создание системы обмена информацией об эпидемиях и совместного рабочего механизма; обучение местного персонала и проведение совместного санитарного просвещения по профилактике малярии и борьбе с ней в приграничных районах; организацию китайских экспертов для оказания технической помощи другим странам-партнерам; обеспечение лабораторной и другой материальной поддержки пограничным медицинским учреждениям обеих сторон.

В ноябре 2011 г. в провинции Юньнань (КНР) Министры здравоохранения шести стран субрегиона Большого Меконга (Китай, Камбоджи, Лаосской Народно-Демократической Республики, Мьянмы, Таиланда и Вьетнама) подписали меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области надзора за болезнями в бассейне реки Меконг. Эти шесть стран решили продолжить совместное сотрудничество по эпиднадзору за малярией, лихорадкой денге, бубонной чумой, ВИЧ/СПИД, туберкулезом, тяжелой диареей, включая холеру, возникающими инфекционными заболеваниями, такими как тяжелый острый респираторный синдром и птичий грипп А (H5N1) [7].

Системы и частота трансграничного обмена информацией зависят от конкретного заболевания. Например, уведомление о случаях H5N1, тяжелого острого респираторного синдрома, COVID-19 и холеры передается в течение 24 часов после постановки диагноза. Число случаев заболевания малярией и случаев смерти от нее передается ежемесячно. В стратегии ВОЗ по ликвидации малярии в странах субрегиона Большого Меконга на 2015–2030 гг. предусматривается среди прочих целей и задач обеспечение полного доступа мигрантов к медицинскому обслуживанию [8; 13].

Если дело касается инфекционных заболеваний, то задержки в обращении мигрантов за лечением или проблемы при попытках продолжить лечение хронических инфекционных заболеваний, таких как туберкулез или ВИЧ, могут иметь отрицательные последствия для местного населения, поскольку может возрасти риск последующей передачи инфекции. Это особенно важно в случае перемещения через международные границы, при котором задержки с обращением за медицинской помощью связаны с несколькими факторами, включая страх обращения к государ-

ственным службам в случаях отсутствия легального статуса или прямой отказ в доступе к медицинской помощи со стороны провайдеров медицинских услуг.

Признание важности учета миграции для борьбы с инфекционными заболеваниями было закреплено в Международных медико-санитарных правилах и программах борьбы с основными болезнями, разработанных всемирными органами здравоохранения в 2005 г. [14].

Выводы

В странах действуют разные положения иммиграционной политики и разные процедуры сбора данных о мигрантах, что затрудняет разработку согласованного подхода к учету континентов незаконных мигрантов в глобальном масштабе.

Дефицит статистической информации о заболеваемости и смертности мигрантов, в том числе от инфекционных заболеваний, в странах регионов ВОЗ Юго-Восточной Азии и Западной части Тихого океана не позволяет в точности определить их вклад в заболеваемость инфекционными и неинфекционными болезнями постоянного населения принимающих стран.

Улучшение доступа к медицинским услугам и лечение инфекционных заболеваний среди определенных групп мигрантов, а также информированность беженцев и мигрантов об их правах на медицинское обслуживание, могли бы способствовать снижению показателей их заболеваемости и смертности от инфекционных заболеваний, укреплению глобальной безопасности в области здравоохранения и эффективной профилактике и контролю инфекций, а также снижению бремени таких заболеваний, как малярия, туберкулез и ВИЧ-инфекция в странах, принимающих мигрантов.

Это потребует от служб здравоохранения принимающих стран лучшей адаптации для повышения их доступности и способности реагировать на потребности некоторых групп мигрантов. Риск смертности от инфекционных заболеваний значительно варьируется среди мигрантов и стран, поэтому скрининг должен проводиться с учетом эпидемиологии конкретных болезней и текущей обстановки (ситуации) и только в тех районах, где это принесет максимальную пользу.

В соответствии с Резолюцией ВОЗ А61/17 о здоровье мигрантов, одобренной в 2008 г., была разработана операционная структура, включающая приоритетные направления для действий, в том числе: разработку систем и обмен передовым опытом в области мониторинга здоровья мигрантов; внедрение поддерживающих политических рамок в секторах и между странами, не исключая финансовую поддержку; создание учитывающих интересы мигрантов инклюзивных систем здравоохранения, поддерживаемых соответствующими профессиональными компетенциями, налаживание партнерских отношений и включение вопросов здоровья мигрантов в соответствующие междисциплинарные рамки [15]. В качестве положительного опыта можно было бы также рассмотреть подписание меморандума о взаимопонимании по сотрудничеству в области надзора за болезнями в странах субрегиона Большого Меконга, в котором предусматривалось бы совместное сотрудничество по эпиднадзору за малярией, лихорадкой денге, бубонной чумой, ВИЧ/СПИД, туберкулезом, холерой, а также другими возникающими инфекционными заболеваниями [7].

Список литературы

1. *International Organization for Migration. World Migration Report 2020. Geneva, Switzerland: International Organization for Migration, 2019. 496 p. ISSN: 1561-5502.*

2. *World Health Organization*. Promoting the Health of Refugees and Migrants: Draft Global Action Plan, 2019–2023. Geneva, Switzerland: World Health Organization, 2019. 13 p. A72/25 Rev.1.
3. *World Health Organization*. Use of High Burden Country Lists for TB by WHO in the Post-2015 Era. Geneva, Switzerland: World Health Organization, 2015. 19 p.
4. *Saker L., Lee K., Cannito B., Gilmore A., Campbell-Lendrum D. H. et al.* Globalization and Infectious Diseases: A Review of the Linkages. World Health Organization, 2004. 62 p.
5. *World Health Organization*. Health of Refugees and Migrants – Practices in Addressing the Health Needs of Refugees and Migrants: WHO South-East Asia Region. Geneva, Switzerland: World Health Organization, 2018. 28 p.
6. *Tangcharoensathien V., Thwin A. A., Patcharanarumol W.* Implementing Health Insurance for Migrants, Thailand. Bulletin of the World Health Organization. Vol. 95. No. 2. Pp. 146–151. DOI: <http://dx.doi.org/10.2471/BLT.16.179606>.
7. *World Health Organization*. Regional Office for the Western Pacific. Technical Consultation on Improving Access to Malaria Control Services for Migrants and Mobile Populations in the Context of the Emergency Response to Artemisinin Resistance in the Greater Mekong Subregion. 22–23 May 2014, Ha Noi, Viet Nam: meeting report. WHO Regional Office for the Western Pacific, 2014. 20 p.
8. *World Health Organization*. Mekong Malaria Elimination Programme: Epidemiology Summary. Vol. 13, January-March 2021. Geneva, Switzerland: World Health Organization, 2021. 10 p.
9. *International Organization for Migration*. Situation Analysis of Migrant Health in Viet Nam. Ha Noi, Viet Nam: International Organization for Migration, 2020. 106 p. PUB2020/013/R.
10. *Van Huy N., Dunne M. P., Debattista J.* Predictors of Condom Use Behaviour Among Male Street Labourers in Urban Vietnam Using a Modified Information-Motivation-Behavioral Skills (IMB) Model. Culture, Health and Sexuality. 2016. Vol. 18. No. 3. Pp. 321–336. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691058.2015.1084375>.
11. *World Health Organization*. Global Tuberculosis Report 2019. Geneva, Switzerland: World Health Organization, 2019. 283 p. ISBN: 9789241565714.
12. *He H., Zhang J., Xiu D.* China's Migrant Population and Health. China Population and Development Studies. 2019. No. 3. Pp. 53–66. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42379-019-00032-7>.
13. *Cui L., Cao Y., Kaewkungwal J., Khamsiriwatchara A., Lawpoolsri S., Soe T. N., Kyaw M. P., Sattabongkot J.* Malaria Elimination in the Greater Mekong Subregion: Challenges and Prospects / Manguin S., Dev V. (Eds.) Towards Malaria Elimination: A Leap Forward. InTechOpen, 2018. DOI: <https://doi.org/10.5772/intechopen.76337>.
14. *World Health Organization*. International Health Regulations. Geneva, Switzerland: World Health Organization, 2005. 86 p. ISBN: 9789241580410.
15. *World Health Organization*. Sixty-First World Health Assembly Resolution. Geneva, Switzerland: World Health Organization, 2008. 101 p. WHA61/2008/REC/1.

Сведения об авторе:

Сюнякова Дилара Алимовна, старший научный сотрудник ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: dilsun51@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9597-7695; РИНЦ Author ID: 1020260.

Статья поступила в редакцию 09.07.2021; принята в печать 13.09.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

INFECTIOUS DISEASES AMONG MIGRANTS IN COUNTRIES OF THE GREATER MEKONG SUBREGION BEFORE THE COVID-19 PANDEMIC

Dilyara A. Syunyakova

Federal Research Institute for Health Organization and Informatics of Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: dilsun51@mail.ru

For citation: Dilyara A. Syunyakova. Infectious Diseases among Migrants in Countries of the Greater Mekong Subregion before the COVID-19 Pandemic. DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 4. P. 140–151. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.11>

Abstract. Migration issues, including the impact of migrant flows on the state of public health in the host country and infectious diseases imported by migrants are currently causing much debate. The aim of this study is to analyze data on the prevalence of infectious diseases among migrants and measures to reduce infectious morbidity taken in the countries of the Greater Mekong Subregion, also referred by the World Health Organization (WHO) to the South-East Asia and Western Pacific regions. The research materials included reports, statistical materials, program documents by the World Health Organization, the International Organization for Migration, and other publications. To analyze the situation with infectious diseases among migrants, we selected materials containing information and statistics on infectious diseases in the countries of the Greater Mekong subregion (China, Thailand, Cambodia, Laos, Vietnam, also included in the group countries of the Greater Mekong subregion), since it is in these countries that migration flows are very intense and the problem of transmission of infectious diseases from migrants to the population of the host countries is very urgent. Despite the lack of available statistical information on the level of infectious morbidity among migrants in the countries of the WHO regions of South-East Asia and the Western Pacific, as well as different migration and social policies in these countries, the results obtained allow us to conclude that the special programs and measures to reduce morbidity among migrants are yielding positive results. Screening and testing for infectious diseases in migrants, as well as an appropriate social policy in terms of providing universal health insurance for refugees and migrants, would make it possible to timely diagnose infectious diseases in migrants and thus contribute to a decrease in their incidence and, accordingly, the incidence of persistent diseases. the population of the host countries.

Keywords: migrants' health; infectious diseases among migrants; countries of the WHO South-East Asia and Western Pacific Regions.

Bio note:

Dilyara A. Syunyakova, Senior Researcher, Federal Research Institute for Health Organization and Informatics of Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: dilsun51@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9597-7695; RSCI Author ID: 1020260.

Received on 09.07.2021; accepted for publication on 13.09.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ЭКСПЕДИЦИИ СОТРУДНИКОВ ИДИ ФНИСЦ РАН В РАЙОНЫ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Лукьянец А. С.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; МГИМО МИД России,
Москва, Россия*

E-mail: artem_ispr@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.12>

Для цитирования: Лукьянец А. С. Экспедиции сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН в районы Крайнего Севера // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 152–158. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.12>.

В рамках реализации научного проекта «Климатические риски для населения и экономики регионов России: идентификация, оценка, управление», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) группа научных сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН совершила две экспедиции в районы Крайнего Севера: в сентябре 2021 г. – в Чукотский автономный округ и в ноябре 2021 г. – в Мурманскую область.

Выбор регионов был обусловлен целями и задачами научного проекта. Согласно данным Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромета), именно на северных территориях страны в последние десятилетия наблюдается самый быстрый рост среднегодовых температур. Наиболее выраженные отклонения от климатической нормы фиксируются в зимние месяцы: в декабре и январе. Так, по данным Всемирного фонда дикой природы, в Мурманской области средняя температура декабря увеличилась на 4,1–4,6 °С по сравнению с аналогичным показателем 1980 г. Схожая ситуация наблюдается во всех районах Крайнего Севера, включая и Чукотский автономный округ.

Экспедиция в Чукотский автономный округ

С 20 по 25 сентября 2021 г. научный коллектив в составе кандидата экономических наук, заместителя директора ИДИ ФНИСЦ РАН **А. С. Лукьянца**; доктора социологических наук, заведующего Отделом этнодемографических и интеграционных процессов **В. Ю. Леденевой** и младшего научного сотрудника Отдела миграции и миграционной политики **А. Д. Брагина** совершил экспедицию в Чукотский автономный округ.

Полевое научное исследование проводилось в городах Анадырь и Певек. Его целью было изучение потенциальной уязвимости экономики и населения Чукотского автономного округа для негативных последствий глобального изменения климата. Задачами экспедиции стало проведение глубинных интервью с экспертами из числа представителей органов власти, научного сообщества и бизнеса, а также опроса

населения указанных городов относительно климатических тенденций и их возможных последствий для респондентов.

В городском округе Певек участники экспедиции встретились с главой города **Н. Ю. Левановым** и его заместителями: начальником управления по делам Администрации городского округа Певек **Н. В. Бадмаевой** и начальником Управления социальной политики Администрации городского округа Певек **М. В. Журбиным**.

Деловая встреча участников научной экспедиции с Главой городского округа Певек.

На фото слева направо: д. соц. н. В. Ю. Леденева; А. Д. Брагин; Глава городского округа Певек Н. Ю. Леванов; к. э. н. А. С. Лукьянец; начальник Управления социальной политики Администрации городского округа Певек М. В. Журбин

Business meeting of the scientific expedition participants with the Head of the Pevek city district. In the photo from left to right: Dr. Sci. (Sociol.) V. Y. Ledeneva; A. D. Bragin; Head of the City District Pevek N. Y. Levanov; Cand. Sci. (Econ.) A. S. Lukyanets; Head Department for Social Policy of the City District Pevek Administration M. V. Zhurbin

Во время встречи были детально обсуждены вопросы социально-экономического положения и развития городского округа, а также роль и место природно-климатических факторов в развитии городской инфраструктуры, социальных объектов и градообразующих предприятий. В результате дискуссии была выявлена роль первой в мире плавучей атомной теплоэлектростанции «Академик Ломоносов» (пришвартованной в порту городского округа Певек) в снижении выбросов загрязняющих веществ в окружающую среду, в улучшении экологической, экономической и социально-демографической ситуации. Участники встречи пришли к общему выводу о том, что в XXI в. именно атомные электростанции позволят существенно снизить выбросы парниковых газов в атмосферу, при этом обеспечив необходимый уровень энергетической безопасности, которого на данный момент невозможно достигнуть за счет использования одних лишь альтернативных источников энергии, таких как ветряные, солнечные и приливные электростанции. В ходе деловой встречи были достигнуты договоренности о сотрудничестве и оказании экспертного содействия

Администрации городского округа сотрудниками ИДИ ФНИСЦ РАН, и информационном обмене по исследуемой проблематике.

Кроме того, члены научного коллектива совместно с представителями Администрации городского округа и ПАО «Полиметалл» провели выездные мероприятия на важнейших социальных объектах города, что позволило опросить население Певека на предмет восприятия климатических изменений в регионе и миграционных установок в кратко- и среднесрочной перспективе. Полученные результаты практически полностью соответствуют результатам полевых исследований, проводившихся в ходе экспедиций в районы Крайнего Севера в 2020 г.

Именно глубинные интервью позволили выявить роль природно-климатических факторов в формировании миграционных установок населения Певека. Воздействие данных факторов традиционно носит латентный характер и с трудом поддается идентификации при проведении опросов в силу низкой осведомленности и психологической невосприимчивости респондентов к данной проблеме.

В административном центре Чукотского автономного округа, г. Анадыре, состоялась встреча с представителями Аппарата Правительства автономного округа. Во встрече с сотрудниками ИДИ ФНИСЦ РАН приняли участие заместитель Руководителя Аппарата, начальник Управления внутренней политики **А. Ю. Самойлович**, заместитель начальника Управления по внутренней политике **Е. А. Карпова**, заместитель начальника Управления по делам коренных малочисленных народов Чукотки Аппарата Губернатора и Правительства Чукотского автономного округа **Н. В. Калячайвыргин** и другие представители Аппарата Правительства.

Деловая встреча участников научной экспедиции с представителями Правительства Чукотского автономного округа

Business meeting the scientific expedition participants with representatives of the Government of the Chukotka Autonomous Okrug

В ходе встречи обсуждался самый широкий круг вопросов, затрагивающих социально-экономическую, экологическую, демографическую ситуации в округе, миграционные процессы, вопросы привлечения в округ иностранных работников, развитие образования и здравоохранения. В отдельной дискуссии были подробно рассмотрены возможные климатические риски для региона, а также предпринята попытка экспертной оценки возможных экономических последствий для бюджета автономного округа. Было установлено, что изменение климата, для Чукотки в первую очередь проявляющееся в уменьшении слоя вечной мерзлоты и увеличении объемов среднегодовых осадков, несет серьезные угрозы как для объектов техносферы, таких как объекты транспортной инфраструктуры, капитального строительства (особенно жилые многоэтажные дома), так и для традиционного жизненного уклада коренных народов округа. Участники дискуссии с принимающей стороны отметили ряд угроз и для населения исследуемой территории. Так, повышение среднегодовой температуры, приводящее, в том числе, к увеличению объемов осадков и более быстрой изменчивости погоды, несет повышенные риски для метеозависимой части населения, что становится причиной ухудшения состояния здоровья и дополнительной мотивацией к перемене места жительства. Опрос экспертов и населения выявил, что подавляющая часть жителей округа не планирует оставаться на Чукотке после достижения пенсионного возраста.

Члены экспедиции перед административным зданием министерств Мурманской области. На фото слева направо: к. э. н. А. А. Тер-Акопов; к. э. н. Р. В. Маньшин; А. И.

Тышкевич; к. э. н. А. С. Лукьянец; к. э. н. Г. Ф. Морозова; д. соц. н. В. Ю. Леденева

The scientific expedition participants in front of the administrative building of the Ministries of the Murmansk Region. In the photo from left to right: Cand. Sci. (Econ.) A. A. Ter-Akopov;

Cand. Sci. (Econ.) R. V. Manshin; A. I. Tyshkevich; Cand. Sci. (Econ.) A. S. Lukyanets; Cand. Sci. (Econ.) G. F. Morozova; Dr. Sci. (Sociol.) V. Y. Ledeneva

Экспедиция в Мурманскую область

С 5 по 9 ноября 2021 г. прошла экспедиция научных сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН в столицу Арктики – город Мурманск. Целью экспедиции являлось изучение климатической ситуации в регионе и оценка климатических рисков с точки зрения формирования человеческого капитала, миграции и социально-экономического развития Мурманской области. В экспедиции приняли участие кандидат экономических наук, заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН **А. С. Лукьянец**; доктор социологических наук, заведующий Отделом этнодемографических и интеграционных процессов **В. Ю. Леденева**; кандидат экономических наук, заведующий Отделом миграции и миграционной политики **Р. В. Маньшин**; кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела миграции и миграционной политики **Г. Ф. Морозова**; кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории международных демографических исследований **А. А. Тер-Акопов**; стажер-исследователь Отдела демографической безопасности и моделирования демографических процессов **А. И. Тышкевич**.

В Мурманске участники экспедиции провели рабочую встречу с министром природных ресурсов, экологии и рыбного хозяйства Мурманской области **С. Н. Абариновым**, начальником Отдела государственной политики в сфере охраны окружающей среды **О. А. Лакманюк** и ее заместителем **А. А. Ссюхиным**.

Деловая встреча участников научной экспедиции с министром природных ресурсов, экологии и рыбного хозяйства Мурманской области С. Н. Абариновым. На фото слева направо: к. э. н. Р. В. Маньшин; к. э. н. Г. Ф. Морозова; к. э. н. А. С. Лукьянец; А. И. Тышкевич; д. соц. н. В. Ю. Леденева; Министр природных ресурсов, экологии и рыбного хозяйства Мурманской области С. Н. Абаринов; к. э. н. А. А. Тер-Акопов
Business meeting of the scientific expedition participants with the Minister of Natural Resources, Ecology and Fisheries of the Murmansk Region S. N. Abarinov. In the photo from left to right: Cand. Sci. (Econ.) R. V. Manshin; Cand. Sci. (Econ.) G. F. Morozova; Cand. Sci. (Econ.) A. S. Lukyanets; A. I. Tyshkevich; Dr. Sci. (Sociol.) V. Y. Ledeneva; Minister of Natural Resources, Ecology and Fisheries of the Murmansk Region S. N. Abarinov; Cand. Sci. (Econ.) A. A. Ter-Akopov

В ходе встречи обсуждались вопросы социально-экономической и климатической ситуаций в Мурманской области, последствия климатических изменений, основные экономические и социальные угрозы для региона, вызванные климатическими рисками, а также демографические и миграционные процессы. В ходе открытой дискуссии были определены основные климатические риски для экономики региона в целом и сферы рыболовства, в частности. Достаточно подробно было рассмотрено влияние Северного морского пути на экологическую обстановку, экономику и социально-демографические процессы в регионе. Отдельное внимание было уделено направлениям развития населенных пунктов области, расположенных непосредственно вдоль береговой линии, которые в большей степени ощущают на себе последствия климатических изменений. Также со стороны представителей Министерства природных ресурсов, экологии и рыбного хозяйства Мурманской области была высказана заинтересованность в совместных научных публикациях в высорейтинговых международных журналах.

Вторая часть экспедиции была посвящена экспертным опросам представителей бизнеса. Научные сотрудники института провели переговоры с представителями бизнес-сообщества, которые занимаются предпринимательской деятельностью в сфере судоходства и рыболовства на территории Мурманской области. В рамках переговоров обсуждались вопросы существующих в регионе условий и возможностей для ведения успешной коммерческой деятельности, проявления последствий климатических изменений и меры государственной поддержки в условиях изменения климата и сложной эпидемиологической ситуации. Экспертный опрос выявил ряд проблем, с которыми сталкивается бизнес. Среди них присутствуют как проблемы, напрямую связанные с климатическими изменениями (например, изменение популяции отдельных видов промысловых рыб), так и проблемы, на которые климатические факторы оказывают косвенное воздействие. К последним представители бизнес-сообщества отнесли сильнейший дефицит квалифицированных кадров, который вызван, с одной стороны, нерациональной политикой государства в сфере подготовки узкоквалифицированных специалистов в сфере судоходства и рыболовства, а с другой – значительным миграционным оттоком населения под влиянием социально-экономических, природно-климатических и экологических условий.

С 2020 г. по настоящее время в рамках реализации проекта РФФИ «Климатические риски для населения и экономики регионов России: идентификация, оценка, управление» было проведено 17 экспедиций в 23 субъекта РФ, которые в наибольшей степени испытывают на себе последствия климатических изменений. В силу специфики научной тематики проекта, а также особенностей статистического учета показателей, отражающих климатические изменения и их последствия, именно экспедиции позволяют собрать необходимый эмпирический материал и увидеть «изнутри» существующие проблемы, вызванные перечисленными факторами. Конечной целью научного проекта станет разработка рекомендаций для государственных и региональных органов власти относительно возможных путей минимизации негативных эффектов для населения и экономики Российской Федерации вследствие глобального изменения климата.

Сведения об авторе:

Лукьянец Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, заместитель директора по инновационному проектированию, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; доцент Кафедры миграционной и демографической политики МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: artem_ispr@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-6451-6693; ПИНЦ Author ID: 605126; Scopus Author ID: 56703673200; Web of Science Researcher ID: N-6320-2019.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-01006.

Статья поступила в редакцию 09.11.2021; принята в печать 13.11.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

EXPEDITIONS OF RESEARCHERS FROM THE IDR FCTAS RAS TO THE RUSSIAN FAR NORTH

Artem S. Lukyanets

Institute for Demographic research FCTAS RAS; MGIMO University, Moscow, Russia

E-mail: artem_ispr@mail.ru

For citation: Artem S. Lukyanets. Expeditions of Researchers from the IDR FCTAS RAS to the Russian Far North. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No 4. P. 152–158. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.12>.

Bio note:

Artem S. Lukyanets, Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director for Innovative Design, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS; Associate Professor, Department for Migration and Demographic Policy, MGIMO University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: artem_ispr@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-6451-6693; RSCI Author ID: 605126; Scopus Author ID: 56703673200; Web of Science Researcher ID: N-6320-2019.

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project No. 20-010-01006.

Received on 09.11.2021; accepted for publication on 13.11.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

XVIII РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ЭКСПЕРТНЫЙ ФОРУМ «РЕСУРСНАЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ»

Рубан Л. С.

*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва,
Россия*

E-mail: lruban@yandex.ru

Ван Ци

*Институт стратегического сотрудничества Китая и России при
Университете Цинхуа, Пекин, Китай*

E-mail: wq@thinghua.ed.cn

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.13>

Для цитирования: Рубан Л. С., Ван Ци. XVIII российско-китайский экспертный форум «Ресурсная и технологическая основа устойчивого развития» // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 159–168. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.13>.

Ресурсная и технологическая основа устойчивого развития стала ключевой темой XVIII Международного российско-китайского экспертного форума, проведенного 15–16 июня 2021 г. в рамках Перекрестного года России и Китая по инновациям и технологиям (2020–2021 гг.)

Программа мероприятия включала доклады ученых из России, Китая, Казахстана и Таджикистана, поднимавших вопросы достижения целей устойчивого развития, внедрения технологических инноваций, совершенствования сотрудничества между нашими странами в рамках международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком»). Прошли плодотворные дискуссии и обмен опытом, были намечены планы дальнейшего сотрудничества.

Форум продолжил серию совместных российско-китайских экспертных мероприятий (форумов, симпозиумов и семинаров), инициированных Университетом Цинхуа, Китайской ассоциацией стратегических исследований и Китайским нефтяным университетом, проходящих с 2008 г. поочередно в России и Китае для более тесного контакта и обмена опытом российских и китайских ученых в передовых отраслях науки и знания.

Организаторами форума выступили с российской стороны Институт социально-политических исследований (ИСПИ) ФНИСЦ РАН и Институт демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН, с китайской стороны – Институт стратегического сотрудничества Китая и России (ИССКР) при Университете Цинхуа (Пекин, КНР) и Китайско-Российский Центр по сотрудничеству в гуманитарных науках и технологиях (Нинбо, КНР).

Пленарная сессия форума

Форум открыл Первый вице-президент Российской академии наук академик РАН **Ю. Ю. Балега**. Он отметил, что тематика мероприятия имеет особое значение, так

как цели в области устойчивого развития всего человечества являются своеобразным призывом к действию, исходящим от всех стран мира, и нацеленным на улучшение благосостояния и защиты нашей планеты. Государства признают, что меры по ликвидации бедности должны приниматься параллельно с усилиями по наращиванию экономического роста и решением целого ряда вопросов в области образования, здравоохранения, социальной защиты и трудоустройства населения, а также борьбой с изменением среды. Это важнейшие задачи для всего человечества, уверен ученый. Решение таких глобальных задач возможно только при достижении максимального результата и укрепления международного сотрудничества в области науки и технологий. Ю. Ю. Балегга сообщил, что Российская академия наук готова к формированию таких предложений и в настоящий момент проводит работу по выстраиванию долгосрочных и надежных научных связей. Одним из ее основных зарубежных партнеров является Китайская академия наук, сотрудничество с которой осуществляется на основе соглашения, заключенного еще в период 2018–2019 гг., когда была подписана Российско-Китайская дорожная карта по сотрудничеству в области науки, научных исследований и инноваций.

На пленарной сессии форума выступил президент ассоциации «Глобальная энергия» **С. Б. Брилев**. Он рассказал о ежегодно вручаемой ассоциацией премии «Глобальная энергия», которая входит в сотню самых престижных мировых наград. Одной из номинаций премии являются новые способы применения энергии, которые приобретают особую значимость в контексте реализации целей устойчивого развития, выдвинутых ООН. По мнению С. Б. Брилева, в данном контексте важно, чтобы развитие энергетики способствовало улучшению жизни общества в целом, поэтому важно учитывать всю совокупность факторов и все особенности социально-экономической и демографической ситуации в разных странах и регионах мира, чтобы обеспечить доступную энергию и действительно устойчивое развитие для всех.

Врио директора Департамента международного сотрудничества Министерства науки и высшего образования России **Ю. В. Распертов** в своем выступлении особое внимание уделил необходимости взаимной кооперации и обмена опытом в области науки, высоких технологий и инноваций между Россией и Китаем как странами, обладающими значительным научно-техническим потенциалом и крепкой ресурсной основой для устойчивого развития, что позволит им противостоять современным вызовам и угрозам.

От китайской стороны участников форума приветствовал заместитель председателя Общества авторитетных профессоров по науке и технике университета Цинхуа, вице-президент Института стратегического сотрудничества Китая и России **Чжоу Маолин**. Он высоко оценил значение проводимого научного мероприятия, как и Перекрестных годов Китая и России в целом, которые демонстрируют высокий уровень всеобъемлющего стратегического партнерства между двумя странами в новую эпоху.

Директор ФНИСЦ РАН, член-корреспондент РАН **М. Ф. Черныш** выразил мнение, что при нынешних условиях в новых решениях и новых технологиях нуждается не только техническая сфера, но и социальная жизнь, да и сами возможности выживания современных обществ. Пандемия COVID-19 обострила стоящие перед современным обществом проблемы до такой степени, когда откладывать их решение не представляется возможным. Уже сейчас очевидно, что без решения этих проблем невозможно рассчитывать на сколько-нибудь устойчивое развитие в обозримом и отдаленном будущем, подчеркнул М. Ф. Черныш. Первой в ряду таких проблем уче-

ный назвал усугубляемое эпидемией неравенство. Если раньше о неравенстве можно было говорить в академическом ключе, рассуждать о постепенных мерах преодоления бедности, о выгодах и невыгодах прогрессивного налогообложения, то сейчас вопрос неравенства встал во главу угла как проблема экзистенциальная, вопрос жизни и смерти для многих людей, которым не посчастливилось принадлежать к узкой прослойке наиболее обеспеченных граждан. Одна из причин этого – повсеместная коммерциализация жизни и, в том числе, коммерциализация важнейших сфер жизни общества – здравоохранения и образования. Эпидемия развеяла иллюзии о том, что цифровизация сглаживает социальные различия в обществе, заявил М. Ф. Черныш. Так, например, испытание дистанционным обучением наилучшим образом прошли выходцы из благополучных семей и наихудшим – дети из семей малообеспеченных. По выражению ученого, в ряде случаев эпидемия показала, что король неолиберализма голый, что нужна кропотливая, осмысленная работа по восстановлению социального государства, расширению масштабов того, что в литературе принято называть его сетевыми структурами. Особо М. Ф. Черныш подчеркнул роль социальной сплоченности в преодолении пандемии и ее последствий. Именно социальный капитал он назвал важнейшим достоянием сегодняшнего общества, а его убывание – одним из главных вызовов в эпоху эпидемии. Поэтому в сложившейся ситуации важно, в том числе в России и Китае не терять дружеских, наработанных научных связей друг с другом.

Директор Китайско-Российского Центра по сотрудничеству в гуманитарных науках и технологиях **Ван Цзянь Пин** выступил с докладом, посвященным практике и опыту города Нинбо в области устойчивого развития с применением передовых технологических инноваций. Город Нинбо в китайской провинции Чжэцзян действует в условиях чрезвычайной нехватки природных ресурсов. Такие ресурсы, как земля, вода, энергия и рудные полезные ископаемые, находятся в большом дефиците. Кроме того, не хватает научно-исследовательских и высших образовательных учреждений. Тем не менее, в условиях двойного ограничения, технологий и ресурсов, город Нинбо при поддержке правительства всемерно продвигает технологические инновации, поощряет привлечение специалистов для осуществления технологического прорыва. Спустя 40 лет непрерывных усилий Нинбо смог реализовать задачи устойчивого развития, а также получил успешный опыт в преодолении ресурсных ограничений, сообщил ученый.

Директор ИСПИ ФНИСЦ РАН, доктор социологических наук **В. К. Левашов** посвятил свое выступление одному из главных вызовов нашего времени, имеющему планетарное значение – лавинообразно возрастающему воздействию антропогенной производственной, бытовой, военно-технической, репродуктивной и другой деятельности на биосферу Земли. Попыткой дать научно обоснованный ответ на этот вызов стала концепция устойчивого развития, сформировавшаяся к 90-м годам XX в. Ученый рассказал об идейных предпосылках и этапах становления данной концепции. В течение последних десятилетий мировое общественное мнение, научное и политическое сообщество на ряде крупных международных форумов склонились к точке зрения, что главные причины ухудшения окружающей среды лежат в социально-экономической и демографической сферах жизни общества, подчеркнул В. К. Левашов. Сегодня понятие «устойчивое развитие» прочно вошло в мировой политический и экономический лексикон, стало ориентиром для экономических стратегий многих стран мира. Вместе с тем, в масштабах всей планеты затратную модель

экономического развития пока не удастся отменить, и принципы устойчивого развития во многом остаются лишь провозглашаемой желаемой целью, констатировал ученый. Поэтому в ходе восстановления после пандемии COVID-19 необходимо взять на вооружение новую модель глобального управления, добиться большего равенства в мире, устранить диспропорции в финансовой и торговой системах, а также сократить ущерб, наносимый деятельностью человека окружающей среде. Ученый выразил надежду, что, объединив усилия ученых и политиков на базе идей концепции устойчивого развития, удастся определить угрозы, интересы, цели и средства и попытаться найти выход из тупика цивилизации

Директор ИДИ ФНИСЦ РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук **С. В. Рязанцев** еще раз подчеркнул, что повестка устойчивого развития крайне актуальна не только в контексте реализации целей устойчивого развития, выдвинутых ООН, но и в силу тех обстоятельств, которые сегодня существуют в глобальном мире и обуславливают необходимость сотрудничества по самым важным социальным и экономическим проблемам. Человеческие ресурсы и человеческий капитал обеспечивают устойчивое развитие экономики и социальной сферы, и без человека, без демографических ресурсов, без трудового потенциала невозможно достичь устойчивого развития. Однако сама идея устойчивого развития, достижение этой цели, конечно же, необходимы для блага общества и человека, отметил ученый. Директор ИДИ ФНИСЦ РАН выразил надежду на продолжение научного сотрудничества с китайскими коллегами по вопросам здоровьесберегающих технологий, т. е., технологий по сбережению трудового и демографического потенциала населения России и Китая; вопросам, связанным с управлением регулируемой миграцией и вкладом диаспор в развитие посылающих и принимающих стран, в том числе в инновационное развитие и инвестирование в экономику; проблемам демографического старения и вовлечения потенциала старшего поколения в общественную жизнь в интересах устойчивого развития и сбалансированного развития общества; задачам привлечения высококвалифицированных специалистов в контексте международного сотрудничества в интересах развития национальных экономик, а также стимулирования академической мобильности ученых, аспирантов, студентов; важным направлением также может стать изучение вопросов туризма и его вклада в социокультурное взаимодействие двух стран.

Завершил работу пленарной секции совместный доклад исполнительного директора Института стратегического сотрудничества Китая и России при Университете Цинхуа (КНР) **Ван Ци** и руководителя Отдела исследования проблем международного сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН **Л.С. Рубан** на тему «2020–2021 гг. – Перекрестные годы по технологиям и инновациям Китая и России в русле устойчивого развития». В докладе излагались результаты 15-летнего научно-исследовательского взаимодействия Института стратегического сотрудничества Китая и России при Университете Цинхуа в рамках международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») и основные результаты исследований, проведенных в 16 странах АТР. Докладчики отметили, что Национальные годы не имеют аналогов по масштабности и насыщенности мероприятий и будут способствовать дальнейшему укреплению политического доверия, сотрудничества в политической, торгово-экономической, научно-технической, гуманитарной и других областях, упрочению социальной базы китайско-российской дружбы и дадут мощный импульс всестороннему развитию отношений партнерства и стратегического взаимодействия между КНР и РФ.

Секция «Энергетика и инноватика – ключевые факторы устойчивого развития»

Первую секцию «Энергетика и инноватика – ключевые факторы устойчивого развития» открыл академик РАН, лауреат Государственной премии России в области науки и техники, заместитель генерального директора «ВНИИ Зарубежгеология» **В. И. Высоцкий** докладом на тему «Ресурсная обеспеченность энергетической безопасности». Он указал на то, что мировое потребление первичной энергии за последнее десятилетие увеличивалось в среднем на 1,6% в год. Более половины приходилось на нефть и газ, причем некоторое снижение доли нефти было компенсировано увеличением доли газа. К 2030 г. доля ископаемых источников в мировом потреблении энергии составит 75%, а к 2050 г. уменьшится более чем на 20%. Наибольший рост – у возобновляемых источников энергии. К 2030 г. их доля вырастет до 12%, а к 2050 г. – до 30%. В рамках презентации был продемонстрирован электронный глобус мировых нефтегазовых ресурсов.

Л. Ф. Деловарова, и.о. доцента Кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского Национального Университета имени аль-Фараби выступила по теме «Инновации в экономическом развитии Казахстана». Ее доклад был посвящен обзору инновационной политики Республики Казахстан с начала второй декады XXI в. через стратегии и основные государственные программные документы. Было показано, что центральным вопросом в контексте устойчивого экономического развития является повышение конкурентоспособности через диверсификацию экономики Казахстана. В докладе был сделан анализ вклада страны в устойчивое развитие через реализацию глобальной Повестки дня до 2030 г., показана ситуация привлечения иностранной рабочей силы как фактор индустриального и инновационного развития Казахстана.

А. А. Кочешков, советник МИД России охарактеризовал Ирано-Китайское сотрудничество в нефтегазовой сфере, его перспективы и трудности. Он отметил, что Исламская Республика Иран (ИРИ) является одной из крупнейших нефтегазовых держав. Она занимает четвертое место в мире по доказанным запасам нефти – 21 373,6 млн тонн, что составляет 21,4% мировых запасов. Однако в связи с санкциями, наложенными на Иран США и ЕС добыча нефти в ИРИ в последние годы снижается. В настоящий момент Иран занимает восьмое место в мире по добыче нефти, но не входит в восьмерку стран – крупнейших экспортеров нефти из-за санкций, которые являются хронической проблемой иранской экономики, поэтому ирано-китайское энергетическое сотрудничество имеет для Исламской Республики Иран чрезвычайно большое значение. Докладчик указал на то, что на протяжении двух десятилетий КНР является важным потребителем энергоресурсов ИРИ и ключевым инвестором в освоение перспективных газовых месторождений этой страны. Китайские кредиты и технологии имеют большое значение для модернизации инфраструктуры нефтегазового комплекса ИРИ. Тем не менее, как показывает исследование, для Китая, который во главу угла ставит задачу диверсификации поставок энергоресурсов, Иран на мировом рынке углеводородов не является незаменимым партнером. В Пекине также не заинтересованы в том, чтобы ставить под удар свое выгодное сотрудничество со странами Запада, в том числе с США. Для урегулирования всех накопившихся противоречий в торгово-экономических отношениях руководство двух стран решило на подписание весной 2021 г. беспрецедентного «Комплексного соглашения», которое подразумевает, в том числе предоставление КНР статуса привилегированного партнера в иранской энергетической сфере в обмен на внушительный пакет китайских кредитов и инвестиций.

Н. С. Гриб, заместитель руководителя Департамента сводной аналитики в ТЭК Дирекции по подготовке ИАМ ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России, старший научный сотрудник Отдела исследования проблем международного сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН раскрыла тему «Водородная стратегия как часть энергетического перехода», указав на то, что, согласно прогнозу международного агентства IRENA, доля нефти сократится с 36% в 2016 г. до 13% в 2050 г., газа – с 16% до 10%, угля – с 14% до 3%. Зато доля электроэнергии в конечном потреблении может вырасти почти втрое – с 19% до 49%. В этой доле будет задействован водород как один из способов хранения энергии.

Работа первой секции завершилась дискуссией, развернутыми и подробными ответами докладчиков на вопросы. Во второй день Форума работало две секции («Технологический прорыв – обязательное условие НТР» и «Человеческий капитал и трудовой потенциал производственного сектора России и КНР в контексте устойчивого развития»).

Секция «Технологический прорыв – обязательное условие НТР»

Вторую секцию открыл совместный доклад **А. В. Клименко**, академика РАН и **В. А. Клименко** из Томского государственного университета по теме «Аддитивные технологии в энергетике». В докладе излагались результаты уникального эксперимента по производству керамики прочности крепче стали, и поднималась проблема законодательного оформления аддитивных технологий и внедрения их в производство. Указывалось, что поиск материалов с высокими эксплуатационными свойствами и их использование в практике – магистральный путь совершенствования техники любого предназначения. Это в полной мере относится и к теплоэнергетике – получению электроэнергии и тепла за счет сжигания органического топлива.

Китайские партнеры **Ван Цзянь Пин**, директор Китайско-Российского Центра по сотрудничеству в гуманитарных науках и технологиях (Нинбо) и **Бао Сяо Мин** рассказали о практике города Нинбо в области устойчивого развития городов и успехах на этом поприще. Эту тему продолжил **О. Н. Забузов**, старший научный сотрудник Отдела исследования проблем международного сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН, развивая тему «Умные города: опыт России и Китая». Докладчик отметил, что, по данным Всемирного банка, начиная с 1960 г. мировой тренд уровня урбанизации имеет прямую восходящую линию. Если в 1960 г. количество проживающих в городах составляло чуть более 33%, то в 2019 г. – уже более 55%. Уже сейчас, большинство населения земного шара проживает в городах, в них сконцентрированы основные производственные, финансовые, логистические и другие мощности, что предъявляет к их среде повышенные критерии. Развитие ныне существующих городов и проектирование новых должно идти с учетом передового мирового опыта, базирующегося на идеологии «смарт», или умный город. У России и Китая накоплен определенный опыт построения и внедрения отдельных смарт-технологий в систему умный город, поэтому есть все основания для перенимания положительного опыта обеими странами.

Профессор **Л. С. Рубан**, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН в своем докладе раскрыла тему «Сотрудничество России и Китая в сфере ТЭК», обобщив накопленный нашими странами опыт эффективного сотрудничества. Она привела примеры высказываний экспертов по развитию энергетической отрасли обеих стран, указывавших, что у России есть

передовые технологии, крупные научные открытия, но внедрение их в производство тормозится и запаздывает, а у Китая накоплен большой опыт коммерциализации результатов исследовательских проектов, и здесь нам было бы хорошо использовать наработки друг друга. Кроме того, профессор Рубан, характеризуя современные риски и угрозы, отметила, что если до 2019 г. эксперты ставили на первое место риск, связанный с конкуренцией за энергетические ресурсы и территории, ими обладающие, то с 2020 г. на первое место для стран-энергоэкспортеров выходит конкуренция за рынки сбыта.

Завершил работу второй секции доклад **М. А. Ананьина**, первого секретаря МИД России, старшего научного сотрудника Отдела исследования проблем международного сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН на тему «Развитие инновационного процесса в России». Докладчик акцентировал внимание на том, что современный этап мирового экономического и социального развития характеризуется существенным влиянием цифровизации, которая основана на цифровом предоставлении информации и автоматизации процессов, что приводит к снижению издержек, появлению новых возможностей, повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни. Через переход к цифровой информации происходит трансформация всех сторон экономической и социальной жизни, а цифровизация становится и драйвером, и катализатором мирового общественного развития.

Секция «Человеческий капитал и трудовой потенциал производственного сектора России и КНР в контексте устойчивого развития»

В работе третьей секции стоит отметить гармоничный сплав опыта известных ученых (члена-корреспондента РАН С. В. Рязанцева, профессоров В. Ф. Печерицы и Пан Чанвэя, ведущего научного сотрудника С. В. Макеевой) и молодых ученых, которым была предоставлена возможность выступить на Форуме (З. К. Вазирова, В. А. Медведь, Е. М. Моисеевой, Анге).

Открыл третью секцию совместный доклад члена-корреспондента РАН **С. В. Рязанцева** и младшего научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН **З. К. Вазирова** на тему «Китайская миграция в Центральную Азию». В докладе были рассмотрены новые формы влияния КНР на страны Центральной Азии в экономическом, социокультурном и геополитическом аспектах, показаны экономический, социальный, демографический, этнорелигиозный факторы, обеспечивающие рост влияния Китая на страны региона и особенности демографического развития КНР, РФ и стран Центральной Азии. Были показаны объемы, динамика, отраслевые и региональные особенности китайских инвестиций в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане и отмечается, что китайские инвестиции стали, по сути, новой формой реализации геополитических интересов Китая в Центральной Азии и России.

В. Ф. Печерица, доктор исторических наук, профессор Кафедры политологии Восточного Института-Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, в докладе «Опыт и проблемы взаимодействия России и КНР в условиях новых вызовов и угроз» показал, что сохранение равноправного диалога Москвы и Пекина будет являться гарантией нашей общей безопасности, мира между Россией и КНР, процветания и возможности выстраивать хорошие политические и экономические отношения. Он констатировал, что существуют расхождения по вопросам международной повестки дня, поэтому анализ

противоречий и сдерживающих факторов в отношениях РФ и КНР позволит России найти новые возможности для ускорения собственного развития. При этом стороны должны учесть и доработать те аспекты, которые все еще такое развитие сдерживают. Вывод ученого сводится к следующему: сохранение равноправного диалога Москвы и Пекина будет являться гарантией нашей общей безопасности, мира и процветания.

Данную тему продолжила в своем докладе «Дипломатическая практика Китая в новой эпохе» **А. В. Бояркина**, кандидат политических наук, доцент Восточного Института-Школы региональных и международных исследований, Академического департамента английского языка Дальневосточного федерального университета. Она отметила, что после прихода к руководству страной в марте 2013 г. Си Цзиньпин выдвигает комплекс внешнеполитических концепций, таких как «новый тип международных отношений», «новый тип отношений великих держав», инициатива «Один пояс, один путь», «Сообщество единой судьбы человечества», «правильное понимание справедливости и выгоды», «доброжелательность, искренность, взаимовыгодность и инклюзивность». Это позволяет аналитикам в Китае и во всем мире говорить о дипломатии Си Цзиньпина, которая призвана содействовать созданию международных отношений нового типа и «Сообщества единой судьбы человечества». Эти ключевые идеи показывают восприятие Китаем мирового сообщества, его видение глобализации и миропорядка. Эта тема получила дальнейшее развитие в докладе «Сообщество цивилизаций Китая и России» профессора **Пан Чанвэя**, директора Центра исследования России и Центральной Азии Китайского нефтяного университета.

В совместном докладе **А. С. Лукьянца**, заместителя директора ИДИ ФНИСЦ РАН, **Р. В. Маньшина**, руководителя Отдела миграционной политики ИДИ ФНИСЦ РАН, и **Е. М. Моисеевой**, младшего научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН, «Социально-демографическая ситуация и миграционные процессы в Северо-Восточной Азии» были проанализированы современные тенденции миграционных потоков в странах региона, а также выявлены демографические и социально-экономические факторы притяжения и выталкивания мигрантов, предопределяющие направления этих потоков. Был дан подробный анализ миграционной, демографической и социально-экономической ситуации по отдельным странам региона с опорой на широкий массив данных как национальных статистических служб, так и международных организаций. Докладчики указали, что были подтверждены прогнозы, согласно которым в ближайшем будущем предложение трудовых ресурсов будет формироваться в основном за счет стран Юго-Восточной Азии, при этом страны Северо-Восточной Азии с более комфортными условиями труда: Япония, Южная Корея, Китай, – сами превращаются в крупнейших реципиентов трудовых мигрантов.

В докладе **С. Н. Мищук**, кандидата экономических наук, ведущего научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН, «Миграция в формировании трудовых ресурсов Дальнего Востока России» было акцентировано внимание на сохранении дисбаланса в намерениях постоянного населения и развития рынка труда Дальнего Востока за период с 2011 по 2019 г., выражающегося в сохранении отрицательных значений безвозвратной нетто-миграции при положительных темпах увеличения числа прибывающих внутрироссийских временных трудовых мигрантов. При сокращении негативных тенденций в показателях безвозвратной миграции, происходит увеличение числа международных и внутрироссийских трудовых мигрантов. Реализация инвестиционных проектов влияет на расширение географической структуры и число международных трудовых мигрантов. В докладе отмечалось, что в современных усло-

виях усиление роли внутрироссийской трудовой миграции является благоприятным направлением миграционных процессов для Дальнего Востока, которое обеспечивает стабильное развитие отдельных отраслей.

С. Б. Макеева, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, в своем докладе «Роль трудовых ресурсов в процессе регионального развития России и Китая» представила сравнительный анализ определения ключевых характеристик трудовых ресурсов, задействованных в ходе реализации стратегий пространственного развития в России и в Китае, где огромное значение придается качеству трудовых ресурсов. Специфика заключается в том, что в КНР первоочередными задачами управления трудовыми ресурсами являются перспективы участия рабочей силы в техническом прогрессе, модернизации промышленности и экономическом росте регионов Китая, тогда как в РФ одной из ключевых целей развития региональной системы управления трудовыми ресурсами является эффективная занятость населения и решение проблемы централизации ресурсных потоков, приводящих к усилившейся социально-экономической неравномерности регионов России. Докладчица подчеркнула, что Китай и Россия являются странами с очень большими различиями в региональном развитии. Китайское правительство, начиная с начала 1990-х гг. разработало несколько региональных проектов для содействия скоординированному развитию китайской региональной экономики, но при этом дисбаланс регионального экономического и социального развития сохраняется. Региональная экономика КНР тесно взаимосвязана с управлением трудовыми ресурсами и процессом стратегического распределения рабочей силы в те регионы КНР, которые входят в приоритетные программы по пространственной организации экономики. Докладчица обратила внимание на то, что российские и китайские ученые, эксперты в области исследования человеческого капитала отмечают, что трудовые ресурсы являются важнейшей составляющей социально-экономического развития государства.

Завершил работу секции совместный доклад **В. А. Медведь**, младшего научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН, преподавателя кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ, и **Анге**, аспиранта ИДИ ФНИСЦ РАН, на тему «Русскоязычное население в контексте миграционной политики КНР до и во время пандемии COVID-19». Молодые ученые представили результаты исследования влияния последствий COVID-19 на миграционные процессы в КНР, в том числе на сферу туризма, образовательную и трудовую миграцию. Докладчики обозначили изменения в миграционной политике Китая, в частности ужесточение правил въезда иностранных граждан и дальнейшие корректировки в системе международных перевозок пассажиров. Особое внимание в докладе они уделили положению русскоязычного населения в Китае до и в период пандемии COVID-19. Было проанализировано влияние пандемии на русских студентов, бизнесменов и трудовых мигрантов в КНР. Также в докладе рассматривалось, с какими трудностями столкнулись соотечественники в ходе эвакуации.

Форум завершился плодотворными дискуссиями и обменом наработанным опытом ученых из России, Китая, Казахстана и Таджикистана, которые будут продолжать сотрудничество, а обзоры представленных ими на форуме материалов будут изданы на русском и китайском языках и станут доступны научному сообществу обеих стран.

Сведения об авторах:

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: lruban@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7972-1596; РИНЦ Author ID: 422924; Scopus Author ID: S7189762088; Web of Science Researcher ID: AAG-9409-2020.

Ван Ци, доктор социологических наук, исполнительный директор Института стратегического сотрудничества Китая и России при Университете Цинхуа, Пекин, Китай.

Контактная информация: ORCID ID: 0000-0001-2345-6789; e-mail: wq@thinghua.ed.cn.

Статья поступила в редакцию 22.06.2021; принята в печать 23.08.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

XVIII RUSSIAN-CHINESE EXPERT FORUM “RESOURCE AND TECHNOLOGICAL BASIS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT”

Larisa S. Ruban

Institute for Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: lruban@yandex.ru

Qi Wang

Institute for China-Russia Strategic Cooperation, Tsinghua University, Beijing, China

E-mail: wq@thinghua.ed.cn

For citation: Larisa S. Ruban, Qi Wang. XVIII Russian-Chinese Expert Forum “Resource and Technological Basis of Sustainable Development”. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No 4. P. 159-168. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.13>.

Bio note:

Larisa S. Ruban, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Head Department for Research on the Problems of International Cooperation, Institute for Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: lruban@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7972-1596; RSCI Author ID: 422924; Scopus Author ID: S7189762088; Web of Science Researcher ID: AAG-9409-2020.

Qi Wang, Doctor of Science (Sociology), Executive Director, Institute for China-Russia Strategic Cooperation, Tsinghua University (ICRSC), Beijing, China.

Contact information: ORCID ID: 0000-0001-2345-6789; e-mail: wq@thinghua.ed.cn.

Received on 22.06.2021; accepted for publication on 23.08.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Дорогие авторы!

Подробная информация о тематическом профиле журнала, редакционная политика и требования, предъявляемые к присылаемым в редакцию рукописям, размещены на сайте журнала <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>. Рекомендуем ознакомиться с такими разделами, как *Редакционная политика*, *К сведению авторов*. Подать рукопись на рассмотрение можно через форму на сайте: <https://www.manuscript.fnisc.ru/demis/>

Приветствуем указание идентификаторов автора: ORCID, SPIN-код, ResearcherID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID. Оформляя списки литературы, не забудьте указать DOI всех источников из списка литературы, если они им присвоены. В случае если оригинал цитируемого источника в данный момент недоступен, можно проверить наличие DOI на сайте www.crossref.org в разделе SimpleTextQuery. DOI должен быть представлен в виде рабочей гиперссылки в конце библиографического описания, например:

Hinich M., Munger M. *Analytical Politics*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 1997. 253 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139174725>

Редакция: Н.А. Безвербная, Е.М. Моисеева
Техническая поддержка: Н.С. Рязанцев
Компьютерная верстка: Н.Ю. Бруевич

Edition: N.A. Bezverbnaya, E.M. Moiseeva
Technical support: N. S. Ryazantsev
Computer layout: N.U. Bruevich

Учредитель: Федеральный научно-исследовательских социологический центр Российской академии наук
Адрес учредителя: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35к5
<https://www.fnisc.ru/>

Издатель: Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Адрес издателя: 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к.1
<https://idrras.ru/>

Редакция: 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к.1. Тел.: +7 499 530 28 84
bezvad@mail.ru; evgeniyamoiseeva@mail.ru;
<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis/index>